У 317/47
22.67

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

—

Часть II.

Пѣсни Былевыя, Историческія.

Выпускъ 7.

Москва.

Отъ Грознаго Царя до Петра I-го.

XII Д. 362.
И 317/47
кн. № 1/2

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

[Т. 2, вып. 7]

МОСКВА.
Въ Типографіи П. Бахметева, на Срѣтенкѣ, д. Карлони.
1868.

Ж. 2108

Дозволено Ценсурой. Москва, Августа 16-го, 1868 г.

2007041547

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

8015-45

Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Любителей Россійской Словесности *).

— 1865 года, Января 9-го, CCI засѣданіе, пунктъ 4. — Д. Ч. П. А. Безсоновъ прочелъ отчетъ по изданію первыхъ шести выпусковъ пѣсень изъ собранія П. В. Кирѣевскаго и планъ дальнѣйшаго изданія этихъ пѣсень. При чемъ объявилъ, что онъ уѣзжаетъ изъ Москвы въ Вильну и слѣдовательно не можетъ заниматься изданіемъ пѣсень. При этомъ онъ представилъ приготовленный имъ совершенно къ печати 7-й выпускъ пѣсень.... Опредѣлено: приготовленный къ изданію 7-й выпускъ пѣсень изъ собранія П. В. Кирѣевскаго передать для печатанія Д. Ч. А. Н. Аѳанасьеву, съ просьбою принять на себя трудъ по означенному изданію.

---

*) Отпечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ

Выпускъ 7.

Пѣсни Былевыя, Историческія:

Москва.

Отъ Грознаго Царя до Петра I-го

Убіеніе царевича Димитрія. Борисъ Годуновъ.

1.

Не вихрь [1]) крутитъ по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится;
То орелъ летитъ [2]) поднебесью,
Зорко [3]) смотритъ онъ на Москву рѣку,
На палатушки бѣлокаменны,
На сады ея зелёные [4]),
На златой дворецъ стольна города.
Не лютая змѣя воздывалася,
Воздывался собака булатный ножъ,
Упалъ онъ ни на воду, ни на землю,
Упалъ онъ царевичу на бѣлу грудь,
Да тому ли царевичу Димитрію;
Убили же царевича Димитрія,
Убили его на Углищи,
На Углищи на игрищи, [5])
Ужь какъ въ томъ дворцѣ черной ноченькой.
Коршунъ свилъ гнѣздо съ коршунятами!
Ужь какъ тотъ орелъ Димитрій царевичь [6]),
Что и коршунъ тотъ Годуновъ Борисъ;
Убивши царевича, самъ на царство сѣлъ,
Царилъ же онъ, злодѣй, ровно семь годовъ [7]).
Не вихрь [8]) крутитъ по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится,
То идетъ грозный Божій гнѣвъ [9])
За православную Русь [10]):

---

[1]) Что не вихрь. [2]) То летитъ орелъ. [3]) Быстро. [4]) На зеленые [5]) 8—15 *ст. нѣтъ.* [6]) Дмитрій русской царь. [7]) 20 — 21 *ст. нѣтъ.* [8]) Что не вихрь. [9]) То идетъ грозой православный царь. [10]) На святую Русь, свою отчину.

И погибъ коршунъ на гнѣздѣ своемъ [1]),
Его пухъ прошелъ по поднебесью,
Проточилась кровь по Москвѣ рѣкѣ.

(Два варіанта: 1-й присланъ В. И. Даленъ; 2-й г. Миняевымъ; 1-й принятъ за текстъ).

*

2.

(Тульской губ., Чернск. у. село Соколы́).

Охъ, было у насъ, братцы, въ ста́рые го́ды, въ да́вніе вѣки,
Въ давніе вѣки, при ста́рыихъ при царяхъ,
Было время злое, пагубное.
Ужь настало то время злое при старомъ при царѣ Ѳёдорѣ Ивановичѣ;
Какъ преставился-то нашъ православный царь Ѳёдоръ Ивановичь,
Такъ досталась-то Россе́юшка злодѣйскимъ рукамъ,
Злодѣйскимъ рукамъ, боярамъ-господамъ.
Появилась-то изъ бояръ одна бу́йна голова,
Одна буйна голова, Борисъ Годуновъ сынъ;
Ужь и этотъ Годунъ всѣхъ бояръ-народъ надулъ.
Ужь и вздумалъ полоумный Россеюшкой управлять;
Завладѣлъ всею Русью, сталъ царствовать въ Москвѣ.
Ужь досталъ онъ и царство смертію царя,
Смертію царя славнаго, свято́го Димитрія царевича.
Какъ собра́лъ-то себѣ разбойникъ Годуновъ сынъ,
Собра́лъ проклятыхъ людей, злыхъ разбойниковъ;
Собравши ихъ, прокляту рѣчь имъ взго́ворилъ:
«Вы, разбойнички, удалы́е молодцы́!
«Вы подите, вы убейте Дмитрія царя!
«Вы придите и скажите: убили-ли царя?
«Сослужите вы мнѣ эту службу, сослужу я вамъ златомъ-се́ребромъ.»

---

[1]) На своемъ гнѣздѣ.

Ужь пошли прокляты люди, злы разбойники,
Пошли во святое мѣсто въ Угличь славный градъ,
Ужь убили тамъ мла́даго царевича Дмитрія свято́го;
Ужь пришли-то и сказали Борису Годуну́.
Какъ услышалъ-то Борисъ, злу возрадовался.
Ужь и царствовалъ Борисъ ровно пять годовъ;
Умертвилъ себя Борисъ съ горя ядомъ змѣ́йнымъ,
Ядомъ змѣ́йнымъ, кинжаломъ вострымъ.

(Пѣла старушка, 1834 г.).

*

Григорій Отрепьевъ и Марина.

1.

(Тульской г., Чернскаго у. с. Соколы).

Что у насъ было на святой Руси́,
На святой Руси, въ каменно́й Москвѣ,
Въ каменно́й Москвѣ, въ старомъ Симоновомъ монастырѣ:
Ужь и въ этомъ монастырѣ много братіи жило́,
Много братіи, всѣ монахи, Богу вѣрные.
Что не знали всѣ монахи, чтобъ случи́лось съ ними то:
Оказался между ними одинъ невѣрный монахъ.
Ужь и этотъ-то монахъ царю, Богу измѣнилъ,
Царю Богу измѣнилъ, свою душу въ адъ пустилъ;
Какъ и вздумалось монаху злое дѣло сотворити,
Злое дѣло сотворити, свою душу погубити.
Какъ и выгнали монаха изъ свято́го монастыря:
«Ты поди, поди отъ насъ, недостоинъ жить у насъ!
«Поди вонъ изъ монастыря, и поди хочешь куды!»
Какъ и вышелъ-то Трепу́шкинъ изъ свято́го-то жилья,
Какъ ходилъ-то Григорій по большому городу́,

Какъ и сказывалъ всему народу: Димитрій царь-атъ живъ,
Что Димитрій царь-атъ живъ, что онъ самъ-то онъ и былъ.
Обманувши весь народъ, боясь кóзни онъ отъ нихъ,
Удалился отъ Москвы во Польскія стороны́,
Во Польскія стороны́, ко вельможѣ къ сатаны́.
Ужь и взгóворитъ ему вельможа:
«Ты скажи, скажи дѣтина, отъ коей страны пришёлъ,
«Отъ коей страны, пришёлъ, чьего роду-племени?»
—Я пришёлъ отъ славной страны, отъ святой Русú,
Отъ святой Русú, у тебя пóмочи просить;
А родъ мой и племя Россійскій славный дворъ,
А отецъ мой былъ славный грозный царь Иванъ Васильевичь,
А матушка-то моя царица Настасья Романовна,
А я сынъ ихъ Димитрій, Россійскій князь. —
Какъ повѣрилъ-то вельможа его ложнымъ словамъ,
И призна́лъ его вельможа Россійскимъ царёмъ,
И хотѣлъ отдать дочь свою Маринку замужъ за него,
И далъ ему вельможа въ помощь войска своегó.
Получивши-то Трепýшкинъ въ помощь войска отъ Полякъ,
Онъ вступилъ-то съ Польскимъ войскомъ во святую Русь;
А народъ-то безумный, устрашась войска его,
Устрашась войска его, призна́лъ его своимъ царёмъ.
Ужь немного-то Трепýшкинъ поцарствовалъ въ Москвѣ:
Образýмился народъ Московскій,
Сталъ искать себѣ настоящаго царя;
Сыскали настоящаго царя Василія Ивановича,
А разбойника Гришку стали мучить и казнить;
Мучили, казнили, буйну гóлову съ плечъ срубили.

*

2.

(Кирша Даниловъ).

Ты, Боже, Боже Спасъ милостивый!
Къ чему рано надъ нами прогнѣвался —
Сослалъ намъ, Боже, прелестника,
Злаго Разстригу Гришку Отрепьева;
Ужели онъ Разстрига на царство сѣлъ?
Называется Разстрига прямымъ царемъ,
Царемъ Димитріемъ Ивановичемъ Углецкимъ.
Недолго Разстрига на царствѣ сидѣлъ,
Похотѣлъ Разстрига женитися;
Не у себя-то онъ въ каменной Москвѣ,
Бралъ онъ Разстрига въ проклятой Литвѣ —
У Юрья пана Сендомірскаго
Дочь Маринку Юрьевну,
Злу еретницу, безбожницу.
На вешній праздникъ Николинъ день,
Въ четвергъ у Разстриги свадьба была,
А въ пятницу праздникъ Николинъ день.
Князи и бояра пошли къ заутрени,
А Гришка Разстрига онъ въ баню съ женой;
На Гришкѣ рубашка кисейная,
На Маринкѣ саянъ хрущатой камки.
А часъ-другой поизойдучи,
Уже князи и бояра отъ заутрени,
А Гришка Разстрига изъ бани съ женой.
Выходитъ Разстрига на красный крылецъ,
Кричитъ-реветъ зычнымъ голосомъ:
«Гой еси, ключники мои, приспѣшники!
«Приспѣвайте кушанье разное,
«А и постное и скоромное;
«Заутра ко мнѣ будетъ гость дорогой,
«Юрья панъ со паньею.»
А втапоры стрѣльцы догадалися,
За то-то слово спохватилися,

Въ Боголюбовъ монастырь металися
Къ царицѣ Маѳѣ Матвѣевнѣ:
«Царица ты, Маѳа Матвѣевна!
«Твое ли это чадо на царствѣ сидитъ,
«Царевичь Димитрій Ивановичь?»
А втапоры царица Маѳа Матвѣевна заплакала,
И таковы рѣчи во слезахъ говорила:
«А глупы стрѣльцы вы, недогадливы!
«Какое мое чадо на царствѣ сидитъ?
«На царствѣ у васъ сидитъ
«Разстрига Гришка, Отрепьевъ сынъ;
«Потерянъ мой сынъ царевичь Димитрій Ивановичь
«На Угличѣ отъ тѣхъ отъ бояръ Годуновыихъ;
«Его мощи лежатъ въ каменной Москвѣ
«У чудной Софіи премудрыя;
«У того-ли-то Ивана-Великаго
«Завсегда звонятъ во царь-колоколъ,
«Соборны попы собираются,
«За всякіе праздники совершаютъ панихиды,
«За память Царевича Димитрія Ивановича,
«А Годуновыхъ бояръ проклинаютъ завсегда.»
Тутъ стрѣльцы догадалися,
Всѣ они собиралися,
Ко Красному царскому крыльцу металися,
И тутъ въ Москвѣ взбунтовалися.
Гришка Разстрига догадается,
Самъ въ верхни чердаки убирается
И накрѣпко запирается;
А злая его жена, Маринка безбожница,
Сорокою обернулася
И изъ палатъ вонъ она вылетѣла.
А Гришка Разстрига втапоры догадливъ былъ,
Бросился онъ со тѣхъ чердаковъ на копья острыя
Ко тѣмъ стрѣльцамъ, удалымъ молодцамъ;
И тутъ ему такова смерть случилась.

Тоже и Михайло Скопинъ.

3.

(Осташковъ).

Было́ у насъ въ Мико́лу во пя́тницу
Во пя́тницу, во скоро́мный день,
Всѣ кня́зи, боя́ре къ обѣдни йдуть
И думцы́ и подя́чіе,
Крѣпкіе воево́ды Моско́вскіе,
А Стри́жка-ярышка у ба́ню идёть
Съ сво́ей ли йонъ молодо́й жено́й,
Съ Мари́ною королёвичной;
На Стри́жкѣ камзо́лъ да во сто́ рубле́й,
На Мари́шкѣ соро́чка во ты́сяцу.
Восхо́дилъ йонъ на высо́къ крыле́цъ,
Ускри́кивалъ гро́мкимъ го́лосомъ:
«А ой же вы, кня́зи, бо́яры!
«Запира́йте воро́та широ́кіи,
«Засыпа́йте песка́ми швырцо́выми!
«Въ семо́мъ часу́, въ осьмо́й че́тьверти,
«Нава́литъ Литва́ нехресто́ная,
«Побѣ́дитъ Москву́ просвѣсто́ную
«И домъ пресвяты́я Богоро́дицы.»
Они Стри́жку-ярыжку не послу́хали,
Воро́тъ широ́кихъ не затво́рили,
Песка́ми швырцовыми не засы́пали.
Въ семо́мъ часу́, въ осьмо́й че́тьверти,
Навали́ла Литва нехресто́ная,
Побѣ́дила Москву просвѣсто́ную
И домъ пресвятыя Богоро́дицы.
Миха́йло Скопи́нъ да Васи́льевичь
Онъ пьёть да ѣсть, прохлажа́ется,
На себѣ́ бѣды́ не падѣется.

Восхóдилъ йонъ на высóкъ крылéцъ,
Ускрúкивалъ грóмкимъ гóлосомъ:
«А ой же Литвá нехресцóная!
«Есть ли у васъ хоть одúнъ такóй,
«Кто вы́пьеть мою́ винну́ю цару́,
«Кто вы́пьеть мою́ пивну́ю стопу́?
«Винна́я цара́ полтора́ пуда́,
«Пивна́я стопа́ полтретья́ пуда́;
«Кто вы́пьеть её за едúный разъ,
«За едúный разъ, не дыха́юци?»
Михáйло Скопúнъ да Васильевищь
Выхóдилъ далéце въ цисто́ поле,
Садúлся на лáтырь на ка́мушекъ,
Писалъ ярлыки скоропúсные;
Не перóмъ писáлъ, не черни́лами,
Писáлъ ярлыкú горюцúмъ слезамъ,
Послáлъ йонъ посы́лочку скóрую:
«Бѣгú, бѣгú, посы́лоцка скóрая!
«Бѣгú день, бѣгú ноць, не дыха́юци!
«Не пытáй у воротъ приворóтницковъ,
«Не пытáй у двереéй да придвéрницковъ,
«Мецúсь прямо королю́ во палáтушки,
«Кладú ярлыкú на дубóвый столъ.»
Корóль самъ ярлыкú распецáтывалъ,
Корóль самъ ярлыкú перегля́дывалъ,
Королю́ ярлыкú полюбúлися:
«Михáйло Скопúнъ да Васúльевищь!
«Будь-ко ты мнѣ назва́ный братъ,
«Назва́ный братъ—лу́цше ро́днаго;
«Берú, берú сúлушки на́-помощь,
«Сколько цебѣ сúлушки на́добе!»
Михáйло Скопúнъ да Васúльевищь
Не дождался посы́лоцку скóрую,
Усгрёбъ тесúйцку дубóвую,
Поцáлъ тесúйцкой помáхивать:
Куды́ махнёть—туды́ у́лица,
Куды́ отмахнёть—переу́лоцикъ.

У три часа́, у три́ четьверти
Прибы́лъ всю Литву́ нехресцо́ную,
Оци́стилъ Москву́ просвѣсцо́ную
И домъ пресвятыя Богоро́дицы.

(Пѣли два нищихъ мальчика и одна дѣвочка отъ 10 до 12 лѣтъ; родина ихъ деревня *Гришино* при селѣ *Хитичкахъ*, Осташковскаго уѣзда).

Смерть Скопина.

1.

Какъ у князя было у Владиміра, [1])
Пированьице было почестное; [2])
Честно, хвально, больно [3]) радошно;
Крестили они тутъ [4]) млада вьюноша, [5])
Того ли Алексѣя Алексѣича. [6])
Какъ кумъ-атъ былъ князь Михайло Скопинъ, [7])
А кума была подокстовая — [8])
Акулина княгиня дочь Малюткина,
Тово-ли же рода Шуйскаго-Воротынскаго. [9])
Они пили, ѣли, прохлажалися, [10])
Между собой [11]) похвалялися;
Сильный хвалится своей силою, [12])
А богатый хвалится богатствомъ своимъ, [13])

---

[1]) У Шуйскаго-Воротынскаго. [2]) Случилося пированьице. [3]) Очень. [4]) Тутъ—*инъ*. [5]) Юношу. [6]) *Эт. ст инъ* [7]) А кумъ-то былъ князь Михайло Скопинъ, сынъ Васильевичъ. [8]) Кума была подкасталая. *Подокстовая*, т. е. подкрестовая, отъ *кстить, кстины*. [9]) *Этого ст. инъ*. [10]) Пили, ѣли они, прохлаждалися. [11]) Промежду себя. [12]) *Эт. ст. инъ*. [13]). А и своимъ—*инъ*.

Послѣ 13-го ст. этотъ вар. оканчивается такъ:

Князья-бояре своими вотчинами.
Одинъ изъ нихъ добрый молодецъ
Не ѣстъ, не пьетъ, не кушаетъ,
Про то про все лихо думаетъ.

Убогой хвалится божьей милостью,
Бояре хвалются крестьянами,
А купцы хвалются товарами.
Похваляется князь Михайло Скопинъ:
«Я Шуйской родъ весь въ полонъ возьму,
«Воротынской родъ весь выжгу-выруб лю!»
На то ли кума осердилася,
Изъ бесѣды вонъ поднималася:
«Еще есть ли у меня лакеи, мои слуги вѣрные,
«Слуги вѣрные, сѣнны дѣвушки!

Какъ возговоритъ молодецъ
Таковую рѣчь:
«Вы слушайте-послушайте мою рѣчь:
«Когда Москва за Литвою была,
«Я въ то время подъ Литву подходилъ,
«Я въ то время всю Литву разорилъ,
«Я Шуйской родъ
«Воротынскаго хана
«Во полонъ къ себѣ взялъ.»
Кумѣ это не стерпѣлося,
За досаду это показалося,
Закричала она громкимъ голосомъ:
«Охъ вы, няньки мои-мамки!
«Вы берите поскорѣе
«Золотые ключи,
«Вы мечитесь въ новы выходы,
«Отпирайте вы нѣмецкіе замки,
«Наливайте вы зеленаго вина,
«Мѣшайте вы зелье лютое,
«Подносите вы моему куму!»
— Изволь, куманёкъ, пить,
Изволь выкушать! —
«Ты пей, кума, напередъ сама.»
— У насъ, куманёчекъ, такъ не водится! —
Какъ вынимаетъ кумъ саблю острую,
Онъ срубилъ кумѣ буйну голову.

«Вы берите скоро золоты ключи,
«Пойдемте со мной въ темны выходы.»
Брала кума меду сладкова,
Подбавляла она зелья лютова,
Подносила она своему куму подокстовому:
«Испей, кумонёкъ, изволь выкушать!»
—Испей-ка, кума, напередъ сама! —
«Коли кума́ прежде ку́ма пьетъ!»
Того ли кума́ испугалася,
Изъ рукъ чара выкаталася,
Отъ чары земля загоралася,
Въ огнѣ земля заметалася.
Вынимаетъ кумъ саблю вострую,
Снимаетъ съ кумы буйну голову.

Два варіанта: 1-й записанъ въ с. Яраклѣ Языковымъ, 2-й въ г. Симбирскѣ Д. А. Валуевымъ; 1-й принятъ за текстъ.)

2.

(Кирша Даниловъ).

Какъ-бы во сто двадцать седьмомъ году,
Въ седьмомъ году осьмой тысячи,
А и дѣялось, учинилося:
Кругомъ сильна царства Московскаго
Литва облегла во всѣ четыре стороны,
И съ нею сила, Сорочина долгополая,
И тѣ Черкесы Пятигорскіе,
Еще ли Калмыки съ Татарами,
Со Татарами, со Башкирцами,
Еще Чукша, со Люторами.
Какъ были припасы многіе,
А и царскіе и княженецкіе,
Боярскіе и дворянскіе;
А нельзя ни пройти, ни проѣхати,
Ни конному, ни пѣшему,
И ни соколомъ вонъ вылетѣти

Изъ сильна царства Московскаго
И великаго государства Россійскаго.
А Скопинъ князь Михайло Васильевичь,
Онъ правитель царству Московскому,
Оберегатель міру крещоному
И всей нашей земли свѣто-Русскія,
Что ясёнъ соколъ вонъ вылётывалъ,
Какъ-бы бѣлой кречетъ вонъ выпархивалъ;
Выѣзжалъ воевода Московскій князь Скопинъ,
Князь Михайло Васильевичь,
Онъ походъ чинилъ ко Новугороду.
Какъ и будетъ Скопинъ во Новѣградѣ,
Пріѣзжалъ онъ Скопинъ на съѣзжій дворъ,
Походилъ во избу во съѣзжую,
Садился Скопинъ на ременчатъ стулъ,
А и беретъ чернилицу золотую,
Какъ-бы въ ней перо лебединое,
И беретъ онъ бумагу бѣлую,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Во Свицкую землю, Саксонскую,
Ко любимому брату названому,
Ко Свицкому королю Карлосу.
А отъ мудрости слово поставлено:
«А и гой еси, названый братъ,
«А ты Свицкой король Карлусъ!
«А и смилуйся, смилосердися,
«Смилосердися, покажи милость,
«А и дай мнѣ силы на подмочь;
«Наше сильно царство Московское
«Литва облегла со всѣ четыре стороны,
«Приступила Сорочина долгополая,
«А и тѣ Черкесы Пятигорскіе,
«А и тѣ Калмыки со Башкирцами,
«А и тѣ Чукши со Лютерами,
«И не можемъ мы съ ними управиться:
«Я закладываю три города Русскіе»
А съ ярлыками послалъ скораго почтаря,

Своего любимаго шурина —
А того Митрофана Фунтосова.
Какъ и будетъ почтарь въ Половецкой Ордѣ
У честна короля, честнаго Карлуса,
Онъ въѣзжаетъ прямо на королевской дворъ,
А ко Свицкому королю Карлосу;
Середи двора королевскаго
Скочилъ почтарь со добра коня,
Вязалъ коня къ дубову столбу,
Сумы подхватилъ, самъ во палаты идетъ;
Ни за чѣмъ почтарь ни замѣшкался,
Приходитъ во палату бѣлокаменну,
Разковыривалъ сумы, вынималъ ярлыки,
Онъ кладетъ королю на круглый столъ.
Принимавши, король распечатываетъ,
Распечатавъ, самъ просматриваетъ,
И печальное слово повыговорилъ:
«Отъ мудрости слово поставлено
«Отъ любимаго брата названаго,
«Скопина князя Михайлы Васильевича,
«Какъ проситъ силы на подмочь,
«Закладываетъ три города Русскіе.»
А честной король, честной Карлусъ
Показалъ ему милость великую,
Отправилъ силы со трехъ земель:
А и первыя силы-то Свицкія,
А другія силы Саксонскія,
А третія силы Школьскія —
Того ратнаго люду ученаго,
А не много, не мало — сорокъ тысячей.
Прибыла сила во Новгородъ,
Изъ Новагорода въ каменну Москву.
У ясна сокола крылья отросли,
У Скопина князя думушки прибыло.
А по утру рано-ранёшенько
Въ соборѣ Скопинъ онъ заутреню отслужилъ,
Отслужилъ—самъ въ походъ пошелъ,

Подымавши знаменье царское,
А на знаменьи было написано
Чуденъ Спасъ со Пречистою,
На другой сторонѣ было написано
Михайло и Гаврило архангелы,
Еще вся тутo сила небесная.
Въ восточную сторону походомъ пошли,
Они вырубили Чудь бѣлоглазую
И ту Сорочину долгополую;
Въ полуденную сторону походомъ пошли —
Прекрошили Черкесъ Пятигорскихъ,
А немного дрались, скоро сами сдались,
А еще ноне тутъ Малороссія;
А на сѣверну сторону походомъ пошли —
Прирубили Калмыковъ со Башкирцами;
А на западну сторону и въ ночь пошли,
Прирубили Чукши со Люторами;
А кому будетъ божья помочь —
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу:
Онъ очистилъ царство Московское
И великое государство Россійское
На великихъ тѣхъ на радостяхъ
Служили обѣдни съ молебнами,
И кругомъ города ходили въ каменной Москвѣ;
Отслуживши обѣдни съ молебнами,
И всю литургію великую,
На великихъ на радостяхъ пиръ пошелъ,
И пиръ пошелъ и великой столъ
И (У?) Скопина князя Михайлу Васильевича
Про весь православный міръ,
И велику славу до вѣку поютъ
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.
Какъ-бы малое время замѣшкавши,
А во той же славной каменной Москвѣ,
У того ли было князя Воротынскаго —
Крестили младаго княжевича,
А Скопинъ князь Михайло кумомъ былъ,

А кума была дочь Малютина,
Того Малюты Скурлатова.
У того-то князя Воротынскаго
Какъ будетъ и почестный столъ,
Туто было много князей и бояръ и званыхъ гостей;
Будетъ пиръ во полу-пирѣ,
Княженецкой столъ во полу-столѣ,
Какъ пьяненьки тутъ разхвастались:
Сильной хвастаетъ силою,
Богатой хвастаетъ богатествомъ.
Скопинъ князь Михайло Васильевичь
А и не пилъ онъ зелена вина,
Только одно пиво пилъ и сладкой медъ,
Не съ большаго хмѣлю онъ похвастается:
«А вы глупый народъ, неразумные,
«А вы всѣ похваляетесь бездѣлицей!
«Я Скопинъ Михайло Васильевичь,
«Могу князь похвалитися,
«Что очистилъ царство Московское
«И велико государство Россійское;
«Еще ли мнѣ славу поютъ до вѣку,
«Отъ стараго до малаго,
Отъ малаго до вѣку моего.»
А и тутъ боярамъ за бѣду стало,
Въ тотъ часъ они дѣло сдѣлали;
Поддернули зелья лютаго,
Подсыпали въ стаканъ, въ меды сладкіе,
Подавали кумѣ его крестовыя,
Малютиной дочери Скурлатовой,
Она знавши, кума его крестовая,
Подносила стаканъ меду сладкаго
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.
Примаетъ Скопинъ, не отпирается,
Онъ выпилъ стаканъ меду сладкаго,
А самъ говорилъ таково слово:
«Услышалъ во утробѣ неловко добрѣ!
«А и ты съѣла меня, кума крестовая,

«Малютина дочь Скурлатова;
«А знаючи мнѣ стаканъ со зельемъ подала —
«Съѣла ты меня змѣя подколодная!»
Голова съ плечь покатилася,
Онъ тутъ Скопинъ скоро со пиру пошелъ,
Онъ садился Скопинъ на добра коня,
Побѣжалъ къ родимой матушкѣ;
А только успѣлъ съ нею скоро проститися,
И матушка ему пѣнять стала:
«Гой еси, мое чадо милое,
«Скопинъ князь Михайло Васильевичь!
«Я тебѣ приказывала,
«Не велѣла ѣздить ко князю Воротынскому;
«А и ты меня не послушался.
«Лишила тебя свѣту бѣлаго
«Кума твоя крестовая,
«Малютина дочь Скурлатова!»
Онъ къ вечеру Скопинъ и преставился.

То старина, то и дѣянье,
Какъ-бы синему морю на утишенье,
А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
Какъ-бы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перениманье,
Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье,
Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
Испиваючи медъ, зелено вино;
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

*

Василій Шуйскій.

(Рязанской г., Зарайскаго у. с. Зимёнки).

Какъ не изъ-за лѣсовъ-то дремучйхъ стая вороновъ
слеталася,
Соходился весь Московскій народъ на площадь Красную,
На тою ли площадь Красную, на Ивановскую.
Ужь на той ли на высокой колокольнѣ
Въ большой колоколъ звóнили.
Охъ, и братцы, что-то у насъ дѣлается,
Ужь не чудо ли какóе совершается?
Во дворцѣ что-то всѣ взволновалися,
Всѣ лакеи, всѣ прислужнички взсуетилися!
Ужь не бояре ли взбунтовалися,
Ужь не злыя ли собаки повзбѣсилися,
Ужь и живъ ли нашъ православный царь,
Православный царь Василій Ивановичь?
Ужь и что, братцы, во дворцѣ его не видно,
Что косящеты окошечки всѣ завѣшаны?
Какъ и взгóворитъ въ народѣ удалой молодецъ:
«Охъ, вы братцы, вы не знаете бѣды-горести,
«Что царя нашего Василья злы бояре погубили,
«Злы собаки погубили, во Сибирь его послали;
«А ужь сдѣлали царемъ какова басурмана,
«Что Петрушку самозванца злаго боярина!»
Ужь всѣ люди перьпугалися,
Въ разны стороны побросалися.

Прокопъ Ляпуновъ.

(Тульск. г., Чернск. у. с. Соколы).

Какъ бы́ло-то у насъ на святóй Руси́,
На святóй Руси́, въ каменнóй Москвѣ,
Бы́ло врéмя воéнное, врéмячко мятéжное,
Заполони́ла-то Москву́ пога́на Литва́,
Пога́на Литва́, прокля́та По́льска сторона́.
Какъ ужь жилъ тутъ пожива́лъ нечестивый Гужму́ндъ;

Жи́лъ онъ во святы́хъ мѣста́хъ,
Во святы́хъ мѣста́хъ, въ ца́рскихъ Ру́сскихъ терема́хъ.
Недо́лго продолжа́лась его́ Моско́вска весёлая жизнь,
Недо́лго продолжа́лась, то́лько мно́го го́ря намъ нака́чалось.
Мно́ги Ру́сскіе боя́ре нечести́вцу отдали́сь,
Нечести́вцу отдали́сь, отъ Христо́вой вѣ́ры отрекли́сь;
Ужь оди́нъ-то боя́ринъ, ду́мный воево́душко, кре́пко вѣ́ру защища́лъ,
Кре́пко вѣ́ру защища́лъ, измѣ́нниковъ отгоня́лъ:
Ужь какъ ду́мный воево́да былъ Прокофій Ляпуновъ.
Какъ Прокофій-то Петро́вичь разосла́лъ свои́хъ гонцо́въ,
Какъ Прокофій Ляпуно́въ ро́здалъ пи́сьмы гонца́мъ,
Ро́здалъ пи́сьмы гонца́мъ, и прика́зъ имъ приказа́лъ:
«Поѣзжа́йте вы, гонцы́, на всѣ Ру́сскіе концы́,
«На всѣ Ру́сскіе концы́, во большіе города́!
«Вы проси́те воево́дъ идти́ съ во́йскомъ сюда́,
«Свободи́ть го́родъ Москву́, защища́ть вѣ́ру Христа́.»
Какъ узна́лъ-то Гжмундъ отъ своихъ измѣ́нниковъ боя́ръ,
Что разосла́лъ-то Ляпуно́въ гонцовъ въ города́,
Гонцовъ въ города́, проси́ть воево́дъ съ во́йскомъ сюда́,
Разсерди́лся, распали́лся нечестивый Гужму́ндъ;
Распали́вшись, велѣ́лъ воево́душку уби́ть,
Того́-ли воево́ду Прокофья Ляпуно́ва.
И уби́ли злы измѣ́нники воево́душку.
Какъ и дви́нулись ду́мны воево́ды со больши́хъ городо́въ:
Всѣ большіе города́ — Каза́нь, Ни́жній — пришли́ съ войскомъ сюда́,
Какъ и на́чали Русаки́ пога́ну Литву́ коло́ть-руби́ть,
Пога́ну Литву́ руби́ть, нечести́ваго Гужму́нда верёвкой души́ть;
Удуши́ли, все нечести́вое пле́мя изъ Москвы́ повы́гнали (а).

(Пѣла старуха).

(а) Ср. *Націон. пѣснопѣнія*, ч. I, М., 1869 г., изд. Львовымъ, о битвѣ съ Литвою: «Ай ты безгодье, ты безгодье зло!»

Смутное время.

1.

(Орловск. губ., Малоарх. у.)

Послѣ Покрова на первой недѣлѣ
Выпала пороша на талу землю;
По той по порошѣ ѣхала свадьба:
Семеро саней, по семеро въ са́няхъ,
Семеро верхами, всѣ съ бердышами,
Семеро пѣшками, всѣ съ палашами.
Встрѣчу той свадьбы шёлъ попъ Семёнъ —
Крестъ на ремени, полутора сажени.
«Богъ же вамъ въ помощь, духовные дѣти,
«Красть-воровать, на разбоѣ стоять!»

2.

Съ Дону, съ Дону, съ Дону, съ Дону, съ-за Дунаю!
Какъ ѣхала свадьба на семерыхъ саняхъ,
На семерыхъ саняхъ, по семеро въ саняхъ.

Съ Дону, съ Дону, съ Дону, съ Дону, съ-за Дунаю!
А попъ-атъ Емеля, крестъ у него на ремени,
Крестъ у него на ре́мени, въ полторы сажени;

Съ Дону...
Онъ по полю ѣдитъ, имъ благословляетъ,
Имъ благословляетъ, кнутомъ погоняетъ!

Съ Дону...
«Дѣти мои, дѣти, давай свадьбу пѣти,
«Давай свадьбу пѣти, ступай, тетка, въ клѣти!

Съ Дону...
«Коли Богъ поможетъ — меня не забудьте,
«Коли чортъ порушитъ — меня не клепите.»
Съ Дону...

(Зап. г. Селивановскимъ).

3.

(Г. Симбирскъ).

Выпала порошица
На талую землю.
Ой, съ Дону, съ Дону!

По той по порошицѣ
Ишелъ тутъ обозецъ
Ой, съ Дону, съ Дону!

Не малъ, не величекъ —
Да семеро саней,
Ой, съ Дону, съ Дону!

Да семеро саней,
По семеро въ саняхъ.
Ой, съ Дону, съ Дону!

Во первыхъ-то, саняхъ —
Атаманы сами;
Ой, съ Дону, съ Дону!

Во вторыхъ-то саняхъ—
Есаулы сами;
Ой, съ Дону, съ Дону!

А въ четвертыхъ саняхъ —
Разбойники сами;
Ой, съ Дону, съ Дону!

А въ пятыхъ-то саняхъ —
Мошенники сами;
Ой, съ Дону, съ Дону!

А въ шестыхъ-то саняхъ —
Дёрники сами.
Ой, съ Дону, съ Дону!

А въ седьмыхъ-то саняхъ —
Самъ попъ-атъ Емеля,
Ой, съ Дону, съ Дону!

Самъ попъ-атъ Емеля,
А крестъ на ремени,
Ой, съ Дону, съ Дону!

А крестъ на ремени,
Въ четыре сажени;
Ой, съ Дону, съ Дону!

Рукой бласловляетъ,
Крестомъ надѣляетъ:
Ой, съ Дону, съ Дону!

«Охъ вы, дѣти, дѣти!
«Полѣзайте въ клѣти,
Ой, съ Дону, съ Дону!

«Головы рубите,
«А душъ не губите.
Ой, съ Дону, съ Дону!

«Если Богъ поможетъ,
«Попа не забудьте;
Ой, съ Дону, съ Дону!

«Если-жъ чортъ обрушитъ,
«Двора мово не зна(ва)йте!»
Ой, съ Дону, съ Дону!

Козьма Мининъ и князь Пожарскій. Освобожденье Москвы. Избраніе Михаила Ѳедоровича.

(Калужской губ., Боровскаго у. с. Слобода).

Какъ въ старомъ-то было городѣ,
Во славномъ и богатомъ Нижніемъ,
Какъ ужь жилъ тутъ поживалъ богатый мѣщанинъ,
Богатый мѣщанинъ Кузьма Сухорукій сынъ.

Онъ собралъ-то себѣ войско изъ удáлыхъ молодцовъ,
Изъ удáлыхъ молодцовъ Нижегородскихъ купцовъ;
Собравши ихъ, онъ рѣчь имъ взгóворилъ:
«Охъ, вы гой еси товарищи, Нижегородскіе купцы!
«Оставляйте вы свои домы,
«Покидайте вашихъ жёнъ, дѣтей,
«Вы продайте все ваше злато-серебрó,
«Накупите себѣ вострыихъ копіёвъ,
«Вострыихъ копіёвъ, булатныхъ ножей,
«Выбирайте себѣ изъ князей и бояръ удалóва молодца,
«Удалова молодца воеводушку;
«Пойдемъ-ко мы сражатися
«За матушку за родну землю,
«За родну землю, за славный городъ Москву:
«Ужь заполонили-то Москву проклятые народы Полáки злы!
«Разобьемъ ихъ, много перевѣшаемъ,
«Самогó-то Сузмунда короля ихъ въ полóнъ возьмёмъ;
«Освободимъ мы матушку Москву отъ нечестивыхъ Жидовъ,
«Нечестивыхъ Жидовъ, Полáковъ злыхъ!»
Ужь какъ выбрали себѣ солдатушки, молодые ратнички,
Молодые ратнички Нижегородскіе купцы,
Выбрали себѣ удалóва молодцá,
Удалóва молодца воеводушку,
Изъ славнаго княжескаго роду—
Князя Димитрія по прозванію Пожарскаго.
Ужь повелъ ихъ славный князь Пожарскій
За славный Москву-городъ сражатися,
Съ нечестивыми Жидами-Поляками войной брáнитися.
Ужь привелъ-то славный князь Пожарскій своихъ храбрыхъ воиновъ,
Привелъ ко Московскімъ стѣнамъ;
Становилъ-то славный князь Пожарскій своихъ добрыхъ воиновъ
У Московскіихъ у крѣпкихъ стѣнъ;

Выходилъ-то славный князь Пожарскій передъ войско свое,
Какъ ужь взго́ворилъ онъ своимъ храбрымъ воинамъ:
«Охъ, вы гой еси храбрые солдатушки,
«Храбрые солдатушки, Нижегородскіе купцы!
«Помо́лимся мы на святыя на врата на Спаскія,
«На пречистый образъ Спасителя!»
Помолившись, дѣло начали.
Какъ разбили-проломили святыя врата,
Ужь взошли-то храбрые солдатушки въ бѣлокаменный Кремль,
Какъ и начали солдатушки Поля́ковъ колоть, рубить,
Колоть, рубить, въ большія кучи валить;
Самого́-то Сузмунда въ поло́нъ взяли,
Въ полонъ взяли, руки-ноги ему вязали,
Руки-ноги вязали, буйну голову рубили.
Собрался всѣ князья, бояре Московскіе,
Собрался думу думати.
Какъ и взго́ворютъ старшіе бояре, воеводы Московскіе:
«Вы скажите, вы бояре, кому царёмъ у насъ быть?»
Какъ и взгово́рютъ бояре, воеводы Московскіе:
«Выбираемъ мы себѣ въ цари
«Изъ бояръ боярина славнаго —
«Князя Дмитрія Пожарскаго сына.»
Какъ и взго́воритъ къ боярамъ Пожарскій князь:
«Охъ, вы гой еси бояре, воеводы Московскіе!
«Не достоинъ я такой почести отъ васъ,
«Не могу принять я отъ васъ царства Московскаго.
«Ужь скажу же вамъ, бояре, воеводы Московскіе:
«Ужь мы выберемъ себѣ въ православные цари
«Изъ славнаго, изъ богатаго дому Романова —
Михаила сына Ёдоровича.»
И выбрали себѣ бояре въ цари Михаила сына Ёдоровича.

(Пѣла 70-лѣтняя старуха).

Избраніе Михаила Ѳедоровича Романова.

(Калужской губ., Боровскаго у.)

Что-же вы, ребя́тушки, призаду́мались,
Призаду́мались, прикручи́нились?
Или вы, ребятушки, каку́ слышали печа́ль?
Какъ и взго́воритъ дѣти́на до́брый мо́лодецъ:
«Иль не зна́ешь ты, дѣти́на, горя нашего?
«Переста́вился во полу́ночи Василій царь,
«И не зна́емъ топе́рь и не вѣ́даемъ — кому́ царемъ у насъ быть!»
Какъ взго́воритъ дѣти́на до́брый мо́лодецъ:
«Позабу́дьте, бра́тцы, горе о́бщее!
«Не возврати́ть намъ царя бѣ́лаго,
«Не оплакать его ду́шу до́брую!
«Но скажу́ вамъ, бра́тцы, вѣ́сточку но́вую:
«Ужь боя́ры воево́ды намъ вы́брали царя
«Изъ сла́внаго, бога́таго роду Рома́нова —
«Михайла сына Ѳёдоровича.»

Битва подъ Астраханью.

(Тамб. губ., Моршанск. у. с. Соколо́вка).

Снаряжался православный царь Михайло во дорожку,
Какъ во дальнюю дорожку въ Астраханску;
Снарядился онъ со воинствомъ,
Все съ полками со стрѣлецкими;
Распростился онъ съ царицею,
Благословилъ онъ малыхъ дѣтушекъ.
Распрощавшися, царица горько всплакала,
Всплакавши, слово молвила:
«Воротися, православный царь Михайло, поскорѣе!
«Привези свое здоровье малымъ дѣтушкамъ,
«Привези ты мнѣ царицѣ жизнь долговѣчную!»
Распростился царь Михайло со боярами,

Распростился со всѣмъ прйчетомъ,
И поѣхалъ православный царь Михайло на воеваньице,
Что къ тому-ли ко большому городу ко Астрахани.
Подъѣзжаетъ царь Михайло къ крѣпкимъ каменнымъ стѣнамъ,
Какъ увидѣлъ царь Михайло сила-рать больша́ стоитъ;
Посылаетъ царь Михайло въ силу ратную гонца:
«Ты ступай, гонецъ, въ силу ратную, узнай —
«Ужь и чьё это войско подъ стѣнами стоитъ?»
Воротился гонецъ со ратной стороны,
Какъ и взговоритъ гонецъ православному царю:
«Эта сила-рать недобрая —
«Все злодѣи бунтовщики Буруцкіе.»
Какъ и двинулось войско православное;
Ужь какъ бились, рубились трое суточекъ,
На четвертые они въ городъ взошли,
Свободили славный градъ отъ злыхъ буйныхъ враговъ,
Отъ злыхъ буйныхъ враговъ, все Буруцкихъ бунтовщиковъ.

Князь Семенъ Романовичъ Пожарскій.

1.

(Тульск. губ.)

Подъ Конотоповымъ было городомъ,
За рѣкою было Переправою,
Не чорные вороны слетались, —
Татары поганые засвистали и захат(х)али,
И захватили, заполонили боярина Семена Романовича,
По прозванію Пожарскаго,
Воеводу Московскаго;
Сковали скорыя ноги въ желѣзы нѣмецкіе,
Связали бѣлыя руки петлями шелковыми,
Очи ясныя завязали камкою г(х)рущатою,
Повезли боярина ко тому царю Крымскому

Ко ево шатру бѣлому.
Какъ взговоритъ Крымской царь, деревенской шишимора:
«Воръ, ой еси ты бояринъ князь Семенъ Романовичь!
«Послужи ты мнѣ вѣрою-правдою,
«Какъ царю къ бѣлому.»
Взговоритъ князь Семенъ Романовичь:
«Какъ у меня были скоро ноги не связаны
«И бѣлыя руки не скованыя,
«Какъ была у молодца въ рукахъ сабля вострая,
«Послужилъ я тебѣ вѣрою и правдою —
«На(дъ) твоею шеею толстою!»
Какъ возговоритъ Крымскій царь,
Деревенскій шишимора-воръ:
«Повезите боярина въ чистыя поля,
«Изрубите боярина на мелкія части, на куски пирожные,
«Размечите *морешма* по чистому полю!»

(К. Д. Кавелинъ).

2.

(Станишное, Симб. губ.)

Далече во чистомъ полѣ,
Что на дальныихъ на рубежахъ,
Полонили Пожарскаго Татары-Улавины;
Они взяли Пожарскаго за его руки бѣлыя,
За его руки бѣлыя, за перстни золо́тные;
Повели же Пожарскаго ко тому князю Крымскому.
Еще сталъ его Крымскій князь много спрашивать:
«Ты скажи мнѣ, мо́лодецъ, всею вѣрою-правдою,
«Какъ служилъ царю бѣлому, царь Ивану Васильевичу?
«Послужи ты мнѣ, мо́лодецъ, какъ служилъ царю бѣлому,
«Какъ служилъ царю бѣлому, царь Ивану Васильевичу!»

—Послужилъ бы я тебѣ мо́лодецъ всею вѣрою-правдою,
Кабы у меня мо́лодца была збруя вся цѣльная,
Ружьё было цѣльное, копье мержавецкое,
Еще бы у мо́лодца была сабелька вострая:
Я бы снёсъ съ собаки голову по твои могучи́ плеча!—
Заки́дался, забросался собака Крымскій князь:
«Есть ли у меня у князя у воротъ приворотнички,
«У воротъ приворотнички, а у дверей придвернички?
«Вы возьмите Пожарскаго за его руки бѣлыя,
«За его руки бѣлыя, за перстни золо́тные,
«Поведите Пожарскаго далече во чисто поле,
«Изрубите Пожарскаго въ кусочки пирожные,
«Раскидайте Пожарскаго по тому полю чистому,
«По тому полю чистому, по раздольямъ широкимъ!»
Изъ-за лѣсу изъ тёмнаго, изъ-за горъ изъ высокихъ,
Что не красное солнышко выката́лося,
Выѣзжали тутъ два братца, два князя Пожарскіе,
Собирали бѣло тѣло во само́чку хруч(щ)атую;
Повезли тѣлое бѣлое во матушку каменну́ Москву;
Хоронили бѣло тѣло всѣ соборы Московскіе.

(А. М. Языковъ).

3.

(Кирша Данилов).

За рѣкою-переправою, за деревнею за Сосновкою,
Подъ Конотопомъ подъ городомъ, подъ стѣною бѣлокаменной,
Въ лугахъ, лугахъ зеленыхъ,
Тутъ стоятъ полки царскіе,
Все полки государевы,
Да и роты были дворянскія.
А изъ далеча изъ чиста поля,
Изъ того ли изъ раздолья широкаго,
Кабы черные вороны табуномъ табунилися,

Собирались, съѣзжались Калмыки со Башкирцами,
Напущались Татарове на полки государевы;
Они спрашиваютъ Татарове . . . . .
Изъ полковъ государевыхъ себѣ сопротивника.
А изъ полку государева сопротивника
Не выбрали ни изъ стрѣльцовъ, ни изъ солдатъ молодцовъ.
Втапоры выѣзжалъ Пожарскій князь,
Князь Семенъ Романовичь;
Онъ бояринъ большой словетъ — Пожарскій князь.
Выѣзжалъ онъ на выязку
Сопротивъ Татарина и злодѣя-наѣздника;
А Татаринъ у себя держитъ въ рукахъ копье острое,
А славный Пожарскій князь
Одну саблю острую во рученькѣ правыя.
Какъ два ясные соколы въ чистомъ полѣ слеталися,
А съѣзжалися въ чистомъ полѣ
Пожарскій бояринъ съ Татариномъ.
Помогай Богъ князю Семену Романовичу Пожарскому!
Своей саблей острою онъ отводилъ остро копье Татарское,
И срубилъ ему голову, что́ Татарину-наѣзднику.
А злы-ли, злы Татарове поганые:
Убилъ у нихъ наѣзника, что́ ни славнаго Татарина!
А злы Татарове Крымскіе, они злы да лукавые,
Подстрѣлили добра коня у Семена Пожарскаго;
Падаетъ его окорачь добрый конь.
Воскричитъ Пожарскій князь во полки государевы:
«А и вы солдаты новобраные, вы стрѣльцы государевы!
«Подведите мнѣ добра коня, увезите Пожарскаго,
«Увезите во полки государевы.»
Злы Татарове Крымскіе, они злы да лукавые,
А металися грудою, полонили князя Пожарскаго,
Увезли его во свои степи Крымскія
Къ самому хану Крымскому — деревенской шишиморѣ;
Его сталъ онъ допрашивать:
«А и гой еси, Пожарской князь,

«Князь Семенъ Романовичь!
«Послужи ты мнѣ вѣрою, да ты вѣрою-правдою,
«Заочью неизмѣнною;
«Еще какъ ты царю служилъ, да царю своему бѣлому,
«А и такъ-то ты мнѣ служи, самому хану Крымскому;
«Я вѣдь буду тебя жаловать златомъ и серебромъ,
«Да и женки прелестными и душами красными дѣвицами.»
Отвѣчаетъ Пожарской князь самому хану Крымскому:
«А и гой еси, Крымской ханъ—деревенской шишимора!
«Я бы радъ тебѣ служить, самому хану Крымскому;
«Кабы не скованы мои рѣзвы ноги,
«Да не связаны бѣлы руки во чембуры шелковые,
«Кабы мнѣ сабелька острая,
«Послужилъ бы тебѣ вѣрою на твоей буйной головѣ,
«Я (бъ) срубилъ тебѣ буйну голову.»
Скричитъ тутъ Крымской ханъ, деревенской шишимора:
«А и вы, Татары поганые!
«Увезите Пожарскаго на горы высокія, срубите ему голову,
«Изрубите его бѣло тѣло во части во мелкія,
«Разбросайте Пожарскаго подалече чисту полю.»
Кабы чорные вороны закричали, загайкали,
Ухватили Татарове князя Самена Пожарскаго,
Повезли его Татарове они на гору высокую,
Сказнили Татарове князя Семена Пожарскаго,
Отрубили буйну голову,
Изсѣкли бѣло тѣло во части во мелкія,
Разбросали Пожарскаго подалече чисту полю;
Они сами уѣхали къ самому хану Крымскому,
Они день-другой нейдутъ, никто не провѣдаетъ.
А изъ полку было государева козаки двое выбрались;
Эти двое козаки молодцы,
Они на гору пѣшкомъ пошли,
И взошли туто на гору высокую,
И увидѣли тѣ молодцы-то вѣдь тѣло Пожарскаго:
Голова его по себѣ лежитъ, руки-ноги разбросаны,

А его бѣло тѣло во части изрублено
И разбросано по раздолью широкому.
Эти козаки молодцы его тѣло собрали,
Да въ одно мѣсто складывали;
Они сняли съ себя липовый лубъ,
Да и тутъ положили его,
Увязали липовый лубъ накрѣпко,
Понесли его Пожарскаго Конотопу ко городу.
Въ Конотопѣ городѣ пригодился тамъ епископъ быть,
Собиралъ онъ епископъ поповъ и дьяконовъ
И церковныхъ причетниковъ,
И тѣмъ козакамъ удалымъ молодцамъ
Приказалъ обмыть тѣло Пожарскаго.
И склали его бѣло тѣло въ домовище дубовое,
И покрыли тою крышкою бѣлодубовою;
А и тутъ люди дивовалися,
Что его тѣло въ мѣсто срасталося.
Отпѣвавши надлежащее погребеніе,
Бѣло тѣло его погребли во сыру землю,
И пропѣли пѣтье вѣчное
Тому князю Пожарскому.

Московскій пожаръ.

1.

(Станишное, Симб. губ.)

Отъ чего, братцы, наша каменна Москва загоралася?
Загоралася отъ большихъ господъ,
Отъ большихъ господъ, отъ большихъ домовъ,
Отъ того ли господина Шереметева двора.
Выходила его вѣрна ключница въ темны выходы его,
Зажигала вѣрная ключница воску яраго свѣчу,
Заронила вѣрная ключница въ порохову его казну;
Отъ того наша каменна Москва загоралася.

(А. М. Языковъ).

2.

Что не дорого-то у хозяина пиво пьяное, [1])
Дорога его смиренная бесѣдушка. [2])
Во бесѣдушкѣ [3]) сидятъ люди добрые, [4])
Говорятъ они рѣчь хорошую: [5])
Отъ чего наша матушка
Каменна́ Москва загоралася? [6])
Отъ того она загоралася, [7])
Что жила-была у Шереметева
Вѣрна ключница; [8])
Ходила она въ нижни выходы, [9])

---

[1]) 2) Намъ не дорого, хозяинъ, твое пиво пьяное. 3) Намъ не дорого, хозяинъ, пиво пьяное твое. 4) Намъ не дорого, хозяинъ, пиво пьяное, и не дорого намъ зелено вино. 5) *Эт. ст. нѣтъ.*

[2]) 2) Дорога-то намъ, хозяинъ, пиръ-бесѣдушка твоя. 3) Дорога-то намъ бесѣдушка смиренная твоя. 4) Дорога-то намъ бесѣдушка смиренная. 5) Прекрасная наша бесѣдушка.

[3]) 2) 3) 4) 5) Во бесѣдѣ.

[4]) 4) сидятъ люди-гости добрые. 5) добрые люди сидятъ.

[5]) 2) Они баютъ—разсуждаютъ, рѣчи хороши говорятъ. 3) рѣчь хорошу *вм.* рѣчи хороши, *какъ въ вар. второмъ.* 4) Они баютъ-разсуждаютъ рѣчь хорошую. 5) рѣчь хорошу говорятъ.

[6]) 2) Отъ чего-то у насъ, братцы, каменна Москва загоралась? 3) 4) Отъ чего, братцы, каменна Москва загоралася? 5) Отъ чего-же наша, братцы, каменна Москва загорѣлась?

[7]) 2) 3) 4) 5) *Эт. ст. нѣтъ.*

[8]) *Вм. 8-го и 9 ст.* 2) Загорѣлась каменна Москва отъ большихъ господъ, Отъ большова-то боярина Шелеметева. 3) Загоралася Москва отъ большихъ господъ, Отъ большаго господина Шереметьева. 4) Загоралась каменна Москва отъ большихъ господъ Шереметевыхъ. 5) Загорѣлася мать каменна Москва Отъ большихъ господъ, Отъ большаго господина Шереметева, Отъ его же отъ вѣрныя ключницы.

[9]) 2) Его вѣрная ключница зажигала воску яраго свѣчу, И ходила его ключница въ темные выходы. 3) Выходила вѣрна ключница въ темны выходы. 4) Выходила ихъ дѣвка, вѣрна ключница, въ темны выходы. 5) Ходила вѣрная ключница Во новые выходы.

Заронила она огню и́скорку; [1])
Отъ того наша матушка
Каменна́ Москва загоралася![2])

(Пять варіантовъ, записанныхъ въ Симбирской губ.: четыре А. М. Языковымъ и одинъ Д. Валуевымъ. Одинъ изъ Языковскихъ принятъ за текстъ.)

Царствованіе Алексѣя Михайловича. Стенька Разинъ.

1.

(Г. Симбирскъ).

Разливалася въ зеленыхъ лугахъ вода полая,
Потопляла у казачиньковъ теплы лагери.
Середи моря было Каспицкова
Стоялъ тутъ Лиманъ-островъ,
На этомъ на островѣ стоялъ воровской корабль,
На этомъ на корабличкѣ муравлинъ чердакъ,
Въ этомъ чердачкѣ золотой бунчукъ,
Въ этомъ бунчукѣ царски знамечки,
У этихъ у знамечковъ часовой стоитъ;
Передъ нимъ передъ молодцемъ раздвижной стулъ,
На стулу сидитъ воровской атаманъ,
По имени атаманушка Степанушка,
На батюшкѣ Степанушка Тимоѳеевичь,
По великому по фамильицу Степанъ Разинъ.
Съ старшинами онъ думушку не думаетъ,
Къ казакамъ онъ Степанъ Разинъ въ кругъ не хаживаетъ;
Онъ думаетъ крѣпку думушку съ своей буйной головушкой.

(Записалъ Д. А. Валуевъ).

---

[1]) 2) Зажигала его вѣрная ключница порховую казну. 3) Заронила огня искру въ порховую она казну. 4) Заронила отъ сальной свѣчи съ огнемъ искору 5) Заронила въ пороховую казну.

[2]) 2) Отъ того, братцы, загоралась каменная Москва. 3) Отъ того, братцы, каменна Москва и загоралася. 4) Она тлѣла и горѣла ровно три часа. 5) Отъ того наша мать каменна Москва загоралася, Отъ того господскіе дома разорилися.

2.

(Пов. II.)

У насъ-то было, братцы, на тихомъ Дону,
На тихомъ Дону, во Черкасскомъ городу,
Породился удалый добрый молодецъ,
По имени Степанъ Разинъ Тимоѳеевичь.
Во казачей кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами казаками думу не думывалъ;
Ходилъ-гулялъ Степанушка во царевъ кабакъ,
Онъ думалъ крѣпку думушку съ голудбою:
«Судари мои, братцы, голь кабацкая!
«Поѣдемъ мы, братцы, на сине море гулять,
«Разобьемте, братцы, бесурмански корабли,
«Возьмемъ мы, братцы, казны сколько надобно,
«Поѣдемте, братцы, въ каменну Москву,
«Покупимъ мы, братцы, платье цвѣтное,
«Покупивши цвѣтно платье, да на низъ поплывемъ.»

3.

На маткѣ Волгѣ
Не бѣлымъ забѣлѣлось,
Не черным зачернѣлось:
Зачернѣлись на Волгѣ,
Зачернѣлись на маткѣ
Черногорскіе стружечки;
Забѣлѣлись на Волгѣ,
Забѣлѣлись на маткѣ
Полотняны парусочки.
На стружечкахъ сидятъ ребята,
Удáлы дóбры мóлодцы;
Атаманомъ у нихъ Стенька,
По прозванью Степанъ Разинъ.
Возговоритъ Стенька,

15. По прозванью Степанъ Разинъ:
«Охъ! вы гой еси ребята,
«Удáлы, дóбры мóлодцы!
«Работайте, не робѣйте,
«Бѣлыхъ ручекъ не жалѣйте.
20. «Во полночь бы намъ, ребята,
«Астрахань-городъ проѣхать;
«Никто бы насъ не (у)видѣлъ,
«Да никто бы насъ не услышалъ.
«Одинъ-то насъ увидѣлъ
35. «Астраханскій губернаторъ,
«У заутрени стоя
«У Николы-чудотворца,
«Изъ окошечка глядя.»

4.

Какъ во славномъ было городѣ во Астраханѣ [1])
Очутился, проявился тутъ незнамый человѣкъ —
Онъ незнамый–незнакомый и не вѣдано отколь. [2])
Чисто щепетко по городу погуливаетъ: [3])
5. Черный бархатный кафтанчикъ на могучíихъ плечахъ,

---

[1]) 2) 10) 12) Во славномъ во городѣ во Астрахани 3) Посмотрите-ка, ребятушки, на сторонку на свою, На своей сторонкѣ жарко и тепло́! Во городѣ было въ Астрахани 4) Какъ во матушкѣ во Астрахани 5) Какъ во славной во деревнѣ во Коломенскомъ селѣ 6) Какъ во городѣ во Астрахани 7).... во славныемъ.... 8) Во славномъ было во городѣ во Астраханѣ 9) Какъ у нашемъ славномъ городѣ въ Астрахани. 11) Во славныемъ....

[2]) 2) 6) 7) 8) 9) 10) Проявился тутъ [9) тамъ] дѣтинушка незна́мый человѣкъ. 3) Проявился разудалый молодецъ. 4)... всѣмъ незна́мый человѣкъ, Незнамый, незнакомый, онъ невѣдомо чей. 5) Проявился добрый мóлодецъ, удалый молодецъ. 11) Проявился дѣтинушка невѣдомо какой 12) Проявился дѣтинушка незнакомый человѣкъ. 13) Шелъ–прошелъ дѣтинко Незнамый кто такой.

[3]) 2) 6).... по Астрахани похаживаетъ 4) Баско-щепетко.... 5) И онъ ходитъ, больно щепетко похаживаетъ. 7) 9) 13) *Эт. ст. нѣтъ.* 8) Больно щепотко по Астрахани.... 10) Онъ по городу по Астрахани погуливаетъ 11) Шибко, щепетко по Астрахани погуливаетъ 12).... по Астрахани погуливаетъ.

Черна шляпа съ позументомъ на его русы́хъ кудряхъ. [1])
Съ Астраханскими купцами онъ не знается,
Астраханскому губернатору челомъ не бьетъ [2]).
Какъ увидѣлъ молодца губернаторъ со крыльца: [3])

---

[1], 2) На немъ черной бархатный кафтанчикъ, Зеленъ сафьянъ сапожки, Черна шляпа со репьемъ и рукавички съ серебромъ. 3) На распашечку черный бархатный кафтанъ, Во бѣлыхъ рукахъ златъ Персидскій кушачокъ. 4) 7) 10) 12) *Эт. ст. нѣтъ.* 5) Черна шляпа пухова́я на русыхъ его кудряхъ, Черны бархатны сапожки на босую его ногу. 6) Смуръ кафтанчикъ, черной запанчикъ, на распаску гуляетъ, Платъ Персидскій кушачёкъ во права́й рукѣ несётъ, Чёрну шляпу съ прозументами на ру́сыхъ кудряхъ, Вострой сабелькой булатной подпирается—идётъ. 8) Въ бархатномъ кафтанчикѣ на распасочку, А шелкову свою поясочку во правой рукѣ несетъ, Черна шляпа съ прозументомъ на русыхъ его кудряхъ, Касандревска рубашечка—косой былъ воротокъ, Во правой рукѣ тросточка камы́шевая; Онъ и тросточкой разудаленькій подпирается — идётъ. 9) Въ черномъ бархатномъ кафтанѣ на опашку въ немъ, Толкой шелковой кушачекъ во рукахъ несетъ; Онъ по городу дѣтинушка погуливаетъ. 11) въ однѣмъ ситцевомъ халатѣ на распашечку. *Эт. ст. послѣ 8-го.* 13) На немъ бархатный кафтанчикъ, Персидскій кушачекъ, Во правой рукѣ несетъ Бѣлые чулочки сафьяные башмачки; Онъ идетъ улицей, не торопится.

[2]) 2) Онъ со штатами и съ офицерами не кланится, Астраханскому губернатору подъ судъ нейдетъ. 3) Астраханскимъ купцамъ онъ не кланѣится, офицерамъ господамъ онъ челомъ, челомъ не бьетъ, Астраханскому губернатору онъ подъ судъ ему нейдетъ. 4) Астраханскимъ обывателямъ не кланяется, Астраханскому... 5) *7-го ст. нѣтъ.* 6) 12) Никому этотъ [12) ни съ кѣмъ-то онъ] дѣтинушка не кланется, Ни штабамъ, ни офицерамъ челомъ не бьетъ, Къ [12) къ — *нѣтъ*] Астраханскому губернатору подъ судъ нейдетъ. 7) Идетъ городомъ дѣтинушка—не кланятся ни съ кѣмъ, Онъ ни съ княземъ, ни съ боярином челомъ, братцы, не бьетъ, Къ Астраханскому губернатору подъ судъ, братцы, нейдетъ. 8) Никому онъ добрый молодецъ не кланется, Онъ ни шефамъ, ни маіорамъ подъ судъ нейдетъ, Астраханскому губернатору челомъ не бьетъ. 9) Онъ и штабамъ, офицерамъ не кланяется, генераламъ и фельдмаршаламъ челомъ не бьетъ. 10) Онъ и штапа́мъ-офицерамъ мало кланяется, Астраханскому.... 11) Астраханскімъ обывателямъ не кланяется.... Самому губернатору челомъ не бьетъ. 13) 7-го и 8-го *ст. нѣтъ.*

[3]) 2) Выходилъ жа губернаторъ на высокъ красенъ крылецъ, Воскричалъ жа губернаторъ громкимъ голосомъ своимъ. 3) Какъ увидѣлъ губернаторъ изъ косящета окна, Закричалъ ли губернаторъ громкимъ голосомъ

10. «Ахъ вы гой еси, солдаты, слуги вѣрные мои!
«Вы подите-приведите удалаго молодца;
«Какъ мы станемъ его крѣпко спрашивати: [1])

своимъ. 4) Какъ случилося мнѣ ли молодцу Вдоль по городу пройдти; Вдоль по городу прошелъ, Во царевъ кабакъ зашелъ; Увидалъ же меня молодца губернаторъ изъ окна, Закричалъ же губернаторъ громкимъ голосомъ своимъ. 5) Какъ увидѣлъ молодца воевода изъ окна, Закричалъ онъ больно шибко громкимъ голосомъ своимъ. 6) Увидалъ же его губернаторъ изъ высокаго окна, Закричалъ онъ, губернаторъ, своимъ голосомъ. 7) Увидалъ же губернаторъ изъ высока терема, Изъ косящета окна, Скрозь французскаго стекла; Посылалъ же губернаторъ своихъ вѣрныихъ слуговъ. 8) Увидалъ его губернаторъ изъ косящетаго окна, Закричалъ онъ, губернаторъ, своимъ вѣрнымъ слугамъ. 9) Какъ подходитъ дѣтинушка къ воеводскому двору; Какъ увидѣлъ дѣтину воевода изъ окна, Закричалъ воевода громкимъ голосомъ своимъ. 10) Грязетовый балахонъ на распашечку на немъ, Черной шляпою пухóвой онъ помахиваетъ. Какъ увидѣлъ-усмотрѣлъ губернаторъ молодцá, Губернаторъ молодцá съ круглаго краснаго крыльца. 11) *Пьетъ*. 12) Увидалъ Губернаторъ изъ окна молодца, Закричалъ губернаторъ громкимъ голосомъ своимъ. 13 Увидалъ же молодца губернаторъ изъ окна.

[1]) 2) «Есть ли, братцы, слуги вѣрные при мнѣ?» «Вы подите приведите удалова молодца». — Взяли, подхватили удалова молодца, Повели жа молодца къ губернаторскому крыльцу. Ужь и сталъ жа губернаторъ крѣпко спрашивать ево. 3) «Да вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои, Вы подите—приведите, вы удалова молодца.» Какъ и взяли молодца во царевомъ кабакѣ, Приводили-жъ молодца къ губернатору на дворъ, Становили-жъ молодца супротивъ краснова крыльца. Выходилъ ли губернаторъ съ губернаторшей своей, Какъ и сталъ губернаторъ его спрашивати. 4) «Уже есть ли кто при мнѣ, Слуги вѣрные мои? Вы подите, приведите удалаго молодца Изъ царева кабака.» Ужь какъ взяли, подхватили Къ губернатору на дворъ. Становили молодца противъ краснаго крыльца. Выходилъ же губернаторъ на новый красенъ крылецъ. 5) «Ужь вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои, Вы подите, приведите удалова молодца!» Вотъ приводятъ молодца на парадное крыльцо, На парадное крыльцо, къ воеводѣ на лицо; Ужь и сталъ его воевода, сталъ выспрашивати. 6) «Охъ гой еси, ребята, мои вѣрные слуги! Вы подите, приведите удалаго молодца.» Они взяли, подхватили на высокой горѣ, На высокой на горѣ, во царевомъ кабакѣ. Приводили же дѣтинушку къ губернатору на дворъ. Выходилъ же губернаторъ на высокое крыльцо, И сталъ же губернаторъ дѣтинушку выспрашивати. 7) «Вы подите, приведите-ка ко мнѣ.» Выходили же слуги вѣрные его: Пойдемъ, добрый молодецъ къ губернатору во дворъ. Подходилъ же добрый моло-

«Ты скажи, скажи, дѣтина, чей, откудова незнамый
человѣкъ —
«Съ Дону ли ты казакъ, или казачій сынъ,
«Или съ матушки Москвы разу́далый молодецъ?» [1])
— Я не съ Дону казакъ, не казачій сынъ,
Я не съ мату́шки Москвы, не разудалый молодецъ,
Я изъ Астрахани Стеньки Разина сынъ;
Ты изволь-ко его встрѣчать, изволь подчивати! [2]) —

децъ ко высокому крыльцу. Выходилъ же губернаторъ на высокъ красенъ крылецъ. 8) «Подите, приведите его удалова молодца, Постановьте удалова у паратнаго крыльца.» Сталъ его губернаторъ крѣпко спрашивати. 9) «Ужь вы, слуги мои вѣрные, солдатушки военные! Вы подите, приведите разудалова молодца.» Какъ приходитъ дѣтинушка къ воеводѣ на лицо; Тутъ сталъ воевода у него спрашивать. 10) 10-го, 11-го и 12 *ст. нѣтъ.* 11) 10-го *ст. нѣтъ.* Еще сталъ его губернаторъ спрашивати. 12 «Есть ли кто въ передней, слуги вѣрные мои! Выподите, приведите удалова молодца, Не честью, не лестью, за русы кудри его.» Привели же молодчика къ губернатору, Сталъ губернаторъ его спрашивати. 13) «Пошлите молодца.»

[1]) 2) Ты скажи, скажи, молодецъ, коего роду удалецъ: Съ Москвы ли ты купецъ, или съ Казани удалецъ, Съ тиха ли Дону козакъ, или казачій сынокъ? 3) Ты скажи, скажи, бродяга, ты откуда, чей такой: Или съ Дону ты казакъ, иль казацкій сынъ, Иль казацкій ты сынъ, или низовскій купецъ? 4) Ты скажи, скажи, дѣтина, всѣмъ незнамой человѣкъ! Чьего роду, чьего дому, Какъ по имени назвать? 5) Ты не съ Дону ли козакъ, иль не съ Польши ли Поляк, иль со матушки Москвы ты купеческій сынокъ? 6) Ты скажи, скажи, дѣтинушка, незнамый человѣкъ: Али Питерскій, Казанскій, или Астраханскій? 7) Чей такой, дѣтинушка, незнамый человѣкъ, Чьего дома, чьего рода, какъ по имени назвать? 8) Ты скажи, скажи, дѣтинушка, незнамый человѣкъ, Ты незнамый, незнакомый, невѣдомо какой: Ты не царь ли, не царевичь ли, не царской ли сынокъ, Ты не съ Дону ли казаченька, не казачій ли сынокъ? 9) Ты скажи, скажи, дѣтинушка, незнамый человѣкъ, Чьего дому, чьего роду, какъ по имени зовутъ? Или съ Дону казакъ, или казачій сынъ? 10) Ахъ, ты чей такой дѣтинушка, незнамый человѣкъ? Ты Казанскій, иль Московскій, или Астраханскій? 11) Ты скажи, скажи, дѣтинушка невѣдомо какой, Чьего роду, чьего дому, чьего матери-отца? *Эт. вар. оканчивается.* 12) Ты скажи, скажи, дѣтинушка, незнакомый человѣкъ, Котораго ты города урожденьице? Казанскаго, или Рязанскаго, или Астраханскаго? 13) Ты скажи-ко, молодецъ, Чьего роду ты сынокъ: Или царскій, или барскій, Иль купеческій сынокъ?

[2]) 2) Отвѣтъ держитъ молодецъ губернатору на крылецъ: «Не изъ Москвы я купецъ, не изъ Казани молодецъ, Не съ тиха Дону козакъ, ни ко-

20. Ужь какъ внизъ-то было по Камѣ по рѣкѣ,
Какъ плыла тутъ-выплывала легка лодочка косна,

зачій сынокъ; Я со Камы со рѣки Стеньки Разина сынъ!» Тутъ взяли, подхватили удалова молодца, Посадили молодца ево въ темную тюрьму, Во засаду крѣпкую. 3) «Не тебѣ бы, губернаторъ, меня спрашивати, Не тебѣ ли было мнѣ сказывати! Со рѣки, рѣки Камышки Стеньки Разина я сынъ. Мой батюшка хотѣлъ въ гости побывать, Хотѣлъ въ гости побывать, ты умѣй его принять, Ты умѣй его принять, умѣй подчивати; Если умѣешь ты принять—кунью шубу подарю, а не умѣешь ты принять—на оброкъ посажу. Закричалъ ли губернаторъ громкимъ голосомъ своимъ: Ужь вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои! Вы подите, отведите удалова молодца Въ бѣлу каменну тюрьму. Какъ и душечка-молодчикъ онъ поспѣживаетъ, Да частенько въ окошко онъ посматриваетъ, На рѣку, рѣку Камышку онъ поглядываетъ. 4) Я не съ Дону казакъ, Не казачій я сынокъ, Я со матушки со Камы Стеньки Разина сынъ! — «Отведите молодца Въ нову каменну тюрьму.» Тутъ сказалъ ему Иванъ: Погляди-ко, губернаторъ! 5) И не съ Дону я козакъ, и не съ Польши я Полякъ, Я не съ матушки Москвы, не купеческій сынокъ; А я съ матушки Алканки Стеньки Разина сынокъ.—Тутъ велѣлъ его губернаторъ во тюрьму посадить. «Ты послушай, губернаторъ, что я буду тебѣ говорить: Ужь какъ завтра на разсвѣтѣ родный батюшка придетъ; Ты умѣй его принять, умѣй подчивати, то я крѣпкую твою тюрьму по кирпичку размечу, А младу твою жену на воротахъ разстрѣлю, А тебя я воеводу на Алканку уведу. *Эт. вар. конч.* 6) Я не Питерскій, не Казанскій и не Астраханскій, Я со матушки рѣки Камы Стеньки Разина сынокъ. Ужь какъ ты, губернаторъ, меня смѣлъ спрашивати? Заутро мой батюшка къ тебѣ въ гости будетъ. 7) Ужь я города Камышенки Степана Разина сынокъ, А заутра мой батюшка къ губернатору въ гости придетъ, Мой батюшка по прозванью Степанъ Разинъ Тимофеевъ. *Эт. вар. конч.* 8) Я съ матушки Волги Стеньки Разина сынокъ; Хотѣлъ мой батюшка къ тебѣ въ гости побывать; еще чѣмъ ты моего батюшку будешь подчивати? «Есть у насъ пироги—въ Тулѣ печены́, А есть сухари — въ Петербургѣ крошены́, Въ Петербургѣ крошены, въ Москвѣ высушены, Есть легкая похлебочка — у солдата на бедрѣ: Рѣдко имъ падаютъ, низко кланяются, Изъ ружей палятъ—много силушки валятъ.» *Эт. вар. конч.* 9, Отвѣтъ держалъ дѣтинушка-незнамый человѣкъ: Я не съ Дону казакъ и не казачій сынъ, И не изъ матушки вашей каменной Москвы разудалый молодецъ; По Камышенкѣ рѣкѣ красна лодочка плыветъ, На этой на лодочкѣ пятьсотъ гребцовъ, Пятьсотъ гребцовъ, все удалыхъ молодцовъ; Надо всѣми-то я атаманщикъ былъ. *Эт. вар. конч.* 10, Я со матушки со Камы Стеньки Разина сынокъ; Заутра мой батюшка и самъ въ гости прійдетъ. *Эт вар. кон.* 12) «Я изъ города изъ Камышенки Стеньки Разина сынокъ; Заутра мой батюшка будетъ въ гости къ вамъ: Вы умѣйте его принять, умѣйте его уподчивать.» — Готовъ давно десертъ

Какъ во лодочкѣ во той немало людей
И немало-немного — пятьдесятъ человѣкъ;
Середи лодочки косной сидитъ нашъ воровской атаманъ; [1])

25. Онъ повѣсилъ головушку на правую сторонушку,
Онъ потупилъ очи ясныя во мать во сыру землю. [2])
Какъ не сѣрые (гуси?) привозгакнули,
Какъ возговорятъ-промолвятъ добры молодцы ему: [3])
«Ты не плачь-не тужи, нашъ воровской атаманъ!» [4])

30. —Ничево вы-то, братцы, не знаете, не вѣдаете:
Какъ мой-атъ сынъ во поминѣ (поманьи) сидитъ —
Онъ во славномъ городѣ во Астрахани! [5])
«Ты не плачь, не тужи, нашъ казачій атаманъ!
«Ужь мы сына твоего мы выручимъ,

во всемъ городѣ ему! *Эт. вар. конч.* 13) Я и не царскій, я и не барскій, Я и не купеческій сынокъ. Гы изволилъ знать Стеньку Разина; Я его сынокъ. Осердился-жъ губернаторъ На такого молодца, Отсылаетъ Стеньку Разина Прочь отъ себя *Эт. вар. конч.*

[1]) 2) Только внизъ было ужь по матушкѣ по Волгѣ по рѣкѣ, Тутъ плыветъ-выплываетъ съ верху лодочка на низъ, У лодочки снастычки всѣ шолковыя, Парусы на лодочкѣ коноватны, Посередъ лодки сидитъ воровской атаманъ, По нашестычкамъ сидятъ удалые молодцы. 3) По рѣкѣ, рѣкѣ Камышкѣ тамъ суденушко плыветъ. «Вы ребята, вы ребята, удалые молодцы Посмотрите-тка, ребята, то мой батюшка идетъ.» 4) Внизъ по Волгѣ по рѣкѣ Косна лодочка плыветъ, Въ этой лодочкѣ косной Двѣсти двадцать сидитъ человѣкъ, Посреди лодки косной Сидитъ батюшка родной Семенъ Ѳедоровичь. 6) По утру-то ранымъ-ранехонько сверху лодочка бѣжитъ, На той ли же на лодочкѣ немного людей — На счетъ полтораста человѣкъ.

[2]) 2) 3) 4) 6) *этихъ двухъ стиховъ нѣтъ.*

[3]) 2) Ужь не гуси гогочутъ, добры молодцы говорятъ, Говорятъ добры молодцы атаману своему. 3) 4) 6) *эт. ст. нѣтъ.*

[4]) 2) Что же ты, нашъ батюшка, не веселъ сидишь? 3) 4) 6) *эт. ст. нѣтъ.*

[5]) 2) Какъ-то мнѣ, ребятушки, веселому быть? Сынъ-атъ мой любезнай во засадушкѣ сидитъ, Во засадушкѣ сидитъ, онъ во темной во тюрьмѣ. 3) Вы ребята, вы ребята, вы товарищи мои! Вы не знаете, ребята, про несчастьице мое: какъ и мой дитя Ванюша въ бѣлой каменной тюрьмѣ. 4) 6) *эт. ст. нѣтъ.*

35. «Астраханскаго губернатора мы выучимъ:
«Да гдѣ мы его найдемъ — тутъ въ огнѣ созжемъ! (1)

(13 варіантовъ: 1) Саратовской губ., Петровск. у. с. Даниловка, зап. С. П. Шевыревъ; 2) Симбирской губ. с. Станишное, зап. А. М. Языковъ; 3) Костромской губ.; 4) и 5) Московской губ. и у. село Коломенское; 6) 7) и 8 Симбирской губ., Сызрань, зап. А. М. Языковъ; 9) Тульской губ., Черпск. у.; 10) Симб. губ.; 11) и 12) Орелъ; 13) Симбирскъ, записалъ Д. А. Валуевъ. Первый принятъ за текстъ).

5.

(Калужск. губ., Лихвинск. у., д. Андроновское).

Вы лѣса мои лѣса, братцы, лѣсочики, лѣса темные!
Вы кусты ли мои, братцы, мои кусточки, кусты частые!
Вы станы ли мои—вы, мои братцы, станочки всѣ пы(о)разорены!
Какъ и всѣ мои, братцы, лѣсочки, всѣ порублены;
Какъ и всѣ-то мои, братцы, кусточки всѣ повыжжены,
Какъ и всѣ-то мои, братцы, товарищи, всѣ половлены!
Какъ одинъ изъ насъ, братцы, товарищей не пойманный,
Не пойманъ изъ насъ, братцы, товарищь нашъ Стенька Разинъ сынъ;
Выходилъ же тутъ Стенька Разинъ сынъ на Дунай-рѣку,

---

1) 2) Вы гребите, добры молодцы, изъ рукъ веселъ не пущай! Мы Саратовъ городочикъ поутру мы прогребемъ, А Царицынъ городочикъ ввечеру мы прогребемъ, Въ Астраханскую губерню ко бѣлу свѣту поспѣмъ, Чтобы Астраханскаго губернатора у заутрени застать, И съ живова кожу снять. 3) Мы до походу дойдемъ, до походу дойдемъ, Бѣлу каменну тюрьму мы по камню разберемъ, Съ самого ли губернатора мы шкуру сдерёмъ! 4) Какъ сказалъ же Семенъ Громкимъ голосомъ своимъ: Ужь вы грянь-кате, ребята, Вы гряньте молодцы! Подъ Астрахань подгребемъ, Всю Астрахань разобьемъ, Астраханскія тюрьмы По кирпичику разберемъ, Своего сынка Иванушку повыручимъ, Астраханскаго губернатора повыучимъ. 6, Приворачивайте-ка, ребята, къ городу Астрахани, Приколочки ударимъ пихтовыя, Причалимъ мы лодочку причалами шелковыми, Мы остроги и тюрьмы всѣ по камню разберемъ, Съ Астраханскаго губернатора съ живóла кожу сдеремъ.

Закричалъ же тутъ Стенька Разинъ сынъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Какъ и всѣ-то вы, мои братцы товарищи, всѣ половлены!
«Вы возьмите-тко, мои братцы товарищи, свой тугой лукъ,
«Натяните-тко, братцы мои товарищи, калену стри(ѣ)лу
«Простримте-тко, братцы товарищи, грудь мою бѣ-бѣлую!»

6.

(Нов. II.)

На зарѣ-то было, братцы, на утренней,
На восходѣ краснаго солнышка,
На закатѣ свѣтлова мѣсяца,
Не соколъ леталъ по поднебесью,
Ясаулъ гулялъ по насадику;
Онъ гулялъ, гулялъ, погуливалъ,
Добрыхъ молодцевъ побуживалъ:
«Вы вставайте, добры молодцы,
«Пробужайтесь, козаки Донски!
«Нездорово на Дону у насъ,
«Помутился славной тихой Донъ,
«Со вершины до черна мо́ря
«До черна моря Азовскова,
«Помѣшался весь козачей кругъ;
«Атамана больше нѣтъ у насъ,
«Нѣтъ Степана Тимоѳеевича,
«По прозванью Стеньки Разина;
«Поимали добра молодца,
«Завязали руки бѣлыя,
«Повезли во каменну Москву,
«И на славной Красной площади
«Отрубили буйну голову.»

Сынъ Стеньки Разина.

(Тамбовской губ., Моршанскаго у. село Соколóвка).

Какъ не буйные вѣтры въ чистомъ полѣ бушевали,
Бушевала бѣла грудь красной дѣвицы,
Раздиралось ретивó сердечко у молодушки,
Тосковала красна дѣвица по любовничку,
Возрыдала еще я, голубушка, по обманщику;
Въ возрыданьицѣ она рѣчи молвила:
«Ахъ, на что меня родители порóдили,
«А на что меня на свѣтъ пýстили?
«Для того ли, чтобъ кручиниться,
«Для того ли, чтобъ мнѣ вѣкъ печалиться?
«Какъ и былъ у меня милъ сердечный другъ,
«Онъ любилъ меня и жаловалъ,
«Много злата, серебра обѣщивалъ,
«Онъ частёхонько говаривалъ:
«Я куплю тебѣ, дѣвица, цвѣтно платье,
«А на шею твою бѣлу жемчужны жерéлья, [1])
«На головушку твою золотой повойникъ,
«Я сострою тѣ [2]), дѣвица, каменны палаты,
«Я поставлю во палатахъ кровать тесовую,
«На кроватку положу перину пуховую,
«Я покрою постелюшку одѣяломъ соболинымъ;
«Я частенько буду, дѣвица, къ тебѣ ёзжáти
«И со Волги со разбою буду отдыхати.
«А уѣхалъ злой разбойникъ — со мной не простился,
«Ужь и съ той поры злодѣй со мной не водился.
«И не вѣдала я дѣвица ровно десять лѣтъ,
«Гдѣ злодѣй живетъ, гдѣ разбойничаетъ?
«Услыхала я дѣвица на одиндцятый годъ,
«Что поймали разбойничка на большой Волгѣ рѣкѣ,

---

[1]) Ожерелья. — [2]) Тебѣ.

«Допросили разбойничка изъ какого роду-племени онъ былъ?
«Показалъ злодѣй-разбойникъ, что онъ Степьки Разина былъ сынъ.»

Смерть стрѣлецкаго воеводы.

(Г. Симбирскъ).

Царя бѣлаго, царя Русскаго
Алексѣя Михайловича
Тридцать три полка стрѣльцовъ —
Въ барабаны бьютъ стрѣльцы
По унывному,
Они пѣсенки пропѣли
По веселому.
Во второмъ отрядѣ стрѣлеческомъ
Уронъ сдѣлался,
Уронъ сдѣлался у молодчиковъ —
Воевода ихъ померъ.
Воеводы конечка
Въ поводу вели,
А самаго-то воеводу
На головахъ несли —
На тѣ горы воеводу
На Сіонскія,
Къ синему морю.
Ужь вы ройте-ко могилу
Глубокую,
Въ головахъ-то поставьте
Часовеньку,
Во погахъ-то вы поставьте
Дубовый столпъ,
Къ нему привяжите
Ворона коня.
Кто ни пройдетъ,

На конечка подивуется;
Кто ни пройдетъ,
На часовеньку поклонится.

(Зап. Д. А. Валуевъ).

Подъ Ригою.

(Кирша Даниловъ).

А подъ славнымъ было городомъ подъ Ригою
Что́ стоялъ царь государь по три годы —
Еще бывшій Алексѣй царь Михайловичь.
Изволилъ царь государь наряжатися,
Наряжается царь государь въ каменну Москву
А и бывшій Алексѣй царь Михайловичь.
Что́ по утру было рано-ранёшенько,
Какъ на свѣтлой зарѣ на утренней,
На восходѣ было краснаго солнышка,
Какъ-бы гуси-лебеди воскикали,
Говорили солдаты новобраные:
«А свѣтъ-государь, благовѣрной царь,
«А и бывшій Алексѣй царь Михайловичь!
«Ты изволишь наряжаться въ каменну Москву,
«Не оставь ты насъ бѣдныхъ подъ Ригою;
«Ужь и такъ намъ де Рига наскучила,
«Она скучила намъ Рига, напрокучила:
«Много холоду, голоду приняли,
«Наготы, босоты вдвое того.»
Что́ злата труба подъ Ригою протрубила,
Прогласилъ государь благовѣрный царь:
«А и дѣтушки, вы солдаты новобраные!
«Не однимъ вамъ Рига-то наскучила,
«Самому мнѣ государю напроскучила;
«Когда Богъ насъ принесетъ въ каменну Москву,
«А забудемъ бѣдность, нужу великую,
«А и выставлю вамъ погребы царскіе,
«Что съ пивомъ, съ виномъ меды сладкіе.»

Смерть царя Алексѣя Михайловича.

1.

Не сами тутъ двери растворялися,
Ужь какъ шла тутъ царица со царевичемъ,
Со царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ;
Что плачетъ она, какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ она, что́ волны бьются.
Ужь какъ возговоритъ царица:
«Охъ, ты гой еси, батюшка нашъ православный царь,
«Православный царь Алексѣй Михайловичь!
«На кого ты оставляешь свое величество?
«Кому ты вручаешь царство Московское?»
Въ головахъ тутъ стояли попы, дьяконы,
Не сами тутъ свѣчи загоралися,
Читали тутъ отходную;
Въ ногахъ стояли все бояра.
Ужь какъ взговоритъ православный царь
Алексѣй Михайловичь:
«Оставляю свое величество
«Я царевичу Петру Алексѣевичу,
«Вручаю я царство Московское
«Я боярину князю Голицыну.»
Ужь тутъ православный царь переставился.

2.

(Уралъ).

Во славной во старой во крѣпости, каменной Москвѣ,
Тутъ шли-прошли два игумена, два монаха;
Дивовалися они, сумнѣвалися:
Что за чудо въ каменной Москвѣ, что за диковина?
Пріуныли всѣ въ каменной Москвѣ князья и бояре,
Купцы, братцы, богатые, всѣ вельможи;
Знать-то у насъ въ каменной Москвѣ нездорово,

Точно у насъ въ каменной Москвѣ неблагополучно,
Знать-то у насъ государя царя въ живѣ нѣту!
Случилось имъ идти мимо дворца государева:
Съѣзжаются къ государю царю князья, бояре,
Купцы, братцы, богатые, всѣ вельможи;
Строютъ ему гробницу золотую,
Унизанную крышечку жемчужну,
По уголошкамъ кладутъ камни драгоцѣнны.
Въ унывный большой колоколъ зазвонили,
Понесли государя царя хранити;
Во передъ несутъ гробницу золотую,
За гробницей идутъ попы, дьяки,
За попами идутъ архиреи,
За ними ведутъ милосерду государыню;
Подъ праву руку ведетъ большой сынъ,
А подъ лѣву ведетъ меньшой сынъ,
Утираетъ ей горючи слезы мила доченька.

(Дост. В. П. Даль).

3.

У насъ было, братцы, во святой Руси,
Во святой Руси въ каменной Москвѣ
Заупывные большіе колколы зазвонили;
У насъ знать-то въ каменной Москвѣ
Нездорово за стѣной, стѣной бѣлокаменной.
Ужь и дѣлаютъ драгуны гробницу золотую,
Багрецовыми сукнами укрывали,
Полужоными гвоздями убивали.
Бѣлокаменная палата отворялась:
Напередъ-то идутъ попы, дьяконы и архиреи,
За ними несутъ гробницу золотую,
За гробницей идетъ младой юноша царевичь,
Во слезахъ-то онъ слова не промолвитъ.

4.

(Станишное, Симб. губ.)

Что это у насъ, братцы,
Въ каменной Москвѣ пріуныло,
Что это пріумолкло?
Заунывно зазвонили
У Ивана у Великаго въ большой колоколъ,
Языкъ-атъ увивали чернымъ бархатомъ.
Всѣ князья, бояре догадались:
Они всѣ съ себя платье цвѣтное скидавали,
Паряжалися во платьице черное, печальное.
И что это у насъ, братцы,
Въ каменной Москвѣ пріумолкло?
Знать не стало у насъ въ каменной Москвѣ
Самодержавца батюшки царя бѣлаго.

(Зап. А. М. Языковъ).

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I.

Терентій гость.

(Прибавленія къ выпуску 5-му, къ былинамъ Новгородскимъ).

2 *).

(Симбирск. г., с. Головино).

Ой ты гой еси, Терентій гость,
Славенъ ты—богатъ [1]) человѣкъ!
У тебя, дискать, жена молода
Оленушка Клементьевна,
Клементьевна-Дементьевна.

Ее съ вечера недуги берутъ,
Къ полуночи ее немочь бьетъ,
Къ бѣлой зарѣ лихорадка трясетъ,
Немочь-то черная,

---

*) Мы отмѣчаемъ эту былину *второю*, послѣ *первой*, помѣщенной въ 5-мъ выпускѣ, стр. 54—60. Читатели не посѣтуютъ на насъ, что мы передаемъ имъ такую драгоцѣнность нѣсколько поздно, только что нашедши ее въ бумагахъ покойнаго П. В. К. Съ этимъ вмѣстѣ одинокой образецъ, извѣстный до сихъ поръ лишь изъ Кирши Данилова, дополняется превосходнымъ другимъ, въ которомъ мы получаемъ новое имя Терентьевой жены—*Олена Клементьевна-Дементьевна*, въ Новгородѣ «крестъ *Евстаѳійскій*» и т. п. черты, которыя благоволятъ читатели прибавить въ «Указатель», составленный для Новгорода при 5-мъ выпускѣ. — *О.*

[1]) Богатый гость, прозвище, званіе Терентья.

Лихорадка красная:
Пухота́, поджива́тна скорбь. [1])
Тутъ возговоритъ жена молода
Оленушка Клементьевна:
«Ой ты гой еси, Терентій гость,
«Ты славенъ-богатъ человѣкъ!
«Что́ ты мастеро́въ не спрашиваешь,
«Подмастерьевъ [2]), не допытываешь?»

Тута Терентій гость
Встаетъ п'утру́ ранёхонько,
Обувается гладёхонько,
Умывается бѣлёхонько,
Надѣваетъ шубу повую;
Онъ пошелъ по Нову-городу,
Онъ сталъ проти́во хреста,
Проти́ хреста, проти́въ чуднова,
Проти́ чудна Остаѳейскова [3]).
На встрѣчу ему скоморохи,
Скоморохи, люди вѣжливые,
Люди вѣжливы-очестливые;
Они взглянутся—улы́бнутся,
А отвернутся—разсмѣхнутся.
Тутъ возговоритъ Терентій гость:
— Ой вы гой еси, скоморохи,
— Скоморохи, люди вѣжливые,
— Люди вѣжливы-очестливые!
— Вы много по землѣ ходоки́,
— Вы много всѣмъ скорбя́мъ знатоки́,
— Вы скорби ухаживате,
— А недуги уговаривате:
— У меня, братцы, жена скорби́на», [4])
— Оленушка Клементьевна,

---

[1]) О смыслѣ этой болѣзни см. 5-й выпускъ. — [2]) «Мастеровъ, подмастерьевъ» — дохтуры, волхвы; ср. 5-й выпускъ. — *О.* [3]) См. 5-й выпускъ. — *О.* [4]) Больна — *О.*

— Клементьевна-Дементьевна;
— Ее съ вечера недуги берутъ,
— Въ полупочь черна немочь бьетъ,
— Къ бѣлой зарѣ лихорадка трясётъ.
Инъ тута скоморохи
Сглянутся — улы́бнутся,
Отвернутся — разсмѣ́хнутся:
«Ой ты гой еси, Терентій гость,
«Славенъ-богатъ человѣкъ!
«Ты поди-ка во холщёвой рядъ,
«Купи холщёвой мѣхъ,
«Ты не дорого — три денежки дай,
«А мочалище [1]) полденежки:
«Стало — безъ полушки грошъ;
«Садися въ холщёвой мѣхъ!»
Пошли они къ Терентью старому,
Къ Оленушкѣ Клементьевнѣ,
Клементьевнѣ-Дементьевнѣ.

Встрѣчатъ ихъ молода жена
Оленушка Клементьевна:
«Ой вы гой еси, скоморохи,
«Скоморохи, люди вѣжливые,
«Люди вѣжливые-очестливые!
«Не видали ли немы́лаго мово́
«Терентья стараго,
«Терентья богатаго?»
И тутъ скоморохи
Взглянутся — улы́бнутся,
А отвернутся — разсмѣ́хнутся:
«Мы видѣли немы́лаго твово́
«Терентья стараго
«Противъ хреста, проти чуднова,
«Проти чудна Остаѳейскаго;
«Его вороны потаскиваютъ,

[1]) Которымъ завязать мѣшокъ.

«Черны́ кабели́ поволакиваютъ.»
Возговоритъ жена молода
Оленушка Клементьевна:
«Избыла де я неми́лаго свово́
«Терентья стараго,
«Терентья богатаго,
«Нажила я свою волюшку!»

Тутъ возговорятъ скоморохи,
Скоморохи, люди вѣжливые,
Люди вѣжливы-очестливые:
«Ты слышишь ли, мѣшокъ,
«Ты слышишь ли, холщёвъ,
«Что про́ тебя говорятъ,
«Про твою буйну головушку?»
Онъ сталъ въ мѣшкѣ потягиваться,
Сталъ поволакиваться;
Холстинушка разо́рвалась,
А мочалище по́рвалось.
Встаетъ тутъ Терентій гость
На свои на рѣзвы́ ноги,
Онъ беретъ трость жимолосну,
Половина свинцу́ налита;
Онъ сталъ скорби ухаживати,
Сталъ недуги уговаривати.
Тутъ возго́ворятъ скоморохи,
Скоморохи, люди вѣжливые,
Люди вѣжливы-оче́стливые:
«Ой ты гой еси, Терентій гость!
«Ты самъ скорби ухаживаешь,
«А недуги уговаривaешь!»

(Доставл. П. М. Языковымъ 1838 года, мая 25).

* * *

II. (а).

У князя Володимѣра,
У солнышка у числа-время, [1])
Было пированьице [2]) честное,
Честное и радошно,
И радошно и порядошно; [3])
Пили, ѣли прохлажалися,
Промежъ себя похвалялися:
Сильный хвалится силою,
А богатый хвалится богатствомъ, [4])
Молодецъ похвалился конемъ добрымъ:
«У меня, братцы, конь-добра лошадь; [5])
«Еще, братцы, молода жена—
«И умная, и разумная: [6])
«Спустя мужа, пиво варила,
«Пиво варила, вино курила,
«Звала гостей полюбимыихъ,
«Князей, бояръ — безъ боярыней, [7])
«Поповъ, дьяковъ—все безъ дьяконицъ.» [8])
Во глаза тутъ молодцу насмѣялися: [9])
«У тебя да молода жена
«Умная и разумная:
«Спустя мужа, пиво варила,
«Пиво варила, вино курила,
«Звала гостей полюбовныихъ:
«Князей, бояръ—безъ боярыней,
«Поповъ, дьяковъ—все безъ дьяконицъ!» [10])
За досаду молодцу показалося, [11])
Садился онъ [12]) на добра коня,

(а) Ср. выше кругъ пѣсень Владимѣра.

[1]) *Этого ст. нѣтъ.* [2]) Пированьице было. [3]) Честнѣ, хвальнѣ, больно радошно. [4]) 9-й *ст. послѣ* 8-го. [5]) 10-го и 11-го *ст. нѣтъ.* [6]) Одинъ похваляется молодой женой: У меня братцы, жена умная, Умная-разумная. [7]) Звала въ гости князей бояръ-безъ боярышневъ. [8]) безъ дьяконицевъ. [9]) Тутъ въ глаза молодцы насмѣхалися. [10]) 20—26 *ст. нѣтъ.* [11]) *Послѣ* 27-го *ст.* Пошелъ молодецъ на конюшій дворъ, обратывалъ коня добраго. [12]) Молодецъ *вм.* онъ.

Во стремечью не ступаючи,
За сѣдельну луку не хватаючи; [1])
Поѣхалъ онъ со пиру домой; [2])
Подъѣзжаетъ къ своему широку двору, [3])
Пшулъ столбы своимъ чоботомъ — [4])
Столбики пошатилися,
Воротички растворилися. [5])
Встрѣчаетъ его молода жена
Среди своего широка двора. [6])
Вынимаетъ молодъ свою востру саблю, [7])
Онъ снёсъ съ неё буйну голову, [8])
Самъ пошелъ молодецъ по выходамъ,
По выходамъ и по пóгребамъ;
Всѣ выходы были заперты,
Погребицы запечатаны. [9])
Пошелъ молодецъ во свою горницу,
Свою горницу, во высокъ теремъ: [10])
Въ терему виситъ колыбелушка, [11])
Въ колыбелушкѣ родно дитятко, [12])
Родно дитятко, чадо милое.
Онъ сталъ качать-прибаюкивать:
«Баю, баю, родно дитятко, [13])
«Баю, баю, чадо милое! [14])
«Ушибъ-то я твою матушку,
«Себѣ возьму молоду жену,
«Тебѣ возьму лиху мачиху!» [15])

(Два варіанта, записаны въ Симб. г., въ с. Головинѣ А. М. Языковымъ).

[1]) 29-го *и* 30-го *ст. нѣтъ*. [2]) Поѣхалъ молодецъ вдоль по улицѣ. [3]) Подъѣзжалъ молодецъ къ широкому двору. [4]) Уткнулъ копье въ дубовы столбы. [5]) *Вм.* 34-го *и* 35-го *ст*: Дубовы столбы пошатались, Сосновы доски разсыпалися. [6]) *Вм.* 37 *ст.* Въ однихъ чулочкахъ безъ чоботовъ, Въ одной сорочкѣ безъ понёвы. [7]) Беретъ молодецъ саблю вострую. [8]) Срубилъ женѣ одину голову, Покатилась головушка ея Къ коню подъ ноги, подъ копытечко, Подъ правое, подъ переднее. [9]) 35—38 *ст. нѣтъ*. [10]) *Вм.* 39-го *и* 40-го *ст.* Кинулся молодецъ въ палатушку, Въ палату бѣлокаменну. [11]) Въ палатушкѣ колыбель виситъ. [12]) Въ колыбели лежитъ чадо милое. [13]) Бау, бау, чадо милое! [14]) *Эт. ст. нѣтъ*. [15]) *Вм.* 47—49 *ст.* Не стало у тебя родной матушки, У меня молодца молодой жены! Хоть возьму молоду жену, И будетъ она тебѣ не родная мать, Не родная мять — лиха мачиха.

III. (а).

(Новгородъ).

Ты любовь, моя любовь, любовь дѣвушкина!
Ты когда, моя любовь, побываешь у меня?
— «Я бы рада побывать, дороженьки не спознать,
«Дороженьки не спознать, товарищей не созвать.
«Побываю у тебя, когда выростетъ трава,
«Когда выростетъ трава середи твогó двора,
«Поразольется Нева со крутым' бережкам' ровна!»
По синю морю корабличекъ бѣжитъ, таки бѣжитъ,
Къ Нову-городу корабличекъ спѣшитъ, таки спѣшитъ;
По кораблику Васильюшко погуливаетъ,
Онъ во звонкія гусéльчики поигрываетъ:
«Ахъ, вы гусли, вы гусли, гусéльчики мои,
«Заиграйте вы, гусли, при мнѣ, таки при мнѣ,
«При мнѣ, таки при мнѣ, при Васильѣ-молодцѣ,
«При Васильѣ-молодцѣ, при купеческомъ сынкѣ!»

Татарскія.

1.

(Симб. губ.)

Было во городѣ во Черниговѣ —
Воевали, бузовали три Татарченка,
Они били, разбивали нашъ Черниговъ-градъ,
Намного они брали золотой казны,
А еще того побольше чечью жемгуга;
Полонили они душу-ли красну дѣвицу,
Тоё ли они Шамельфу дочь Никитичну.
Выводили они собаки во чисто поле,
Разставляли собаки шатры бѣлые,

(а) Ср. выше кругъ пѣсень Новгородскихъ.

Разстилали они ковры шелковые,
Разсыпали они, собаки, казну на три вороха,
А чечуй жемчугъ на три жеребья,
А души красной дѣвицы жеребья нѣту.
Что возго́воритъ собака, младъ Татарченокъ:
«Охъ, вы гой еси два брата, два названые!
«Вы возьмите мой жеребій золоту казну,
«А въ замѣнъ отдайте душу красну дѣвицу.»
Злы Татарченка казнѣ обрадовался,
И душой красной дѣвицей поступался.
Онъ беретъ бусурманъ за праву руку,
И повелъ ее злодѣй въ особливъ шатёръ;
Онъ и сталъ надъ ней, собака, надругатися,
И сталъ надъ ней насмѣхатися:
Онъ взялъ ее, собака, за русу косу
И ударилъ ее бусурманъ о сыру землю.
Закричала же дѣвица громкимъ голосомъ:
«Охъ, вы гой еси братцы-рыболовщички!»
Услыхалъ же то дородный добрый молодецъ,
Онъ и скачетъ ко бѣлу шатру полотняному,
Онъ снимаетъ съ собаки буйну голову,
А душу красну дѣвицу съ собой беретъ.

(Дост. Языковъ).

2.

(Рязанской губ.)

Не буйны вѣтры подымались,
Съ палатъ верхи посметало,
Въ теремахъ двери растворяло,
На столахъ кушанья расплескало;
За столомъ сидитъ злой лихой Татаринъ,
Передъ нимъ стоитъ красная дѣвица,
И не такъ дѣвка стоитъ:
Она стоитъ — слезно плачитъ.
Злой лихой Татаринъ дѣвку унималъ,

Платкомъ слезы утиралъ:
«Ты не плачь-кась, красная дѣвка,
«Русская бѣлополынянка!
«Я сошью тебѣ конью шубу.»

(Зап. г. Трубниковъ).

3.

(Симбирск. губ.)

Изъ Крыму было, Крыму, изъ Нагаю,
Бѣжалъ тутъ младъ невольничекъ изъ неволи,
Изъ той ли изъ Орды, братцы, изъ поганой.
Подходитъ младъ невольничекъ ко Дунаю,
Изыскивалъ песчанаго переходу.
Безсчастьицо на молодца приходило:
На тое время тихой Дунай становился,
Онъ тоненькимъ ледочкомъ покрывался,
Молоденькимъ снѣжечкомъ засыпался,
Лютыми морозами укрѣплялся.
Слѣзетъ молодецъ со добра коня,
Запѣлъ-то онъ съ горя пѣсню:
«Сторона-ль ты, моя сторонушка,
«Сторона-ль ты родимая,
«Родимая, прохладливая!
«Знать-то мнѣ на тебѣ не бывати,
«Отца съ матерью не видати.»

(Зап. Языковъ).

4.

Какъ за рѣчкою,
Да за Дарьею,
Злы Татарове
Дуванъ дуванили.

На дуваньицѣ
Доставалася,
Доставалася
Теща зятю;

Какъ повезъ тещу зять
Во дикую степь,
Во дикую степь
Къ молодой женѣ.

«Ну и вотъ, жена,
«Тé работница —
«Съ Руси Русская
«Полонянночка.

«Ты заставь ее
«Три дѣлъ дѣлати:
«Ужь какъ первое —
«То куделю прясть,

«А другое дѣло —
«То гусей стеречь,
«А и третье дѣло
«То дитё качать.»

Ахъ, ручками я
Кудель пряду,
А глазками
Гусей стерегу,

А глазками
Гусей стерегу,
А ножками
Дитё колышу.

Охъ, качаю дитё,
Прибаюкиваю:
«Баю-баю,
«Боярскій сынъ!

«Ты по батюшкѣ
«Золъ Татарченокъ,
«А по матушкѣ
«Ты Русеночекъ,

«А по матушкѣ
«Ты Русеночекъ,
«А по роду мнѣ
«Ты внучепочекъ,

«А по роду мнѣ
«Ты внученочекъ:
«Вѣдь твоя-то мать
«Мнѣ родная дочь,

«Вѣдь твоя-то мать
«Мнѣ родная дочь;
«Семи лѣтъ она
«Во полонъ взята;

«На правой груди
«У ней родинка,
«На лѣвой ногѣ
«Нѣтъ мизинчика.

«Мнѣ и бить тебя —
«Такъ грѣхъ будетъ,
«А дитёй назвать —
«Мнѣ вѣра не та!»

Услыхали то
Дѣвки сѣнныя,
Прибѣжали онѣ
Къ своей барынѣ:

«Государыня,
«Наша барыня,
«Наша барыня,
«Милосердная!

«Полоняночка
«Съ Руси Русская
«Качаетъ дитё,
«Прибаюкиваетъ:

«Баю-баю,
«Боярскій сынъ!
«Ты по батюшкѣ
«Золъ Татарченокъ;

«Ты по батюшкѣ
«Золъ Татарченокъ,
«А по матушкѣ
«Ты Русеночекъ,

«А по роду мнѣ
«Ты внученочекъ:
«Вѣдь твоя-то мать
«Мнѣ родная дочь,

«Вѣдь твоя-то мать
«Мнѣ родная дочь;
«Семи лѣтъ она
«Во полонъ взята;

«На правóй груди въ ней —
«У ней родинка,
«На лѣвóй ногѣ
«Пѣтъ мизинчика.

«Мнѣ и бить тебя —
«Такъ грѣхъ будетъ,
«А дитёй назвать —
«Мнѣ вѣра не та!»

Охъ, стучитъ-гремитъ,
По сѣнямъ бѣжитъ,
По сѣнямъ бѣжитъ
И дрожма дрожитъ

Дочка къ матери;
Повалилася,
Повалилася
Во рѣзвы ноги:

«Государыня,
«Моя матушка!
«Не спознала я
«Тебя, ро́дная!

«Ты бери ключи,
«Ключи зо́лоты,
«Отмыкай ларцы,
«Ларцы ко́ваны,

«Отмыкай ларцы,
«Ларцы кованы,
«Ты бери казны
«Сколько надобно;

«Ты поди, поди
«На конюшенку,
«Ты бери коня
«Что ни лучшаго,

«Ты бѣги, бѣги,
«Моя матушка,
«Моя ро́дная,
«На святую Русь!»

— Охъ дитё-ль мое,
Мое милое!
Не поѣду я
На святую Русь,

Не поѣду я
На святую Русь;
Я съ тобой, мой другъ,
Не разстануся.

5.

(Елецкій у., Орловской губ.)

Ужь и чей это теремъ
Златымъ серебромъ украшенъ?

Подвилья,
Подвиль яблонь,
Направи́ли противъ-или на-фили́
Штра́филь-па́филь,
Подфиль Филимонъ,
Леба́да пале,
Приклонь яблонь
Прилегла. [1])

Ужь во то́мъ ли терему́
Убрана́ кровать стоитъ,

Ужь на той ли на кровати
Самъ турецкой царь лежитъ;

Передъ этимъ королемъ
Полоняночка стоитъ,

Полоняночка стоитъ
Красна дѣвица-душа

Изъ Россійской стороны,
Обливалася слезми.

«Ты не плачь, не плачь, дѣвица,
«Не плачь, душечка моя!

«Я отдамъ тебя, дѣвица,
«За любимаго пажа.»

---

[1]) Припѣвъ повторяется послѣ каждаго двустишія.

— Не хочу я за пажа!
Отпусти меня домой,

Отпусти меня домой
Къ моей матушкѣ родной.

(Зап. М. А. Стахевичъ).

Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Любителей Россійской Словесности *).

—1867 г. Января 13, CCXXIX засѣданіе, пунктъ 3.—Д. Ч. А. Н. Аѳанасьевъ напечаталъ, по переданнымъ ему рукописямъ, четыре листа, но долженъ былъ на этомъ остановиться, потому что дальнѣйшихъ рукописей Кирѣевскаго у него не было.—Общество постановило: просить Д. Ч. П. А. Безсонова (возвратившагося въ Москву) докончить напечатанный уже Д. Ч. А. Н. Аѳанасьевымъ текстъ пѣсень своими примѣчаніями и выпустить оный.

—Во исполненіе протокола, изъ письма Г. Предсѣдателя Общества Н. В. Калачова къ Д. Чл. П. А. Безсонову отъ 16 Октября 1867 года: «М. Г. Общество Л. Р. Сл. въ засѣданіи 13 Января (ст. 3) опредѣлило просить Васъ, взять на себя трудъ докончить напечатанный уже Д. Ч. А. Н. Аѳанасьевымъ текстъ 7-го выпуска Пѣсень Кирѣевскаго и дополнить оный Вашими примѣчаніями.... Сообщая Вамъ, М. Г., объ этихъ постановленіяхъ Общества и въ надеждѣ, что Вы не откажете въ дальнѣйшемъ содѣйствіи своемъ этому изданію, столь много уже Вамъ обязанному, я имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, увѣдомить меня предварительно о томъ, согласны-ли Вы принять на себя означенный трудъ»... Отвѣтъ Г. Предсѣдателю Д. Чл. П. А. Безсонова отъ 19 Октября съ изъявленіемъ совершенной готовности.

---

*) Отпечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ 7-му ВЫПУСКУ ПѢСЕНЪ,

СОБРАННЫХЪ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ,

И

ДОПОЛНЕНІЯ

КЪ ПЕРВЫМЪ ДВУМЪ ЧАСТЯМЪ ПѢСЕНЪ БЫЛЕВЫХЪ И ИСТОРИЧЕСКИХЪ.

При концѣ двухъ первыхъ частей предполагалось въ дополненіе напечатать все, что̀ открыто въ томъ же родѣ послѣ ихъ появленія. Но по обстоятельствамъ, выше изложеннымъ, и происшедшему отсюда перерыву въ изданіи, предположеніе это выполняется здѣсь *вторичными* Приложеніями, въ порядкѣ, который уясненъ вполнѣ Оглавленіемъ на концѣ сего выпуска.

Часть I.

Выпускъ 1 и 4.

Илья Муромецъ.

1.

(Губ. Ворон., Землянск. у.).

Какъ то было за Днѣпромъ рѣкой:
Стояли заставы не малыя,
Заставушки не малыя, великія;
Былъ на заставахъ: старой козакъ Илья Муромецъ,
Былъ Алеша Поповичь,
Еще были два брата родимые,
Лука да Матвей, Дѣти Боярскіе.
Утромъ то было раньмъ рано,
На зарѣ то было на утренней,
Выходилъ Илья Муромецъ изъ бѣла шатра
На свои (балконы) широкіе;
Онъ смотрѣлъ во чисто поле
На всѣ четыре стороны:
Ничего нѣтъ въ полѣ хорошаго,
Ни худаго, ни добраго,
Все въ полѣ по старому,
Подъ востокомъ лишь морочить *) стало.

---

*) Меркнуть, заволакивать; по другимъ разнорѣчіямъ: увидалъ на полѣ вдали *чернизину*.

Спускается старой Илья Муромецъ
Къ быстру Днѣпру,
Изъ быстра Днѣпра умывается,
Шитой ширшкой утирается,
Самъ смотритъ во чисто поле.
Видитъ, ѣдетъ богатырь, торопится
Ко старому козаку Ильѣ Муромцу.
Ѣхалъ то Добрыня Никитичь младъ.
Подъѣзжаетъ онъ къ Ильѣ Муромцу,
Говоритъ ему таковыя слова:
«Ой ты гой еси, старой Илья Муромецъ,
«Проѣхалъ богатырь мимо меня,
«Мимо меня, мимо моей заставы.
«Подъ нимъ добрый конь, что лютый звѣрь
«Самъ богатырь на конѣ храбро сидитъ,
«На правомъ плечѣ тяжка палица,
«На лѣвомъ плечѣ сидитъ бѣлъ кречетъ,
«По стременью бѣгутъ сѣры выжлоки *).»
Говоритъ Добрынѣ Илья Муромецъ:
—Поѣзжай ты, Добрыня, за богатыремъ,
—Не бери съ собой тяжкой палицы,
—Не бери съ собой сабли вострыя,
—Сабли вострыя, копья мурзамецкаго;
—Спроси ты богатыря про дѣдину,
—Про дѣдину, про отчину,
—Коего города, какой земли.—

Ѣдетъ Добрыня Никитичь за богатыремъ,
Наѣзжаетъ Добрыня на богатыря,
Сталъ кричать ему зычнымъ голосомъ,
Говоритъ ему языкомъ Русскімъ:
«Гой ты еси, добрый молодецъ,
«Сильный, могучій богатырь!
«Ты скажи мнѣ про дѣдину, про отчину,

*) См. въ прежнихъ выпускахъ.

«Коего города, какой земли?»
Отвѣчаетъ ему добрый молодецъ,
Сильный, могучій богатырь:
««Отлейся ты, какъ вода вешняя,
««Отъѣзжай, мужикъ, деревенщина,
««Отлети, ворона перелетная,
««Не хочу я съ тобой рѣчей вести,
««Не хочу съ тобой слова говорить.»»
Отворачивалъ Добрыня своего коня,
Ѣхалъ къ старому Ильѣ Муромцу,
Говорилъ ему Добрыня таковы слова:
«Богъ тебя суди, старой козакъ,
«Богъ тебя суди, Илья Муромецъ,
«Не велѣлъ ты мнѣ брать тяжку палицу,
«Сабли вострыя, копья мурзамецкаго;
«Обзывалъ меня богатырь:
««Отлейся ты, какъ вода вешняя,
««Отъѣзжай, мужикъ, деревенщина,
««Отлетай, ворона перелетная,
««Не хочу я съ тобой рѣчей вести,
««Не хочу съ тобой слова говорить.»»
За бѣду стало старому Ильѣ Муромцу,
За великую досаду показалося,
Его сердце разгоралося,
Его кровь раскипалася,
Говорилъ Добрынѣ Илья Муромецъ:
—Ой ты гой еси, Добрыня Никитичь младъ!
—Я поѣду за богатыремъ,
—Ты же поѣзжай въ стольный Кіевъ градъ
—На улочку на съѣзжую,
—На площадку на схожую;
—Ни къ чему ты коня не привязывай,
—Ни кому ты его не приказывай,
—Самъ ступай во Божій храмъ,
—Ко свѣтлой Христовой заутрени,
—Ставь свѣчи мѣстныя
—Іисусу Христу, Божьей Матери,

—Третью свѣчу Михаилу Архангелу,
—Стой, молися Богу милостивому,
—Клади поклоны до сырой земли,
—Проси у Бога милости:
—Когда свѣчи стануть обливатися *),
—По ту пору стану я воеватися.—
Скрутно **) они тутъ сряжалися,
На добрыхъ коней садилися,
Другъ съ дружкой распростилися:
Добрыня поѣхалъ въ стольный Кіевъ градъ,
Илья Муромецъ во чисто́ поле.

Не стукъ стучитъ во чисто́мъ полѣ,
Не громъ гремитъ во раздольицѣ,
Ѣдетъ старый Илья Муромецъ, торопится,
Его вѣрный конь разсержается,
По чисту полю разстилается,
Мелкіе лѣса промежду ногъ бросалъ,
Мелкія рѣчки-ручьи пескомъ засыпалъ.
Услыхалъ тутъ добрый молодецъ,
Сильный, могучій богатырь,
Топоту конинаго, голосу богатырскаго,
Подъ нимъ добрый конь сталъ спотыкатися:
«Что́ ты, конь мой, спотыкаешься?
«Аль не слыхивалъ топоту конинаго,
«Аль не слыхивалъ голосу богатырскаго?»
Спускалъ добрый молодецъ
Съ лѣва плеча бѣла кречета:
«Полети, бѣлъ кречетъ, во чисто́ поле,
«Побѣгите, сѣры выжлоки, во темны лѣса,
«Мнѣ теперь не до васъ пришло.»
Наѣзжалъ на богатыря старой Илья Муромецъ,
Съѣзжались они во чистомъ полѣ,

---

*) Пока порядочно уже сгорятъ.

**) Поспѣшно. *Прим. 1-го изд.* — Парядно, какъ слѣдуетъ сряжаться, крутиться.

Стали биться-рубитися.
Долго билися богатыри,
Тяжки палицы поломалися,
А другъ дружку не поранили.
Съѣзжались они въ другой разъ,
Долго билися-рубилися,
Сабли вострыя призабилися,
А другъ дружку не поранили.
Съѣзжались они въ третій разъ,
Скочили съ добрыхъ коней
И схватилися въ рукопашную.
У богатыря была уловка не добрая:
Онъ бралъ Илью Муромца на косой носокъ *),
Бросалъ его на сырую землю,
Разстегалъ его груди бѣлыя,
Выдергивалъ чингалище **), булатный ножь,
И хотѣлъ вспороть его бѣлу грудь:
Какъ въ локтѣ рука застоялася;
Онъ заноситъ ее въ другой разъ,
Но въ локтѣ рука застоялася;
Онъ заноситъ ее въ третій разъ,
Но рука опять застоялася.
Говоритъ тутъ добрый молодецъ:
«Что жь это за диковина,
«Не могу я вспороть груди бѣлыя!
«Аль ты въ родствѣ, али въ племени?
«Скажи мнѣ про дѣдину, про отчину,
«Коего города, какой земли?»
Взговорилъ старой Илья Муромецъ:
—Охъ Ты, Боже мой милостивый,
—Іисусъ Христосъ, Матерь Божія!
—Я стоялъ всегда за вѣру православную.
—Православную Русь, христіанскую,

---

*) Въ борьбѣ «подъ ножку.»
**) См. прежніе выпуски.

—Былъ я на семи бояхъ,
—На семи бояхъ на семидесяти,
—Все мнѣ старому удавалося,
—А нынѣ Господь Богъ прогнѣвался:
—Сидитъ богатырь на моей груди
—И не можетъ вспороть груди бѣлыя!
—Когда бы я былъ на его грудяхъ,
—Не спросилъ бы про дѣдину и отчину.—
Спускались съ неба два ангела,
Шептали Ильѣ Муромцу во правое ухо:
««Встрепенись, встрепенись, старóй Илья Муромецъ,
««Какъ трепещется на синемъ морѣ сизóй орелъ!»»
Встрепенулся старой Илья Муромецъ,
Онъ сбрасывалъ богатыря съ бѣлóй груди,
Улеталъ богатырь выше дерева стоячаго;
Взбѣгалъ на богатыря старой Илья Муромецъ,
Не разстегивалъ его груди бѣлыя,
Выдергивалъ чингалище, булатный ножь,
Хватилъ богатыря во бѣлую грудь:
Но сгибался булатный ножь до черена.
Удивлялися тутъ, что жь это за диковина?
Разстегалъ у богатыря грудь бѣлую,
Увидалъ на немъ крестъ серебряный,
Сталъ спрашивать про дѣдину, про отчину:
—Ты скажи мнѣ, удалой молодецъ,
—Коего города, какой земли,
—Какого отца и матери?—
«Матери Польки *) я, отца Ильи Муромца.»
Бралъ старóй богатыря за бѣлы руки,
Становилъ его на ноги рѣзвыя,
Цѣловалъ въ уста сахарныя:
—Ужь ты здраствуй, дитя мое милое,
—Я отецъ твой Илья Муромецъ!—
Садились они тутъ на добрыхъ коней,

*) Это разнорѣчіе, неизвѣстное по другимъ образцамъ.

Ѣхали въ стольный Кіевъ градъ,
Ко солнышку ко Владиміру.

Встрѣчалъ ихъ солнышко Владиміръ князь
Съ честію, радостію,
Выкатилъ, солнце, бочку вина сорокъ ведръ,
Наливалъ чашу въ полтора ведра,
Подносилъ ее (къ) Ильѣ Муромцу.
Были всѣ тутъ веселы, радостны,
Богатыри храбрые, поляница удалая,
Гуляли они, потѣшалися,
Не много, не мало, два мѣсяца.

(Со словъ крестьянина, ср. „Воронежск. Сборникъ“ 1861 г., а въ I-й Части вып. 1, Разр. I №№ 1—6, Разр. IV №№ 1—2; вып. 4 №№ 2 и 3).

2.

(Сарат. губ.).

Какъ далече-далече во чистомъ полѣ,
Не ковыль-трава въ полѣ шатается,
Зашаталъ-загулялъ старъ-матёръ человѣкъ,
Старъ-матёръ человѣкъ, Илья Муромецъ,
На своемъ на добромъ конѣ,
На войлочкѣ на бумажномъ *),
На сѣдельцѣ на черкасскомъ.
У старого денегъ не водилося,
Только было при немъ сорокъ тысячей,
А коню подъ нимъ цѣны не было:
Конь-то былъ подъ нимъ, что лютый звѣрь,

*) Войлочекъ—бумажный: противорѣчіе и безсмысленное сочетаніе.

А самъ онъ на конѣ, что лѣсенъ соколъ.
Какъ наѣхали на него станишнички,
По русскому сказать, воры-разбойнички,
Хотятъ они старого ограбити,
Хотятъ его добра молодца убить-срубить,
Убить-срубить, душу погубить.
Возговорилъ тутъ Илья Муромецъ:
«Ужь вы братцы мои станишнички!
«Убить вамъ меня, старого, не за что,
«А взять-то вамъ у меня нечего,—
«Только есть на мнѣ безсермяжечка *),
«Безсермяжечка—она въ сто рублёвъ,
«Кушакъ да штаны—пятьсотъ даны,
«Шапочка моя—во всю тысячу,
«А добру моему́ коню и цѣны нѣту:
«Отъ того мому коню цѣны нѣту,
«Что онъ броду не спрашиватъ,
«А котора рѣка и цѣла верста,
«Онъ скачетъ съ берегу на берегъ.»

Вынималъ тутъ Илья Муромецъ свои крѣпкій лукъ,
Накладалъ онъ калену́ стрѣлу,
Онъ стрѣлялъ по сыру дубу,—
Угодила стрѣла въ кряковистый дубъ,
Исщепала дубъ въ черепья **) въ ножевья.
А станишнички испужалися
Что того ли грому богатырскаго,
Всѣ съ добрыхъ коней попадали,
Безъ ума часовъ пять лежатъ.
А и стали станишники пробужатися:
Встаётъ Сёма, пересёмываетъ,
Встаётъ Спиря, поспириваетъ,

---

*) Обыкновенно, по другимъ образцамъ, сермяжечка: здѣсь, вѣроятно, приноровлено къ слову «бесерменъ» по сходству звуковъ.

**) Черенья.

Да и бьютъ челомъ Ильѣ Муромцу:
««Ты старóй козакъ Илья Муромецъ,
45. ««Илья Муромецъ, свѣтъ Ивановичь!
««Возьми ты насъ въ холопство вѣковѣчное,
««Станемъ тебѣ служить вѣрой-правдою,
««Отнынѣ и до вѣку.»»
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичь:
50. «Ужь вы гой есте, братцы станишнички!
«Вы ступайте во чисто поле,
«Вы скажите Олёшкѣ Поповичу,
«Что каковъ есть старой казакъ Илья Муромецъ.»

(Ср. „Лѣтоп. Р. Л. и Др.“ т. IV, изъ сборн. гг. Костомарова и Мордовцевой, гдѣ прибавлено еще нѣсколько разнорѣчій, а въ Части I-й вып. 1, отд. II, № 8-й, ближайше сходный).

*

Въ «Лѣтописяхъ Р. Литер. и Древн.,» изд. Н. С. Тихонравова, т. IV, 1862 г., изъ сборника гг. Костомарова и Мордовцевой, стр. 9—10, помѣщено ближайшее разнорѣчіе къ нашему изданію, Ч. I, вып. 1, отд. I, № 7, объ Ильѣ Муромцѣ на Соколѣ кораблѣ; другой «варіантъ,» тамъ же помѣщенный, взятъ изъ Пѣсенника Новиковскаго; а третій, объ Алёшѣ Поповичѣ на Соколѣ кораблѣ, ср. у насъ въ Ч. I, вып. 4-мъ, въ «Замѣткѣ,» съ образцемъ, помѣщеннымъ на стр. XXIII—XXVII.— Помѣщенная же въ сборн. гг. Костомарова и Мордовц. былина, яко бы изъ круга Владимірова, о Лукоянѣ Берендѣевичѣ, сочинена по тому же образцу, какъ Сахаровскія былевыя сказки (см. «Замѣтку при 5-мъ вып.) съ невозможными въ нашемъ народномъ творчествѣ выраженіями и небывалымъ языкомъ.

Выпускъ 2.

Добрыня Никитичъ.

1.

(Сарат. губ.).

Матушка Добрынюшкѣ паказывала:
«Ты Добрынюшка, добрый молодецъ!
«Не садися ты на добра коня,
«Не ѣзди гулять въ зелены луга,
«Въ зелены луга, въ батюшкины займища,
«Не подъѣзживай, Добрынюшка, къ быстрой рѣкѣ,
«Не смахивай рубашечку миткалиновую,
«Не бросайся, Добрынюшка, во быстру рѣку.»

Добрынюшка матушки не послушался,
Осѣдловалъ Добрынюшка ворона коня,
Поѣхалъ же Добрынюшка въ зелены луга,
Въ зелены луга, въ батюшкины займища,
Подъѣзжалъ Добрынюшка ко быстрой рѣкѣ,
И смахивалъ рубашечку миткалиновую,
Бросался купаться во быстру рѣку.
Онъ половину рѣки переплылъ,
А другую половину пернырнулъ,
Очутился Добрынюшка на той сторонѣ.
И сталъ Добрынюшка шуточки шутить,
Во круту гору камушки бросать.
Увидѣла же Змѣища-Горынища,
И бросилась на Добрынюшку.

Въ тѣ поры Добрынюшка не робокъ былъ,
Поймалъ же Добрынюшка Змѣищу за жабрища,
Ударилъ же Змѣищу объ сыру землю.
Тутъ-то Змѣища возмолилася,
Добрынюшка покорилася
И въ ноги ему поклонилася.

Ср. тамъ же, сборн. гг. Костом. и Морд., а у насъ Ч. I, вып. 2, отд. II, № 1 и Отд. III, №№ 1 и 5).

*

Въ «Лѣтоп. Р. Литер. и Др.» другая былина о Добрынѣ и женѣ его, вышедшей за Алёшу Поповича, составляетъ почти дословное повтореніе съ былиной, напечатанной у насъ Ч. I, вып. 2, Отд. I, № 8, и записанной также въ Саратовѣ, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что въ сборникѣ гг. Костомарова и Мордовцевой прибавлено въ концѣ:

Соѣзжался Добрыня со Поповичемъ на смертный бой,
И отсѣкъ ему буйну голову съ богатырскихъ плечь *).

Къ помѣщеннымъ въ Ч. I, вып. 3 и 4-мъ, былинамъ о Суровцѣ-Суздальцѣ, относится напечатанная въ «Лѣтоп. Р. Лит. и Др.» изъ сборника гг. Костомарова и Мордовцевой, V, стр. 12—14, съ замѣткою, что «списана отъ холщевника — верховаго мужика.» Она дословно сходна какъ съ помѣщенною въ Новиковскомъ Пѣсенникѣ, такъ и съ перепечатанною у насъ въ выпускѣ 3-мъ, стр. 110—112, № 2.

---

*) По всѣмъ былинамъ, доселѣ извѣстнымъ, Добрыня только наказалъ Алешу, но не убивалъ: смерть Алешѣ была другая. См. «Указатель» къ I-й Части при 4-мъ выпускѣ.

Былины, соотвѣтственныя I-й части Пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, явились за тѣмъ въ отличномъ собраніи П. Н. Рыбникова, коего I-я и II-я Части изданы въ Москвѣ 1861 и 1862 года П. А. Безсоновымъ и Дм. А. Хомяковымъ, III-я самимъ Собирателемъ въ Петрозаводскѣ 1864-го и IV-я въ С.-Петербургѣ 1867 года г. О. Миллеромъ.—Тамъ помѣщены Былины, Побывальщины и Старины: Илья Муромецъ, Ч. I, №№ 9—22; II, 2, 3, 62—64; III, 4—14, 35, 36; IV, 2—4.—Добрыня Никитичъ: Ч. I, 23—28; II, 4—9; III, 15—19.—Алёша Поповичъ: I и II (см. Добрыню); III, 20.—Василій Казиміровичъ или Игнатьевичъ: I, 27, 29; II, 10, 11, 65; III, 37. — Иванъ Гостиный сынъ: III, 34; IV, 7. — Иванъ Годиновичъ: I, 33, 34; II, 13, 14; III, 23. — Данило Игнатьевичъ съ сыномъ: III, 22.—Дунай Ивановичъ: I, 30, 31 (№ 32, Днѣпра Королевична и Донъ Ивановичъ); II, 12; III, 21; IV, 5. — Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ и Сорокъ каликъ со каликою: I, 35—40; II, 15—18; IV, 12.—Ставръ Годиновичъ: I, 41, 42; II, 19—21; IV, 6.—Хотенъ Блудовичъ: I, 43, 44; II, 22; III, 28; IV, 7 и 8.—Чурило Пленковичъ: I, 45, 46; II, 23, 24 и (съ Шаркомъ великаномъ) 25; III, 24—27.—Дюкъ Степановичъ: I, 47 — 52 (и съ Шаркомъ); II, 26—30; III, 29—31; IV, 9 и 10.—Соловей Будиміровичъ: I, 53, 54; II, 31; III, 32 (въ печати ошибка 31), 33; IV, 11.—Аника Воинъ: I, 81; II, 48.—Кромѣ того, неизвѣстныя изъ собранія П. В. Кирѣевскаго, вновь открытыя, изъ времени до Владиміра, о лицахъ и богатыряхъ Старшихъ: Олегѣ или Вольгѣ и Микулѣ Селяниновичѣ, съ дочерьми Микуличнами, Суханѣ или Сухманѣ, Самсонѣ и Святогорѣ (съ переходомъ къ Ильѣ Муромцу), I, №№ 1—8; II, 1, 60, 61; III, 1, 2; IV, 1. — Равно внѣ времени Владимірова, изъ области Сказочной и древнѣйшаго былеваго творчества Черноморскаго и Придунайскаго: о Царѣ Саламанѣ, царицѣ Саламаніи и Васильѣ Акульевичѣ, о Ванькѣ Удовкинѣ сынѣ и царѣ Волшанѣ Волшанскомъ, I, 76; II, 52—55; III, 54 — 56; IV, 18; ср. III, 57, 58.—И нѣк. друг.

Часть II.

Выпускъ 5.

При изданіи былевыхъ пѣсень Новгородскихъ вышли уже I-я и II-я часть собранія П. Н. Рыбникова, а потому изъ сихъ послѣднихъ введены разнорѣчія въ «Указатель» при 5-мъ выпускѣ.—За тѣмъ, въ III-й и IV-й части Рыбникова помѣщены соотвѣтственныя былевыя пѣсни: о Васильѣ Буслаевѣ, III, №№ 39, 40; О Садкѣ, III, 41, 42; о Терентьѣ, III, 43.

На семъ мѣстѣ, какъ дополненіе къ былинамъ Новгородскимъ, о Васильѣ Буслаевѣ, въ отдѣлѣ II-мъ (5-й вып., стр. 23 и далѣе), должна бы помѣститься, напечатанная здѣсь выше, на стр. 54 (III), пѣсня, хотя перешедшая въ Безъимянныя Молодецкія, но записанная П. В. Кирѣевскимъ въ Новгородѣ, о кораблѣ, плывущемъ къ Новгороду, а на кораблѣ о «Васильѣ, Купеческомъ сынѣ,» конечно по отдаленной памяти Василья Буслаева. Дальнѣйшія, еще болѣе испорченныя, разнорѣчія ея таковы:

Къ Василью Буслаеву.

1.

(Самара).

Какъ по морю, по моречку,
Черной корабль плыветъ,
Гостиный сынъ Василій
По кораблю идетъ,
Во звончатые гусельцы
Поигрываетъ,
Подаетъ онъ голосокъ
(Сашѣ милой) въ теремокъ:

«Чтобы милая моя
«Не дремала, не спала,
«Не дремала, не спала,
«Дорога гостя ждала,
«Дорога дружка, дружечка,
«Дружка миленькаго.»

Какъ и солнце на закатѣ,
Свѣтелъ мѣсяцъ взошелъ:
Гостиный сынъ Василій
За охотою пошелъ,
За охотою такой,
За дѣвичьей красотой.
Увидала изъ окна
Его маменька родна:
—Полно, полно, сынъ Василій,
—Ты дурачить перестань,
—Прочь отъ дѣвицы отстань...—

(Ср. Сборн. Самар. В. Варенцова).

*

2.

(Холмогоры).

По морю корабличекъ бѣжалъ таки, бѣжалъ,
Ай люли, ай люли, онъ бѣжалъ *),
Во кораблюшкѣ Василій гулялъ таки, гулялъ:
«Поиграйте, гусли-мысли, вы теперича при мнѣ,
«Вы теперича при мнѣ, при Васильѣ молодомъ **).»
Васильева мать Ирина таки рѣчи говоритъ:
—Полно, Вася, ты гулять, ко вдовушкѣ не бывай,

---

*) Такъ повторяется послѣ каждаго стиха.

**) По складу ожидается: «При Васильѣ молодомъ, при Купеческомъ (или Гостиномъ) сынкѣ.»

—У вдовушки дочь хорошая, люби таки, люби *). —
«Родимая мать, тебѣ меня не унять,
«Тебѣ меня не унять, за быстру рѣчку гулять,
«За быстру рѣчку гулять, ко вдовушкѣ побывать,
«У вдовушки дочь хорошую любить таки, любить:
«Брови соболины, очи соколины,
«Ей походочка павлина, тиха рѣчь лебедина;
«Она бастъ-разсыпаетъ,—сверхъ погодой посыпаетъ **).»
Хоть погодой посыпаетъ, Васѣ ***) мать не потакаетъ.

(Запис. С. В. Максимовымъ. ср. „Р. пѣсни" изд. Якушкина, 1865 г., стр. 208).

* *
*

Садко.

1.

(Земля Войска Донскаго).

Во славномъ во городѣ во Царѣ-градѣ *),
Во Царѣ-градѣ, во царскомъ кабакѣ,
Шьетъ-то Садко, напивается,
Во глупомъ-то хмѣлю похваляется:
«Какъ нѣту Садка богаче его,
«Богаче его, тороватѣй его,—
«Всю Россеюшку я повыкуплю,
«Чисто на чисто вѣничкомъ повымету!»
Да бѣда на Садка,—рядочки горшечные,
Скоро жгутъ да скорѣй того и дѣлаютъ **).

*) Очевидно подлинный складъ таковъ: «Полно, Вася, ты гулять,—У вдовушки дочь хорошую любить таки, любить.»

**) Т. е. словно сверхъ погодой посыпаетъ.

***) Въ подлинникѣ ошибка: «Ванѣ.»

*) Вмѣсто: «по Новѣ-градѣ.»

**) Всѣ ряды съ товарами онъ выкупилъ, только бѣда ему съ рядами горшечными: скупилъ горшки, а ихъ еще скорѣй нажгутъ новые.

Нагружаетъ Садко тридцать кораблей,
Тридцать кораблей и одинъ корабль.
Пущался Садко въ Океанъ–море,
Въ святое озеро Ялынское *).
Всѣ кораблики въ море пóплыли,
Но Садковъ–то корабль на морѣ становится,
Знать на камушку, знать на бѣлому **).
Воскричитъ–то Садко громкимъ голосомъ:
«Вы братцы мои, гости–корабельщички!
«Ну вы рѣжьте жеребочки кугинные ***),
«Пущайте ихъ въ сине море.»
Ну, всѣ жеребы въ море поплыли,
Ну, Садковъ–то жеребъ какъ ключь ко дну.
Воскричитъ Садко громкимъ голосомъ:
«Вы друзья мои, гости–корабельнички!
«Не бранилъ ли изъ васъ кто отца–матери
«И не клялся ли изъ васъ кто родомъ–племенемъ?
«Ну, вы рѣжьте жеребы всѣ таволжаные ****),
«Вы пущайте ихъ въ Океанъ–море.»
Ну, всѣ жеребы въ море поплыли,
Ну, Садковъ–то жеребъ какъ ключь ко дну.

(Ср. Сборн. А. Савельева, Спб. 1866, а у насъ въ Ч. II вып. 5-мъ I-й отдѣлъ былинъ о Садкѣ).

* *
*

За симъ по порядку должна бы слѣдовать Побывальщина о Гостѣ Новгородскомъ Терентьѣ, отпечатанная выше на стр. 48—51, замѣчательная по рѣдкости образцовъ сего рода и по нѣкоторымъ подробностямъ, кои, вмѣстѣ съ отличіями Побывальщины Рыбниковской, слѣдуетъ прибавить къ «Указателю» при 5-мъ выпускѣ.

---

*) Не Хвалынское (Каспійское), а Ильменьское, Ильмень, какъ знаемъ по другимъ Новгородскимъ образцамъ. — **) На алатырѣ, чудодѣйномъ камнѣ. — ***) Чугунные; стальные, булатные. — ****) См. прежніе выпуски.

Послѣ появленія знаменитыхъ сборниковъ былинъ Кирши Данилова, П. В. Кирѣевскаго и П. Н. Рыбникова, изданныхъ К. Ѳ. Калайдовичемъ, нами, гг. Рыбниковымъ и Миллеромъ, не менѣе важное открытіе, которое должно стать рядомъ со всѣми означенными и занять мѣсто въ ряду печатныхъ или почетныхъ «народныхъ памятниковъ,» представляетъ обширная статья г. Стасова «о происхожденіи Русскихъ былинъ,» помѣщенная въ трехъ первыхъ книжкахъ «Вѣстника Европы» за сей 1868 годъ и еще продолжающаяся. Вотъ что между прочимъ говорится касательно содержанія былинъ о Садкѣ: «Во всемъ этомъ разсказѣ, кромѣ нѣкоторыхъ, совершенно внѣшнихъ подробностей обстановки (напр. самый Новгородъ, Волховъ, Ильмень, и т. п.), нѣтъ ничего не только Новгородскаго, но даже вообще Русскаго, по коренному происхожденію и по деталямъ. Тутъ нѣчего искать ни Новгорода, ни Волхова, ни Русскаго моря, ни русскихъ купцовъ, ни русскихъ вообще людей. Все чужое, все пришло въ нашу пѣсню съ Востока.» Все сочинитель находитъ въ Гариванзѣ, въ сборникѣ Сомадевы, въ буддійскихъ пересказкахъ. «Пѣсня о Садкѣ создалалась не въ нашемъ отечествѣ, а на Востокѣ;» «она не оригинальное созданіе Русскаго народнаго творчества, она разсказъ древнихъ легендъ, издревле ходившихъ по Востоку въ разнообразныхъ видахъ и редакціяхъ. Нашь Новгородскій купецъ Садко есть ничто иное, какъ являющійся въ русскихъ формахъ индѣйскій царь Яду, индѣйскій богатырь-брахманъ Видушака, тибетскій брахманъ Джинпа-Ченпо, тибетскій царевичь Гедонъ, индѣйскій монахъ Самгха-Ракшита.» За тѣмъ сочинитель видитъ уже разсказъ сей у дикихъ обитателей острова Борнео и наконецъ у прочихъ дикарей Америки. «Никола Можайскій русской былины—кормчій Дзанглуна, брахманъ легенды о Самгхѣ-Ракшитѣ,» а у дикарей Борнео «человѣкъ, который подаетъ полезные совѣты.» О другихъ пѣсняхъ касательно Садки сочинитель прибавляетъ: «Имѣю въ рукахъ доказательства ихъ чужеземнаго, и вовсе *не мѣстнаго*, Новгородскаго происхожденія.» Это

оказывается Индѣйская легенда о купцѣ *Шуринъ*. Садко строитъ церкви? «Церкви нашего разсказа выражаютъ собою не Новгородскія, не Русскія, даже не христіанскія церкви, а тѣ храмы, которые упоминаются въ восточныхъ первообразахъ.» «Гусли нашихъ сказокъ и пѣсенъ—это лютня и «вина» (родъ арфы) индѣйскихъ и тибетскихъ разсказовъ.»—Всѣ эти данныя очевидно составляютъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ варіантовъ къ былинамъ Новгородскимъ и вообще къ былевому Россійскому пѣснотворчеству, а потому должны стоять въ ряду пѣсенъ и цѣликомъ войти въ «Указатель.»

Выпускъ 5.

Былины Княжескія.

Былины «Княжескія,» въ первые выдѣленныя нами въ сей особый отдѣлъ и даже первый разъ въ литературѣ названные такимъ именемъ, съ каждымъ шагомъ открытій въ дѣлѣ народнаго былеваго творчества и съ каждымъ новымъ пріемомъ изслѣдованія выигрываютъ себѣ всё болѣе обширную область и широкое значеніе. Сюда относятся, между прочимъ, изъ собранія П. Н. Рыбникова: Ч. I, №№ 72—75, о двухъ королевичахъ Краковскихъ, о двухъ братьяхъ, Литовскихъ королевичахъ или князькахъ, потомъ о нихъ же въ Ч. III. № 51 и въ Ч. IV № 17: то есть собственно о Литовскихъ древнихъ князьяхъ и судьбѣ ихъ при столкновеніи съ Романомъ, сперва, по исконному происхожденію былинъ, съ Романомъ Галицкимъ и Волынскимъ, потомъ позднѣе, по вліянію событій Московскихъ, съ Романомъ Московскимъ и даже съ любимымъ героемъ Московскихъ былинъ, Никитою Романовичемъ. Такимъ образомъ, это существенное, важнѣйшее пополненіе къ I-му отдѣлу былинъ о Князѣ Романѣ, помѣщенныхъ у насъ въ 5-мъ выпускѣ на стр. 92—99, подъ №№ 1 и 2-мъ.

Далѣе въ I-й Ч. собранія П. Н. Рыбникова № 79 былина, ближайше сходная съ нашей Княжеской о Князѣ Димитріѣ въ вып. 5-мъ стр. 63—65.

Еще болѣе былинъ о Князѣ Михайлѣ, соотвѣтственно нашимъ въ вып. 5-мъ на стр. 68—76 и далѣе: замѣчательное содержаніе ихъ послужило основою для художественнаго воспроизведенія Д. Чл. Общества Н. А. Чаева. У Рыбникова, съ именемъ Князя, въ Ч. II №№ 46, 47 и въ Ч. III № 64 (гдѣ подъ именемъ «княгини Михайловны» разумѣется «Михайловая, Михайлова,» жена Михайлы).—Вотъ еще тѣ же пѣсни, въ коихъ собственное имя постепенно переходитъ въ «королевича,» «козака» и простаго «молодца (въ вып. 5-мъ стр. 78—91):»

Князь Михайло.

1.

(Орловск. губ.).

Какъ поѣхалъ Князь Михайло
Во царскую во службу,
Во царскую во службу,
На великую нужду.
Покидалъ свою Княгиню,
Молоду Катерину;
Онъ приказывалъ Княгинѣ,
Своей матушкѣ родной:
«Охъ ты матушка родна!
«Береги молодую Княгиню,
«Береги ты мою Княгиню,
«Молодую Катершу:
«Ты корми мою Княгиню
«Крупичатыми калачами,

«Ты пой мою Княгиню
«Сытóю медовóю.»

Не успѣлъ Князь со двора съѣхать,
Его добрый конь споткнулся,
Съ него бархатная шапочка
Свалилась,
Ужь какъ тутъ-то Князь Михайло
Онъ вспомнилъ,
Какъ вспомнилъ ли,
Горько Князь восплакнулъ:
«Ахти, дома у меня не здорово,
«Мóей матушки родной не стало,
«Либо моей молодой Княгини,
«Молодой Княгини Катерины!»

Его матушка родная
Жарко баюшку топила,
Горючь камень разжигала,
Молодую Княгиню погубила:
Бѣлы груди ей разрѣзáла,
Молоденца вынимала,
На горючій камень клала.

Какъ пріѣхалъ Князь Михайло,
Его матушка встрѣчаетъ,
За бѣлы руки примаетъ,
За дубовый столъ сажаетъ:
«Ахъ ты матушка моя родима,
«Гдѣ моя молодая Княгиня?»
—Молодая твоя Княгиня
—Пошла Богу молиться.—

(Ср. Якушк. Спб., 1865, стр. 125, 126).

*

2.

(Оттуда же).

Поѣхалъ Королевичь
На разгуляньице,
Оставилъ онъ Королевну
На гореванъице.

Пускалъ своего добра коня
Въ зеленые луга,
А самъ пошелъ Королевичь
На круту гору;
На крутенькой на горушкѣ
Раскинулъ бѣлъ шатеръ,
Ложился спать Королевичь
Подъ бѣлымъ шатромъ.
Пригрезился Королевичу
Дивнехонекъ сонъ:
Изъ-подъ правой изъ-подъ ручки
Соколикъ вылетѣлъ,
Изъ-подъ лѣвой изъ-подъ бѣлой
Сѣрая утушка.
«Пойду, пойду, Королевичь,
«Ко старушенькѣ:
«Скажи, скажи, старушенька,
«Про мой дивной сонъ?»
—Твоя жена Королевна
—Сына родила,
—На утрешней на зорюшкѣ
—Сама померла.—

Ворочался Королевичь
Къ своему двору;
Не дошедши до своего двора,

Тяжело вздохнулъ;
Широкіе воротечки
Растворены стоятъ,
Щекольчаты *) окошечки
Повыставлены;
Всѣ (солдаты, офицеры)
Въ черномъ платьищѣ.
«Королевна, моя жена,
«Въ бѣломъ убрана.
«Пойду, пойду, Королевичь,
«Въ нову горенку,
«Вдарюсь, вдарюсь, Королевичь,
«Объ дубовый столъ:
«Бывало ты, дубовый столъ,
«Пріубранный стоишь,
«А нынѣ ты, дубовый столъ,
«Разубранный **) стоишь!»

*

3.

(Оттуда же).

Поѣхалъ Королевичь
На полеваньице,
Оставилъ Королевну
На гореваньице.

Недоѣхавши Королевичь,
Ложился онъ спать;
Привидѣлся Королюшкѣ

*) Стекольчаты. — **) Разобранный?

Нерадостный сонъ:
Изъ-подъ правой толи
Изъ подъ рученьки
Сѣрая утица *).
Встамши-то, Королюшко
Къ старушенькѣ пошелъ:
«Бабка ты, отгадай ты,
«Мой сонъ отгадай?»
—Королюшко ты, батюшко,
—Твой сонъ нехорошь;
—Поѣжай ты, Королюшко,
—Къ своему двору;
—Жена твоя, Марусенька,
—Сына родила,
—Породя сына, Марусенька,
—Сама померла.—

*

4.

(Малая Русь).

Ой попхавъ Королевичъ на погулянье,
Тай покинувъ Марусеньку на горёванье.

Взъихавъ Королевичъ на круту гору,
Пустивъ коня воропого въ шевкову траву,
Въ шевкову траву на попасанье,
Самъ лигъ Королевичъ на спочиванье.
Ой приснився Королевичу дывнесенькій сонъ:
Съ-пидъ правой-то рученьки вылетивъ соколъ,
Съ-пидъ ливой съ-пидъ билой сира утинка.

---

*) Вылетала.

Ой понхавъ Королевичъ до бабусеньки:
«Бабусенько, матусенько, скажи про сій сонъ,
«Съ-пидъ правой-то рученьки вылетивъ соколъ,
«Съ-пидъ ливой съ-пидъ билой сира утинка?»
—Скажу, скажу, Королевичу, скажу, не таюсь:
—Твоя жена Марусенька сына родила,
—Найшла мамку, найшла няньку, сама померла.—
Якъ пріхавъ Королевичъ до свого двора,
Пустивъ коня вороного въ его ставпищю *),
А самъ пійшовъ Королевичъ въ нову свѣтлицю.
Сидятъ его сосидоньки вси по застилью **),
А на столи лежитъ мила, якъ бумага била.
Ударився й Королевичъ о дубовый столъ:
«Нижки мои ризвенькіи, чомъ ***) не выбигали?
«Очи мои каренькіи, чомъ не выглядали?
«Ручки мои бѣленькіи, чомъ не обнимали?
«Губки мои пышненькіи, чомъ не цалували?»

(Ср. „Воронежск. Бесѣду“ 1861 г., сообщ. Н. Ст. Кохановской).

*

5.

(Воронежск. и Курск. губ.).

Отъѣзжаетъ Козаченько на разгуляньице,
Покидаетъ Марусеньку на гореваньице.

Пустилъ свого ворона коня въ зелёны луга,
А самъ лежитъ въ бѣломъ шатрѣ, на крутой горѣ.

---

*) Въ стайню, стойло, конюшню.
**) По застолью.
***) Къ чему, за чѣмъ.

Привидѣлся Козаченьку дивнёшенекъ сонъ:
Будто на его праву руку соколъ прилетѣлъ,
Улетала съ–подъ лѣвой сѣра утица.
На ту пору Марусенька сына родила,
На третій день Марусенька сама померла.

Подъѣжаетъ Козаченько къ своему двору:
Широки́ его воротечки растворе́ные,
Хрустальны стеколечки повыбитые.
Всходитъ Козаченько на высокъ теремъ:
Стоятъ попы и дьяконы, погребенье поютъ,
А дѣточки–малоточки какъ пчелки гудутъ,
А жену Марусеньку во гробѣ несутъ.
Ударится Козаченько о дубовый гробъ:
«Ой свѣтъ моя Марусенька, жена молода!
«Бывало твои рѣзвы ноги устрѣнутъ меня,
«Бывало твои бѣлы руки обнимутъ меня,
«Уста твои сахарныя цалуютъ меня!»

(Ср. тамъ же).

* * *

Слѣдующія Молодецкія или Безъимянныя пѣсни, разложившія-ся Побывальщины или Старины, изображая Мо́лодца самого убійцею жены, хотя и невольнымъ, составляютъ переходъ отъ Князя Михайлы и сродныхъ ему былинъ ко II-му, помѣщенному у насъ 5-мъ выпускѣ, отдѣлу былинъ о Князѣ Романѣ, какъ онъ «жену терялъ:»

1.

(Орловск. губ., Малоарханг. у.).

Исходилъ я, Молодецъ, день до вечера,
Никакой я охоты не нахаживалъ,
Что нашолъ я—набрёлъ на рябинушку:
Что безъ вѣтру рябинушка мается,
Но безъ вихру кудрява къ землѣ клонится.

Я пришелъ домой, сѣлъ на лавочку,
Ужь я сталъ своей матери разсказывать,
Что безъ вѣтру рябинушка да шатается
И безъ вихру кудрява къ землѣ клонится.
—Ты бери, сынъ, топоръ, ты бѣги туда,
—Ты руби, сынъ, рябинушку кудрявую.—
Ужь я разъ сѣкнулъ,—руда *) пошла,
Другой сѣкнулъ,—она охнула,
Ужь я третій сѣкнулъ,—слово молвила:
««Не рябинушку рубишь ты,—свою жену.»»
Я пришелъ-то домой, сѣлъ на лавочку:
«Охъ, ты съѣла меня, мать, погубила меня мать,
«Не рябинушку рубилъ я,—жену свою!»

(Запис. М. А. Стаховичемъ; ср. Якушк. 1865 г.).

*

2.

(Тамъ же).

Какъ у насъ было въ воскресенье-день,
Какъ свекровь пошла ко заутренѣ,
Сноху послала во чисто поле:
—Ты стань, сноха, тамъ рябиною,
—Тамъ рябиною да кудрявою,
—Отростками малы дѣтушки.—

На ту пору мужь отъ службы шелъ,
Пришелъ домой, сталъ онъ сказывать:
«Ужь и сколько я ни хаживалъ,
«Такой дивушки не нахаживалъ:

*) Кровь.

«Ужь и что это за рябинушка,
«За рябинушка за кудрявая,
«Что безъ вѣтру она да качается,
«Ко сырой землѣ приклоняется!»
—Ахъ ты, сынъ ты мой, сынъ возлюбленный!
—Ты возьми свою саблю острую,
—Сруби эту ты рябинушку.—

Онъ разъ сѣкнулъ,—она вздрогнула,
Онъ другой тюкнулъ,—кровь ли брызнула,
Онъ третій тюкнулъ,—слово молвила:
««Не рябину сѣчешь ты,—молоду жену,
««Не кудрявую,—съ малыми дѣтками.»»

Пришелъ домой, сталъ онъ спрашивать:
«А гдѣ моя молода жена?»
—Твоя жена, она гулять пошла.—
«А гдѣ мои малы дѣтушки?»
—Малыхъ дѣтушекъ съ собой взяла.—
«Не мать ты мнѣ, не ро́дная,
«Змѣя ты мнѣ, змѣя лютая,
«Ты мышь ли, мышь подкопённая!»

(То же).

*

3.

(Малая Русь).

Женила удивонька свого сыночка,
Узяла невисточку не до любови,
Не билое личенько, ни чорніи брови.
Поихавъ сыночикъ у Крымъ у дорогу,
Послала невистку въ полѣ брать лёну:
—Не выберешь лёну, и не йды до дому,

—И не йды до дому, стань въ полі тополя.—
Пишла невистонька того лёну браты,
Брала—не добрала, тополею стала.

Ой прiихавъ сынъ же изъ Крыма-дороженьки,
Выйшла его маты воритъ отчиняты [*]),
Винъ же своей матинки въ нижеиьки склонивсь:
«Ой ты, моя матинка! Де я не бувавъ,
«Такои тополи нигдѣ не выдавъ,
«Що витеръ не вiе,—колыхается,
«Солнечко не грiе,—сокрушается.»
—Ой выгостри, сыну, гострую сокиру,
—Изрубай же, сыну, у полі тополю.—

Пишовъ же сыночекъ тополи рубаты,
Тая тополя стала промовляты:
««Ой, не рубай мене, бо я твоя жинка,
««Оце-жъ твоя матинка такъ наробила,
««Шо насъ молодесенькихъ тай разлучила,
««Малесенькихъ диточекъ посиротила!»»

4.

(Тамъ же).

Оженыла мати неволею сына,
Тай взяла невистку та не до любови,
Не билое личко, не чорнiи бровцi.
Тай послала сына у путь у дорогу,
Молоду невистку въ полѣ брата лёну,
Та якъ посылала, та ще й приказала:
—Не выберешь лёну, тай не йды до дому.—
Не выбрала лёну,—не пишла до дому,
У чистому поли тай заночувала [**]),

*) Отворять ворота. — **) Въ подлинникѣ ошибка „заночувала.“

До билого свита тополею стала,
Тонка́ та высо́ка, та листомъ широка,
Безъ сонечка сьяе, безъ витроньку мае.

Ой вернувся жъ сыне изъ пути–дороги,
Вклонився матуси низе́нько у ноги:
«Ой, ты жъ маты, маты! Щось маю казаты:
«Объиздивъ я, маты, усю Украйну,
«Не бачивъ я тополи якъ на нашомъ поли,
«Тонка та высока, та листомъ широка,
«Безъ сонечка сьяе, безъ витроньку мае.»
—Ой, возьми жъ ты, сыне, гострую сокиру,
—Тай зрубай тополю, що на нашимъ поли.—

Якъ ударивъ въ перше, вона захиталась,
Якъ ударивъ въ друге, вона похилилась,
А ударивъ въ трете, тай заголосила:
««Ой, не рубай, милый, бо я твоя мила,
««Се жъ твоя матуся намъ такъ наробила,
««Якъ тебя послала у путь у дорогу,
««А мене послала въ полѣ браты лену,
««Та якъ посылала, та ще й приказала:
««—Не выберешь лёну, тай не йды до дому.—
««Не выбрала лёну, не пишла до дому,
««У чистому поли тай заночувала,
««До билого свита тополею стала,
««Тонка та высока, та листомъ широка,
««Безъ сонечка сьяю, безъ витроньку маю.»»

(Ср. „Ворон. Бесѣду," записано Н. Ст. Кохановской).

Это знаменитая Малорусская *Тополя*.

Какъ о Князѣ Михайлѣ, и подобныя тому былины, по происхожденію Княжескія, принадлежатъ одинаково общей или Великой Руси и Руси Малой, такъ точно о Князѣ Романѣ, первоначально,, сказали мы, Галицкомъ и Волынскомъ. Потому разложившіяся былины о семъ послѣднемъ, какъ онъ жену терялъ, хотя и усвоены своеобразно Москвою, но въ ближайшихъ разнорѣчіяхъ своихъ сопоставляютъ Князя еще съ Южною или Юго-западною Русью, съ Владиміромъ и кругомъ былинъ Кіевскихъ. Такова именно Молодецкая или Безъимянная былина, изображающая вокругъ Владиміра бытъ Княжескій, и помѣщенная выше, по двумъ разнорѣчіямъ, на стр. 52 и 53, подъ числомъ П-мъ: ея подлинное мѣсто было бы здѣсь. Другія разнорѣчія, потерявъ уже имя, Княжескіе оттѣнки и черты Южной или Югозападной мѣстности, выводятъ опять простаго Молодца и Козака, но принадлежатъ также и общей Россіи, и части ея —Малой (вып. 5, Отд. II о Князѣ Романѣ, потомъ Козакѣ и Молодцѣ, стр. 100—127). Все это первоначально «Князь Романъ», а потомъ уже—

Донской Козакъ.

1.

(С. Мышенское).

Изъ-подъ камушка, изъ-подъ бѣлаго,
Течетъ рѣчушка, рѣчка быстрая.
На той рѣчушкѣ дѣвка мылася,
Дѣвка мылася, набѣлилася,
Набѣлившись нарумянилась,
Нарумянивши на гору пошла,
На горѣ спать легла,

На горѣ легла, во снѣ снилося,
Какъ Донской Козакъ коней поилъ,
Копей вороныхъ поилъ, жену губилъ.

Задумалъ Козакъ свою жену губить,
А жена его догадалася:
«Не губи меня, мужь, съ вечера,
«А загуби меня, мужь, за полуночь,—
«Наши дѣти малыя спать поляжутся,
«Они проснутся и матушки спросятся:
««Родной батюшка, гдѣ наша матушка?»»
—Ваша матушка въ новой горницѣ,
—Въ новой горницѣ умывается,
—Шелковымъ платкомъ утирается.—

Стали дѣти по матери плакать,
Отецъ сталъ дѣтей унимать:
—Не плачьте вы дѣтушки милыя,
—Я вотъ срублю горенку новую,
—Нагоню притолки косны *),
—Собью дверь дубовую,
—Солью цѣпь золотую,
—Приведу вамъ мачиху младую.—
««Родной батюшка, родной батюшка!
««Загорись наша горенка новая,
««И разскочись, наши притолки косны,
««Расколись, наша дверь дубовая,
««Расцѣпись, наша цѣпь золотая,
««Умри, наша мачиха младая,
««Встань, наша матушка родная!»»

(Запис. Петерсонъ).

*

*) Косящетыя, съ косяками.

2.

Изъ-подъ камушка изъ-подъ бѣлаго,
Изъ-подъ кустика изъ-подъ ракитова,
Тамъ текла-текла рѣчка,
Рѣчка быстрая, бережистая.
Какъ во тоій рѣчкѣ дѣвка мылася,
Вышла, набѣлилася,
Набѣливши она нарумянилась,
Нарумянивши въ зеленъ лугъ пошла.
Въ зеленомъ лугу, тамъ Донской Козакъ,
Тамъ Донской Козакъ коня поилъ,
Напоивши копя сталъ думу думати,
Думу думати, думу крѣпкую:
—Охъ и какъ же мнѣ быть,
—Молоду жену сгубить?
—Загублю жену не рано, съ вечера,
—Схороню жену ближе кы полупочи.—

Его большая дочь рано просыпалася,
Къ батюшкѣ у ножки кидалася:
««Государь ты нашь, родной батюшка,
««Родной батюшка, идѣ наша матушка?»»
—Ваша матушка въ новой горницѣ,
—Умывается ключевой водой,
—Утирается бранымъ полотномъ.—
««Государь нашь батюшка! Не правда твоя:
««Наша матушка вы желтомъ песку,
««Въ новой горницѣ она закопана!»»

(Ср. Якушк. стр. 107, 108).

* * *

Добрый Молодецъ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

На зорѣ было на зорюшкѣ,
На зорѣ было на утренней,
На восходѣ было солнца яснаго,
На восходѣ денечка прекраснаго,
Случилося Младцу мимо саду ѣхати,
Мимо садику зеленаго, мимо терему высокаго,
Да случилось Младцу въ саду голосъ слышати,
Какъ мужь-то жену бранилъ,
Бранилъ и убить грозилъ,
Какъ жена-то мужа уговаривала:
«Ты мужь мой, мужь, ты законный другъ!
«Ты не бей меня рано съ вечера,
«Ты убей меня во глуху полночь,
«Наши дѣточки будутъ крѣпко спать,
«Ничего-то они не будутъ знать.»

По утру рано дѣточки проснулися,
Про родимую матушку встрѣнулися *):
««Наша матушка есть убитая,
««Гробовой доской есть закрытая!
««Найдите же, тучи грозныя,
««Гряньте же, громы громкіе,
««Разбейте вы гробову доску,
««Встань, проснись, родимая матушка!»»

(Ср. Сборн. Г. Савельева, Спб. 1866).

* * *

*) Спохватилися.

2.

(Губ. Орловской, Сабурово).

Летѣла пава черезъ три двора,
Уронила перо на подворьецо.
Мнѣ не жаль пера, а жаль Молодца,
Мнѣ и жаль Молодца,—одинъ сынъ въ отца *),
Одинъ сынъ въ отца, и тотъ въ службу идетъ.
Онъ и годъ служитъ и другой служитъ,
На третій годъ сынъ домой пришелъ.

Сустрѣла его мать середи поля,
Сестра встрѣла середи двора,
Жена встрѣла, сѣнцы отперла.
Повела его мать къ себѣ въ горницу,
Ну, и стала ему мать все разсказывать:
—Твоя жена распутная,
—Твоя жена шельма-пьяница,
—Меды-вины всѣ распропила,
—Коней твоихъ всѣхъ распродала,
—Соловей твоихъ всѣхъ распустила.—
Взялъ-то сынъ саблю вострую,
Срубилъ женѣ, женѣ голову.
Голова ль моя съ плечь свалилася,
Къ коню въ ноги покатилася.

Пошелъ-то сынъ у холодный погребъ:
Меды-вины всѣ цѣлы стоятъ.
Пошелъ-то сынъ ву конюшенку:
Кони стоятъ, сѣно-овесъ ѣдятъ.

*) У отца.

Пошелъ-то сынъ во зеленый садъ:
Соловья сидятъ—вычищаются,
Женой его выхваляются.
Пошелъ-то сынъ къ сыну въ горницу:
«Молчи, баю, мое дитятко!
«Теперь у тебя матери нѣтути,
«У мене, Молодца, молодой жены;
«Только есть у тебе одна бабушка,
«Да и та змія, змія лютая.»

(Ср. Якушк. 1865 г.).

*

3.

(Губ. Харьк).

Летѣла пава черезъ улицу,
Ронила пава павино́ перо:
Ой, не жаль пера, жаль мнѣ павушки.
Ой, мнѣ жаль Младца, одинъ сынъ въ отца.
Одинъ сынъ въ отца, добрый Мо́лодецъ,
Онъ на службу идетъ государеву.
Онъ и годъ служилъ, и другой служилъ;
А на третій годъ ко двору идетъ.

Его мать встрѣла середи поля;
А сестра встрѣла середи села;
А жена встрѣла середи двора.
Ой, и мать сыну поразжалилась:
—А твоя жена увесь домъ снесла,—
—Что коней твоихъ пораспродала,
—Соколовъ твоихъ пораспустила,
—А меды твои поразвыпила.—
Вынулъ Молодецъ саблю вострую,
Онъ и снесъ женѣ буйну голову:

Голова жены покатилася
Ворону коню подъ праву ногу.

Пошелъ Молодецъ во конюшенку:
Кони стоятъ, сѣно-овесъ ѣдятъ:
Пошелъ Молодецъ во соколенку:
Соколы сидятъ, почищаются,
И меды стоятъ не почищены *).
Пошелъ Молодецъ на новы сѣни:
На новыхъ сѣняхъ колыбель виситъ,
Колыбель виситъ, тамъ дитя кричитъ.
«Ты, баю, баю, мое дитятко,
«Ты, баю, баю, мое милое!
«У тебя, дитя, нѣту матери,
«У меня, Младца, молодой жены!»
Пошелъ Молодецъ на высокъ теремъ,
Какъ ударился о дубовый столъ:
«Что не мать ты мнѣ и не матушка,
«А змѣя же ты подколодная!»

(Ср. „Воронежск. Бес." Запис. И. Ст. Кохановской).

Въ сихъ двухъ послѣднихъ пѣсняхъ еще ближе видно переходное родство между былинами о Князѣ Михайлѣ и Князѣ Романѣ.

Къ помѣщеннымъ въ выпускѣ 5-мъ, стр. 128—163, отдѣламъ I—V, съ извѣстными уже намъ переходами разлагавшихся былинъ, нашлись еще разнорѣчія:

*) Не початы.

Князь Волконскій и Ваня Клюшничекъ.

1.

(Москва).

Какъ на улицѣ было, на улицѣ Дмитровкѣ,
Живетъ-поживаетъ, живетъ Волхонскій Князь.
Какъ въ его домѣ, въ его теремѣ
Живетъ-поживаетъ Ванька Клюшничекъ
Съ молодой его Княгиней, со его соперницей.
Онъ не годъ съ нею живетъ,
Живетъ—ужь другой пошелъ;
Какъ на третій годъ самъ Князь довѣдался,
Что отъ той ли дѣвушки, отъ той ли сѣнной,
Отъ той самой послѣдницы.
Побранилась она съ Ванькомъ Клюшничкомъ,
И взошла она ко Князю въ комнату,
И воспѣла громкимъ голосомъ:
««Ужь ты батюшка, Волхонскій Князь!
««Ты не знаешь и не вѣдаешь,
««Какъ живетъ твоя Княгиня съ Ванькой Клюшничкомъ,
««Ужь не годъ живетъ она, ужь другой пошелъ,
««Какъ на третій годъ Князю объясняю я.»»

Какъ вскочилъ Волхонскій Князь
Со кресленца своего любимаго,
Онъ скричалъ-згаркалъ громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги вѣрные!
«Вы подите—приведите шельму Ваньку Клюшника.»

Какъ идетъ Ванюша, идетъ широ́кимъ дворомъ,
Какъ на Ва́нюшкѣ рубашка новополотняная,
Какъ на Ва́нюшкѣ сапо́жки новые козловые,
Его кудри черные раздушоные и разчёсаные.

Тутъ сказалъ ему Волхонскій Князь:
«Ты скажи всеё правду мнѣ,
«Ты который годъ живешь со Княгинею?»
Отвѣчалъ ему:—Не знаю и не вѣдаю.—
Тутъ скричалъ опять самъ Волхонскій Князь
Громкимъ своимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги вѣрные!
«Вы тешите и рубите столбики дубовые,
«Ужь вы ройте и копайте ямушки глубокія,
«Вы вяжите и плетите шнуры шелковые,
«Вы вдѣвайте и винтите колечки серебряны
«И вѣшайте поскорѣе шельму Ванька Клюшника.»

Какъ приводятъ Ванюшу нашего
Къ самому Князю, Князю Волхонскому,
Какъ надѣваютъ ему на́ шею петлю шелковую;
Тутъ воспѣлъ онъ громкимъ своимъ голосомъ:
—Ты позволь мнѣ, Князь, предъ послѣднимъ концомъ
—Всеё правду сказать?
—Много было въ твоемъ теремѣ
—Попито и поѣдено
—И на твоихъ добрыхъ коняхъ
—Много было поѣзжено.—

Захлесну́ли Ванюшѣ шелковы́ петли́,
И виситъ Ванюша, виситъ–качается:
Молода Княжья жена во теремѣ кончается.

(Запис. отъ пѣвицы 1862 г. П. А. Г.).

*

Къ № 1-му, помѣщенному у насъ въ 5-мъ выпускѣ, слѣдуетъ прибавить важное разнорѣчіе, записанное въ Воронежѣ А. В. Кольцовымъ, гдѣ Князь постоянно называется «Русскій» вмѣсто «Волконскій.»

Переходомъ къ другимъ разнорѣчіямъ служитъ слѣдующее, гдѣ Молодецъ называется еще Клюшничкомъ, но уже служитъ у Короля (разумѣется Литовскаго):

2.

(Харьк. губ.).

Ой, неволя, неволя—боярскій дворъ!
Во боярскимъ дворѣ жить не хочется;
Во крестьянство пойтить—много надобно;
Пойду я, Молодецъ, Королю служить.

Король Молодца любилъ-жаловалъ,
Съ одного блюда онъ пивалъ-ѣдалъ,
Съ одного плеча платье нашивалъ.

А сказали про Младца небывальщину,
Ой и складъ приложили—съ Королевою.
Король на Младца да прогнѣвался,
Закричалъ Король громкимъ голосомъ:
«Пошлите мнѣ млада Клюшничка!»

Идетъ Клюшникъ на новы сѣни,—
Зеленъ кафтанъ на плечахъ надѣтъ,
Чершу шляпу во рукахъ несетъ,
Сафьяны сапожки натянуты,
Его русые кудри по плечамъ лежатъ,
Его ясныя очи огнемъ горятъ.
Идетъ Клюшникъ со новыхъ сѣней,
Зеленъ кафтанъ у рукахъ несетъ,
Сафьяны сапожки ошущены,

Его русые кудри растрепаны,
Его ясныя очи заплаканы.

Закричалъ Король грознымъ голосомъ:
«Ой, вы слуги мои, слуги вѣрные!
«Идите жь въ чисто поле,
«Ой и ройте вы двѣ ямы глубокія,
«Поставьте вы два столба высокіе,
«Перекладину положите кленовую,
«Ой и петельку придѣньте шелковую,
«Повѣсьте вы млада Клюшничка,
«Королевина полюбовничка!»

Ой и Клюшникъ во полѣ качается:
Королева во теремѣ кончается.

(Ср. „Ворон. Бес." Запис. П. Ст. Кохановской).

* *

Отселѣ начинаются равно многочисленные образцы, помѣщенные у насъ въ 5-мъ выпускѣ стр. 164—178, въ отдѣлѣ VI-мъ, гдѣ то же самое содержаніе возводится къ Кіевскимъ былинамъ о Дунаѣ и гдѣ, съ другой стороны, идетъ дѣло уже у Короля Литовскаго, къ которому загулялъ Безъимянный Молодецъ, а Королева или Королевна въ замѣнъ того пріобрѣтаетъ опредѣленное имя Настасьи Литовской или Политовской. Сюда изъ собранія П. Н. Рыбникова относятся: въ Ч. I-й № 77 (собственно о Ванѣ Клюшничкѣ № 74) и въ Ч. III-й № 52. А за тѣмъ уже другія разнорѣчія:

Молодецъ у Короля въ службѣ.

1.

Охъ ты поле мое, поле чистое,
Ты раздолынце широкое,
Ты крапива стрекучая!
Какъ гулялъ тутъ Добрый Молодецъ,
Что гулялъ онъ тутъ ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года:
Загулялъ онъ къ Королю въ Литву.

Король его любилъ-жаловалъ,
Цвѣтно платынце носили съ одного плеча.
На коняхъ они ѣздили съ одного стремя.

Ужь и сталъ Молодецъ упиватися,
Во хмѣлю онъ сталъ похвалятися:
—Какъ и пынѣшнюю ночку, Добрый Молодецъ,
—Я спалъ-ночевалъ у царя въ гостяхъ,
—У царя въ гостяхъ, во высокомъ терему,
—Во высокомъ терему съ краспой дѣвицей,—
—Я ли спалъ, цаловалъ красну дѣвицу,
—Распрекрасную Елену Королевишну.—

Ужь какъ были на Молодца доносчики,
Донесли они Королю на Молодца,
А Король-то велѣлъ Молодца пожаловать,—
На высокихъ ремешкахъ повѣсити.

Повели Молодца впереди дворца,
А Царевна Кричитъ:» «Не ведите Молодца,
««Не ведите Молодца впереди дворца,
««Поведите Молодца позади дворца,»»

Добрый Молодецъ на петелькѣ качается:
Красна дѣвица во теремѣ кончается.

(Запис. А. А. Григорьевымъ; ср. Якушк. 1865 г.).

* *

Вмѣстѣ съ симъ образцомъ, былина, разлагаясь въ Безъименную Молодецкую, съ одной стороны перерождается въ такъ-называемую «О Добромъ Молодцѣ и Женѣ Неудачливой,» гдѣ вмѣсто гульбы Молодца первоначально представляется сама жена, но потомъ Молодецъ возвращается изъ гульбы въ нѣдра семейства; съ другой стороны, по мѣрѣ наступившей безличности, былина возвращается къ общимъ чертамъ древнѣйшаго, Черноморскаго или Придунайскаго пѣснотворчества, заимствуя оттуда и прадревнія, общеславянскія имена лицъ, Елены Прекрасной, Ивана, и т. п., въ связи со старшими нашими Былевыми Сказками. — Къ первому разряду относятся изъ собранія П. Н. Рыбникова въ Ч. I-й № 78, въ Ч. II-й №№ 49 и 50, въ Ч. III-й № 53. — Ко второму разряду принадлежатъ оттуда же въ Ч. I о Ванькѣ Удовкинѣ сынѣ и Царѣ Волшанѣ № 76, въ Ч. II № 51 о Дворянинѣ Безсчастномъ (въ связи его съ Кіевомъ и Владиміромъ), въ Ч. III совершенно уже Сказочныя произведенія — Похожденія Ивана и Царство Подсолнечное (въ Сказкахъ — «Три Царства»), №№ 57 и 58.—Въ прежнихъ нашихъ «Замѣткахъ» къ изданію пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ и П. Н. Рыбниковымъ, мы имѣли уже случай пояснить, и даже, думаемъ, доказать, что въ близкой связи съ этими произведеніями стоитъ и нашъ знаменитый Данило Безсчастный или Заточникъ; а съ тѣмъ, и другимъ, и третьимъ близко еще старшее, простирающееся до Ветхаго Завѣта, но болѣе сосредоточенное и опредѣленное, сказаніе о Саламанѣ и Саламаніи, Китоврасѣ и Ивашкѣ Поваренномъ, которое, прошедши сотню разныхъ ступеней и вліяній, дошло до насъ со складомъ Былинъ, помѣщенныхъ также у П. Н. Рыбникова въ Ч. II №№ 52—55, въ Ч. III №№ 54 — 56, въ Ч. IV № 18, и болѣе подробно разсмотрѣнныхъ нами въ «Замѣткѣ» ко II-й Части Рыбниковскаго собранія.— Въ III-й Части сего послѣдняго, одна изъ Сказочныхъ Былинъ подъ № 58-мъ, О Подсолнечномъ Царствѣ, убѣждаетъ насъ, что творчество извѣстными путями своими успѣло примѣшать

сюда даже позднѣйшую, совершенно уже историческую, Былину о Грозномъ и покушеніи его на сына, благодаря между прочимъ имени самого «Ивана», матери его «Елены» и сына также «Ивана». — Наконецъ, есть ступень и еще, послѣдняя: судьбы блуждающаго горемыки и похожденія его по бѣлому свѣту, постепенно теряя черты личныя и мѣстныя, отвлекались уже въ общее представленіе о «Горѣ» и создали цѣльный, особый, разительный образъ, воспѣтый рядомъ совершенно особыхъ нашихъ Былинъ и Стиховъ «о Горѣ-Горюшкѣ Сѣромъ.» Превосходные образцы того предложены въ I-й и II-й Ч. собр. Рыбникова, въ «Горѣ-Злочастіи» и нами въ «Русской Бесѣдѣ:» они будутъ сопоставлены въ томъ мѣстѣ, гдѣ дойдетъ очередь до подобныхъ произведеній изъ собранія П. В. Кирѣевскаго. Пока же, продолжая изданіе памятниковъ народнаго творчества, мы стараемся не столько ихъ сближать и сводить (а тѣмъ менѣе смѣшивать и смѣшивая путать, какъ это случилось съ г. Стасовымъ въ знаменитыхъ статьяхъ его о происхожденіи Русскихъ былинъ), сколько по возможности различать, распредѣлять и разграничивать, указывая каждому своё мѣсто.—Потому и здѣсь прибавляемъ только «ближайшія» разнорѣчія, въ родѣ слѣдующаго, гдѣ Королевна Елена является спасительницей Молодца, высвобождаетъ его, а Король крутымъ поворотомъ творчества обращенъ въ суроваго отца горемыкѣ, подобно какъ это извѣстно въ помянутыхъ былинахъ о Саламанѣ, о Царствѣ Подсолнечномъ и о Грозномъ:

2.

(Холмогоры).

Вы морозы, морозы вы Крещенскіе,
Заморозили морозы Добра Молодца,
Стоючи у стѣны бѣлокаменной.
Караульщички, братцы, они крѣпко спятъ:
Не спала, не дремала красная дѣвица,

Распрекрасная Елена дочь Королева;
Что брала со стола золоты ключи,
Отпирала у города воротищы,
Выпускала Добраго Молодца вонъ изъ города:
««Ты поди же, Добрый Молодецъ, потихоничку,
««Чтобъ не всльшалъ, не увидѣлъ родной батюшка.»»

Что отецъ-то на сына распрогнѣвался,
Высылаетъ своего сына вонъ изъ городу:
«Ты поди, сынъ, пройди жь чужу сторону,
«Какова есть на свѣтѣ чужа сторона.»

Что большая сестра коня вывела,
А середняя сестра сѣдло вынесла,
А меньшая плётку подала;
А большая сестра брата спрашивала:
««Ужь когда же ты, нашь братецъ, на 'боротъ будешь?»»
—Ужь тогда я къ вамъ на 'боротъ буду,—
—Есть у батюшки у матушки суха яблынька,—
—Ужь когда эта яблынька разцвѣтать будетъ,
—Ужь тогда я къ вамъ, сестры, на 'боротъ буду.—

(Запис. С. В. Максимовымъ, ср. Якушк., 1865 г.).

Конецъ этой пѣсни связалъ ее со множествомъ мелкихъ Бытовыхъ, кои будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ.

Послѣ этого у насъ въ 5-мъ выпускѣ, стр. 185—190, приведены или упомянуты былевыя пѣсни собственно о Князьяхъ, уже исторически извѣстныхъ и опредѣленныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ старину объ нихъ ходило въ народѣ много былинъ: но, такъ какъ здѣсь изображались болѣе или менѣе судьбы всё-таки частнаго, хотя и крупнаго, лица, то былинамъ

легко было разложиться на простыя Молодецкія и Безъимянныя. Разбирая внимательно сіи послѣднія (имъ будетъ свое мѣсто ниже), иногда очевидно весьма древнія по складу и содержанію, конечно представляется возможность возстановить ихъ Княжескій первообразъ, по крайности, въ воображеніи. Но здѣсь столь же необходима величайшая осторожность, дабы не попасть въ ошибку, подобно какъ это случилось съ даровитѣйшею Русскою писательницею Н. Сг. Кохановской, въ статьѣ ея о «Боярскихъ пѣсняхъ (Русская Бесѣда 1860, II, и потомъ отчасти Воронежская Бесѣда 1864 г.).» Безспорно, въ высшихъ слояхъ древне-русскаго общества, пока оно не измѣнило своему корню и не передѣлалось на иностранный ладъ, пѣсни пѣлись лучше, обработаннѣе, краше, отборнѣе языкомъ, отчасти богаче и содержаніемъ, согласно высшему образованію и лучшимъ, обильнѣйшимъ средствамъ, чему образцы—записанные своевременно для баккалавра Ричарда Джемса при Московскомъ Дворѣ (см. ихъ ниже). Понятно также, что, уцѣлѣвши нынѣ въ одномъ только *простомъ* народѣ, крестьянствѣ, слояхъ нисшихъ, пѣсни эти, если прошли сюда тѣ же или равнозначущія, измѣнились здѣсь, поиспортились, такъ сказать обѣдняли или, по древнему выраженію, захудали, но что есть же возможность отличить нѣкоторыя отборныя, лучшія, какія могли одинаково принадлежать въ старину общественному высшему слою, или прямо оттуда заняты, судя по извѣстнымъ признакамъ. Съ этой стороны мысль писательницы нашей весьма счастлива, плодотворна и одновременна съ нашей первой въ литературѣ попыткою—выдѣлить пѣсни «Княжескія.» Но дѣло въ томъ, что г-жа Кохановская, къ сожалѣнію, привела образцы почти исключительно изъ пѣсней «свадебныхъ:» а въ нихъ, какъ извѣстно, «боярами» и «боярскими дѣтьми» сплошь называются члены свадебнаго торжества и поѣзда, извѣстные сваты, а отчасти отсюда и женихъ, какъ главный членъ торжества и поѣзда (такъ что даже, на примѣръ, въ гадальной пѣсни «Не груздочекъ скачетъ, боярскій сынъ,»—значитъ просто женихъ).

Такимъ образомъ «боярскія» пѣсни г-жи Кохановской оказываются просто «свадебныя.» И нужно прибавить, что въ нихъ даже «Дворянство, Дворянинъ, Дворяночка, Дворянскій,»—все это не больше, какъ хозяинъ, хозяйскій сынъ, хозяйская дочь, о хозяйствѣ двухъ земскихъ дворовъ, между коими въ свадьбѣ происходитъ сочетаніе, а ужь никакъ не Дворъ Государевъ и не служилые при немъ люди.—Еще опаснѣе «Князь, Княгиня, Княжескій:» какъ извѣстно, это повсюду у насъ (и у Славянъ другихъ) значитъ жениха, невѣсту, свадебное торжество (откуда это названіе,—дѣло другое, болѣе древнее). И такъ вотъ какую опасность должны счастливо миновать мы, если хотимъ отдѣлять Пѣсни «Княжескія.» Потому мы рѣшаемся въ пополненіе ихъ привести здѣсь пока только *одну* пѣсню, и то съ оговоркою. Вторая половина ея видимо переходитъ въ простыя свадебныя и въ этомъ значеніи такъ или иначе поется. Но 1) дѣло идетъ «середь Царства Московскаго, Государства Россійскаго;» 2) герой—«государь» и опредѣленно «Семіонъ Ивановичь;» 3) правъ его «тяжелый,» снискавшій извѣстному Московскому Князю прозвище «Гордаго;» а главное, 4) о томъ же Князѣ именно мы имѣемъ уже другую Былину, или вѣрнѣе, Стихъ (Кир. вып. 5-й и «Калѣки Перехожіе» вып. 3). А потому рѣшаемся заглавить:

Князь Московскій Симеонъ Ивановичь.

1.

(Москва).

Какъ середь Царства было Московскаго,
Государства Россійскаго,

Стояли палаты бѣло-каменны.
Во тѣхъ во палатахъ бѣло-каменныхъ
Наставлены столы всё дубовы,
Разостланы скатерти Нѣмецки,
Разставлены кушанья сахарны.

За тѣми за столами за дубовыми,
За тѣми кушаньями сахарными,
Сидѣлъ тутъ Семіонъ Государь:
Играетъ во цымбалы въ золотыя,
Выигрываетъ волю батюшкину,
Наигрываетъ нѣгу матушкину.

Подошедши Анна послушала,
Отошедши она заплакала:
«Какъ привыкати къ обычью Семіонову,
«Ко тяжелому праву Ивановичеву!»

(Запис. П. В. Кир.).

*

За симъ слѣдуетъ выпускъ 6-й и съ нимъ начинаются Былины *Московскія*.

* * *

Выпускъ 6.

Помочь Грозному Царю подъ Казанью.

1.

(Земля Войска Донскаго).

«Пойдемте мы, братцы, на Куму рѣку:
«На Кумѣ рѣкѣ зимовать будемъ,
«Мы подѣлаемъ балаганы камышевые,
«Разъѣзды имѣть будемъ дальніе,
«До того-то мѣстечка до урочнаго,
«До того-то кургана высокаго,
«Мы будемъ бить, братцы, куницъ-лисицъ,
«Куницъ-то, лисицъ и черныхъ соболей *).»

Погодя немножко на единый часъ,
Не буря шумитъ и не громъ гремитъ,
Отъ Царя къ Ермаку (курьеръ) бѣжитъ,
Прибѣгаетъ къ Ермаку Тимоѳеевичу,
Подаетъ онъ указы государевы.
Принималъ Ермакъ указы, самъ вычитывалъ,
Прочитавши указы, рѣчь возговорилъ:
«Я тебя, посланничка, не слушаю,
«А я самъ къ Царю на отвѣтъ пойду.»

Надѣваетъ Ермакъ свою кунью шубу,
Подпоясываетъ сабельку булатную,
А шапочку вздѣваетъ, молодецъ, трухмёночку **).
Идетъ Ермакъ вдоль по улицѣ,

---

*) Это слова Ермака или вообще атамановъ въ козацкомъ кругу.
**) Передѣлано изъ древняго—мурманочку, мурмолку.

У куньей шубы полы развѣваются *),
Князья-то бояры удивляются,
Что хорошь-пригожь молодецъ уродился.
Тутъ сталъ государь его распрашивать:
—Не ты ли Ермакъ сынъ Тимоѳеевичь,
—Не ты ли воровской Донской атаманушка?
—Не ты ли гулялъ тамъ по синю морю,
—Не ты ли разбивалъ мои корабли?—
Тутъ отвѣтъ держалъ добрый молодецъ:
«То-то я-то Ермакъ сынъ Тимоѳеевичь,
«То-то я-то казачій атаманушка,
«То-то я-то гулялъ по синю морю,
«То-то я-то разбивалъ корабли:
«Но корабли были не орлёные,
«Не орлёные были, не тавренные **),
«Не платили государю дани-пошлины.»
—За всѣ загадочки, за всѣ прошлыя,
—И за эту бѣду тебя Богъ проститъ:
—Заслужи ***) ты, Ермакъ, мнѣ службу вѣрную,
—Возьми ты, Ермакъ, мнѣ Казань городъ!—

(Ср. Сборн. г. Савельева 1866 г., а у насъ Отдѣлы I—III, стр. 23—35 и далѣе).

*

Былины сего рода тѣсно связаны со всѣми прочими былинами объ Ермакѣ и покореніи Сибири, какія слѣдуютъ у насъ въ 6-мъ выпускѣ со стр. 36 до 54-й въ 4-хъ отдѣлахъ: такое же разнорѣчіе у Рыбникова въ Ч. II № 38. Но, какъ самъ

*) Въ 1-мъ изд. «развиваются.»
**) Безъ царскаго орла и безъ всякой опредѣленной и таможенной мѣтки.
***) Конечно: «Сослужи.»

Ермакъ, сдѣлавшись любимымъ лицомъ пѣснотворчества у нашего народа, перенесенъ имъ во всѣ почти старшія былины, изображающія нашу борьбу съ Татарами и прочими Восточниками, а чрезъ это близко связанъ и съ Ильей Муромцемъ, и кругомъ Владиміра (ср. прежніе выпуски и собраніе П. Н. Рыбникова): такъ на оборотъ, спускаясь въ исторіи ниже и позднѣе, въ былины объ Ермакѣ обыкновенно вставляются неразлучно имена и прочихъ, дальнѣйшихъ удальцовъ, хотя бы и «воровскихъ» лицъ, запечатлѣнныхъ въ народной памяти изъ козацкаго круга,—Разина, Каина, Пугачева, даже Мазепы и т. п. Потому, какъ образъ Ермака можемъ встрѣтить еще и ниже, въ другихъ былинахъ изъ ряду Козацкихъ, такъ обратно судьбы Разина, Пугачева и подобныхъ описываются отчасти и въ Былинахъ Ермаковскихъ; выпускъ 7-й и дальнѣйшіе должны въ этомъ случаѣ возвращаться часто къ 6-му.

Съ покореніемъ Казани и пріобрѣтеніемъ Сибири, въ былевомъ народномъ изображеніи Грознаго, связывается постоянно, какъ послѣдующее, покушеніе Царя на убійство сына. Но поелику поводомъ къ тому выставляется закравшееся первое подозрѣніе въ измѣнѣ, то переходомъ промежуточнымъ служитъ народное сказаніе, помѣщенное у г. Рыбникова во II-й Части подъ № 39-мъ, о томъ, «Отчего на Руси завелась измѣна» и что самъ Царь былъ первой ея виною и образцемъ. За симъ, соотвѣтственно 54—101 страницамъ нашего 6-го выпуска, помѣщены у Рыбникова о покушеніи на сына: Ч. I, №№ 65,—67; Ч. II, 34; Ч. IV, 14, а въ III-й, какъ помянуто выше, въ образцѣ подъ №№ 57, 58 и особенно подъ послѣднимъ 58—событіе это возведено въ сказочную область или въ область древнѣйшаго, Придунайскаго и Черноморскаго былеваго творчества, гдѣ и связано съ тамошними героями.

Былина, помѣщенная у насъ въ 6-мъ выпускѣ, Отд. VII-мъ, стр. 102—109, служитъ уже переходомъ къ тѣмъ, въ коихъ изображается смерть первой супруги Грознаго, повтореніе же-

нитьбы и вмѣстѣ бо́рьба Московскихъ борцовъ съ Царскимъ новымъ шуриномъ, Мамстрюкомъ Темрюковичемъ, который преобращенъ народомъ въ прихотливыя имена отъ «Кострюка» до «Севрука:» вып. 6, стр. 109—186. У Рыбникова: Ч. I, № 68; Ч. II, 35—37; Ч. III, 44; Ч. IV, 15 и 16. Вновь можемъ присоединить только слѣдующее разнорѣчіе:

Царь Грозный еще женится.
Кастрюкъ—Севрукъ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

А кто бы то дозналъ,
Когда бѣлый свѣтъ насталъ.
Праведно солнце взошло,
Ясенъ мѣсяцъ восходилъ *)?
Севрукъ тое дозналъ,
Когда бѣлый свѣтъ насталъ.
Праведно солнце взошло,
Ясенъ мѣсяцъ восходилъ.

—А вы люди стародавніе **.
—А давно вы живете,
—Ничего не смыслите:
—Либо мнѣ хлѣба-соли ставьте,
—Либо мнѣ борцовъ дайте,

*) Начало это есть обобщеніе извѣстнаго начала Былинъ о Грозномъ Царѣ:

Когда зачиналася каменна Москва,
Тогда зачинался и Грозный Царь.

**) Это слова Севрука, а за тѣмъ Московскихъ людей и борцовъ.

—Либо мнѣ голову срубите.—
««Вотъ тебѣ хлѣбъ-соль на столѣ,
««И бойцы на дворѣ:
««А головушки не будемъ рубить.»»
Распился Севрукъ,
Разгулялся Севрукъ,
Семьсотъ казаковъ заборолъ,
Восемьсотъ Татариновъ.
Девятьсотъ удалыхъ-добрыхъ молодцевъ.

Что идутъ-пройдутъ Дощы,
Добры-удалы молодцы,
На́ бокъ колпаки поскривляючи,
По́дъ бокъ кулаки зазымляючи *),
Своего Бога похваляючи:
««А дай намъ, Боже, Севрука подолѣть
««И съ кореньями повывертѣть!»»
Пришли они, подивилися **),
За бѣлыя груди взялися:
Какъ подымутъ Севрука
Вопъ повыше себя,
Какъ ударятъ Севрука
Объ сыру землю,—
Севрукъ глаза вытращилъ,
Севрукова кожа лопнула,
Всѣ ребрушки посыпались,
Всѣ косточки повыломались.

А Севрукова мать
По повымъ сѣнцамъ похаживаетъ,
Бѣлыя ручки поламливаетъ:
—А скурвій сынъ,
—А проклятый сынъ!

*) Подпирая.
**) Посмотрѣли на Севрука, другъ на друга.

45. —И на что было заводиться *),
—И на что было зазымливаться **)!—

Пошла слава по всему Сѣверу ***),
Очутилася и въ Кіеву.

(Ср. сборн. г. Савельева 1866 г.).

*

Разнорѣчія къ «Осадѣ Пскова,» перенесенныя къ осадѣ Волока, см. въ Дополненіяхъ къ слѣдующему 7-му выпуску.

Еще при изданіи II-й Части собранія П. Н. Рыбникова, замѣчено было, что былина, помѣщенная тамъ подъ № 42-мъ, хотя и отнесена пѣвцомъ къ Петру I-му, «Объ удаломъ-добромъ молодцѣ и ограбленной имъ казнѣ,» но по складу и чистотѣ языка очевидно не подлажпвается подъ такое опредѣленіе и восходитъ древнѣе: дѣйствительно, въ 6-мъ выпускѣ, стр. 194—201, приведены нами былины того же самаго рода, о «Правежѣ,» выставляющія Грознаго Царя Ивана Васильевича. Такимъ образомъ, хотя изъ времени Петра I-го повторяется въ былинахъ тотъ же, близкій разсказъ (см. Ч. III, вып. 8), но всѣ разнорѣчія, пусть перешедшія въ Безъимянныя и Молодецкія, получаютъ основу старшую, куда мы и относимъ:

---

*) То же, что ссориться, старинное *вада*, *вазнь*, Серб. *завадити се*.

**) Подпираться, гордиться, набираться духу, надмеваться.

***) Здѣсь разумѣется извѣстная «Сивера,» промежутокъ между Русью Великой и Малой, съ Сѣверскимъ Козачествомъ.

Правежъ.

1.

(Самарскій край).

Изъ-подъ цвѣтика *) да каменно́й Москвы,
Каменной Москвы да земляной тюрьмы,
Какъ изъ той ли тюрьмы да ведутъ мо́лодца,
Ведутъ мо́лодца да вѣдь ко вѣшанью.
Идетъ мо́лодецъ—да самъ не ка́чнется,
Его буйная головушка не тря́хнется,
Его русые кудерки не шело́хнутся,
Во рукахъ-то онъ несетъ да воскову свѣчу,
Бѣлы рученьки да воскомъ залило.

Какъ на встрѣчу ему да православный Царь **);
Еще сталъ государь его распрашивать:
«Ты скажи-ко, скажи мнѣ, добрый молодецъ,
«Скажи, съ кѣмъ ты воровалъ,
«Съ кѣмъ разбой держалъ?»
—Ужь ты батюшка да благовѣрный царь!
—Я не самъ-то воровалъ, не самъ разбой держалъ:
—Воровали-то твои да Донски ка́заки,
—Донски ка́заки да все каза́ченьки,
—Все казаченьки дуванъ дуванили ***),
—Дуванъ дуванили да казну дѣлили,
—Казну дѣлили да казну-денежки;
—Ужь какъ я ли, молодецъ, при томъ случьѣ былъ,
—При томъ случьѣ былъ да все па́ю просилъ;

---

*) Безобразная обстановка, выродившаяся изъ выраженія старшихъ былинъ того же рода: «бѣла-горюча камени, колодичка, ключа,» и т. п.

**) Въ старшихъ Былинахъ къ этому прибавлено: «Грозный Царь Иванъ Васильевичь.»

***) Полонили полонъ и дѣлили его.

—Ужь какъ мнѣ-то, молодцу, да паю не́ дали *)....
—Всѣ казаченьки да испугалися,
—По низкимъ мѣстамъ да разбѣжалися,
—По низкимъ мѣстамъ да по болотйчкамъ:
—Одному-то мнѣ казна досталася.—

(Ср. сборн. г. Варенцова, Спб. 1862 г.).

Соотвѣтствующія сему Безъпмянныя, Молодецкія пѣсни, кои см. ниже въ изданіи на своемъ мѣстѣ, развили отвѣтъ молодца съ особымъ лирическимъ характеромъ.

Отселѣ слѣдуетъ уже настоящій выпускъ 7-й, по обстоятельствамъ, изложеннымъ и не разъ помянутымъ выше, отпечатанный въ первыхъ четырехъ листахъ не съ тою полнотою, какъ предполагалось при его черновомъ изготовленіи. Ошибки, оказавшіяся на сихъ листахъ и перечисленныя ниже подробно въ Погрѣшностяхъ, нисколько не завися отъ печатавшаго, произошли большею частію отъ того, что, не имѣя подъ руками подлинныхъ листочковъ оригинала, онъ въ точности слѣдовалъ копіямъ, рукописи П. И. Якушкина, а у сего послѣдняго, какъ не разъ мы замѣчали и какъ теперь представляется во очію, при всѣхъ заслугахъ, оказанныхъ народу собраніемъ пѣсень по порученію и при пособіи П. В. Кирѣевскаго,—гдѣ только коснется дѣло дальше черновой тетрадки, записанной со словъ, нигдѣ уже нельзя достовѣрно положиться почти ни на одну строчку.—Потому мы теперь пойдемъ уже шагъ за шагомъ, страница по страницѣ, пополняя всюду опущенное на первыхъ четырехъ листахъ и разъясняя связь между отдѣльными образцами.

*) За симъ пропущено разсказанное въ старшихъ былинахъ, какъ обдѣленный и разсержешный молодецъ схватитъ вязъ или дубину и перепугалъ грабителей.

Выпускъ 7.

Ѳедоръ Ивановичь и Борисъ Годуновъ. Неудача Крымскаго царя.

1.

(Москва).

А не силная туча затучилася,
А не силніи громы грянули:
Кудѣ ѣдетъ собака Крымской царь?
А ко силнему царству Московскому *):
«А пынѣчи **) мы поѣдемъ къ каменно́й Москвѣ,
«А назадъ мы пойдемъ, Рѣзань возмемъ.»
А какъ будутъ онѣ (у) Оки рѣки,
А тутъ онѣ станутъ бѣлы шатры ростaвливать ***):
«А думайте вы думу съ цѣла́ ума ****),
«Кому у насъ сидѣть въ каменно́й Москвѣ,
«А кому у насъ въ Володимерѣ,
«А кому у насъ сидѣть въ Суздалѣ,
«А кому у насъ держать Рѣзань старая *****),
«А кому у насъ въ Звенигородѣ,
«А кому у насъ сидѣть въ Новѣ-городѣ?»

*) За симъ слѣдуютъ слова и предположенія Крымскаго царя.

**) Въ другомъ спискѣ: «н'ѣчи.»

***) Послѣ сего опять слова хана и одинаковый пріемъ, въ предположительномъ дѣленіи добычи, какъ въ былинѣ о Татарахъ и Князьяхъ Тверскихъ, у насъ въ 5-мъ выпускѣ, стр. 186—190.

****) Хорошенько.

*****) Обыкновенный въ пѣснотворчествѣ эпитетъ Рязани, соотвѣтственный и тому, что дѣйствительно позднѣе отстроилась Рязань Новая, на новомъ мѣстѣ, новый «городъ.»—Употребительный въ древности падежъ при неокончат. наклоненіи.

Выходитъ Диви-Мурзы сынъ Улановичь *):
—А еси государь нашь, Крымской царь!
—А тобѣ, государь, у насъ сидѣть въ каменно́й Москвѣ,
—А сыну твоему въ Володимерѣ,
—А племенишку **) твоему въ Суздалѣ,
—А сродичу въ Звенигородѣ,
—А боярину конюшему держать Рѣзань Старая,
—А меня, государь, пожалуй Новымъ-городомъ:
—У меня лежатъ тамъ свѣтъ добры́-дни ***) батюшка,
—Диви-Мурза сынъ Улановичь.—

Прокличетъ съ небесъ Господень гласъ ****):
««Но еси собака, Крымской царь!
««То ли тобѣ царство не свѣдомо?
««А еще есть на Москвѣ семьдесять Апостоловъ,
««Опришенно *****) Трехъ Святителей;
««Еще есть на Москвѣ православной царь!»»

Побѣжалъ еси, собака, Крымской царь,
Не путемъ еси ******)—не дорогою,
Не по знамени не по черному *******)!

(Изъ бумагъ Ричарда Джемса, записано въ Москвѣ 1619 года, привезено К. А. Коссовичемъ, отпечатано въ 1-мъ году Изв. А. И. II отд.; ср. у насъ 7-й вып. стр. 1—3).

*

---

*) То есть одинъ изъ мурзъ и улановъ, совѣтниковъ и молодцовъ ополченія, называемыхъ у насъ по пѣснямъ собирательно «дивьи мурзы-улановья.» *Диви, дивій*,—осмыслено, дикой: но вѣроятно это *дели*, удалецъ.—По друг. списку: «улановы.»

**) По друг. списку: «племнику.»

***) Покойный, блаженной памяти (противоположно «злы-дни»): съ этимъ согласовано «лежатъ».

****) Прелесть и достоинство сихъ былинъ состоитъ именно въ этой мастерской краткости и во внезапности оборотовъ.

*****) Опричь, кромѣ еще.

******) Т. е. побѣжалъ.

*******) Не стройно, не въ рядахъ и не въ ротахъ подъ нхнимъ черным знаменемъ.

Былины сіи, числомъ 5, и 6-я пѣсня о службѣ служилыхъ людей, составляющія истинные перлы нашего народнаго пѣснотворчества, въ то же время старше и важнѣе всѣхъ другихъ, какъ потому, что записаны отъ современниковъ тогдашнихъ (слѣдующій за тѣмъ Кирша Даниловъ позднѣе), по самой свѣжей памяти, тотчасъ послѣ событій, непосредственно за годами, въ кои были сложены, такъ и потому, что записаны на самомъ мѣстѣ событій. Записаны прежде, чѣмъ успѣли разойтись далеко по Русской землѣ и широко въ устномъ употребленіи, прежде, чѣмъ могли измѣниться или исказиться. Оксфордскій баккалавръ Ричардъ Джемсъ, священникъ при Англійскомъ посольствѣ, бывшемъ въ Россіи 1618—1620 гг., въ Москвѣ 1619 г., воспользовался досугомъ, чтобы ознакомиться съ Русскимъ языкомъ, и вывезъ съ собою книжечку означенныхъ пѣсень, конечно по его желанію записанныхъ для него въ Москвѣ. Открылъ въ Англіи Академикъ г. Гамель, списокъ его вмѣстѣ съ другимъ, вновь сдѣланнымъ, привезъ К. А. Коссовичь, получилъ и отпечаталъ въ «Извѣстіяхъ» Предсѣдательствовавшій во II-мъ Отд. А. Н. И. И. Давыдовъ.—Печатая ближайше и другія былины, мы дозволили себѣ только выставить ударенія, разставить стихи, приведенные сплошь, а при этомъ знаки препинанія.

Плачь Ксеніи.

1.

(Москва).

Сплачетца мала птичка,
Бѣлая пелепелка:
«Охте мнѣ молоды *, горевати!

*) Молодѣ: *ы* и *ъ* вм. *ѣ*, какъ и въ другихъ мѣстахъ.

«Хотятъ сырой дубъ зажигати,
«Мое гнѣздышко разорити,
«Мои малыи дѣти побити,
«Меня пелепелку поимати *).»

Сплачетца на Москвѣ Царевна:
«Охте мнѣ молоды́ горевати,
«Что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
«Шио Гриша Отрепьевъ Рострига,
«Что хочетъ меня полонити,
«А полонивъ меня, хочетъ постритчи,
«Черпеческой чинъ наложити!

«Шио мнѣ постритчи ся не хочетъ **),
«Черпеческого чину не здержати:
«Отворити будетъ темна келья ***),
«На добрыхъ молодцовъ ****) посмотрити

«Шио охъ, милыи наши переходы *****)!
«А кому будетъ по васъ да ходити
«Послѣ царского нашего житья
«И послѣ Бориса Годунова?

«Ахъ, милыи наши теремы ******)!
«А кому будетъ въ васъ да сѣдѣти
«Послѣ царьского нашего житья
«И послѣ Бориса Годунова?»

(Оттуда же, запис. 1619 г.).

*

*) Сравнительное Вступленіе, съ коимъ сопоставлено положеніе Царевны: и вступленіе, и дальнѣйшіе пріемы въ описаніи горя имѣютъ сходство съ другими Великорусскими Заплачками, отчасти свадебными Причитаньями, а всего ближе съ Купальскими и нѣкоторыми древнѣйшими пѣснями Бѣлой Руси.

**) *Ся* относится къ обоимъ глаголамъ: не хочется постричься.

***) Древній падежъ при неокончательномъ.

****) Въ спискахъ «молотцовъ.»

*****) Галлереи, крытыя сѣни по бокамъ дома.

******) Вѣроятно «терёмы.»

2.

(Москва).

А сплачетца на Москвѣ Царевна *),
Борисова дочь Годунова:
«Ино Боже, Спасъ милосердой!
«За что наше царьство загибло,
«За батюшково **) ли согрѣшенье,
«За матюшкино ли немолепье?

«А свѣты вы, наши высокіе хоромы!
«Кому вами будетъ владѣти
«Послѣ нашего царьского житья?

«А свѣты, браныи убрусы ***)!
«Береза ли вами крутити ****)?
«А свѣты, золоты ширинки *****)!
«Лѣсы ли вами дарити?
«А свѣты, яхонты-сережки ******)!
«На сучье ли васъ задѣвати,—
«Послѣ царьского нашего житья,
«Послѣ батюшкова преставленья,
«А свѣта Бориса Годунова?

«А что ѣдетъ къ Москвѣ Рострига *******),
«Да хочетъ теремы ломати,

---

*) Это такое же продолженіе послѣ Вступленія, какъ въ предъидущемъ образцѣ со стиха 8-го: доказательство, что даже и тогда былина раздѣлялась уже на два разнорѣчія, изъ коихъ оба здѣсь записаны.

**) По друг. списку: «За батюшкино;» вѣроятно по вліанію сего ниже «матюшкино» вм. «матушкино.»

***) Полстенца.

****) Наряжать: падежъ при неокончательномъ какъ выше.

*****) Платки, ручники, вышитые золотомъ.

******) Въ спискѣ: «серешки.»

*******) Въ предъидущемъ образцѣ это мѣсто въ серединѣ былины.

«Меня хочетъ, Царевну, поимати,
«А на Устюжну на Желѣзную отослати,
«Меня хочетъ, Царевну, постричи,
«А въ рѣшетчатой садъ засадити *).
«Ино охте мнѣ горевати:
«Какъ мнѣ въ темну келью ступити,
«У игумени **) благословитца?!»

(Оттуда же, запис: 1619 г.).

*

Такъ какъ оба эти образца очевидно сложены (а тѣмъ болѣе записаны) уже *послѣ* совершившагося, оплаканнаго здѣсь событія, то есть, послѣ смерти Бориса, пріѣзда Лжедимитрія, поруганія Ксеніи и ссылки ея, то Плачь, исчисляя послѣдовательность событій, является не лирическимъ (женскимъ), какъ другія подобныя Заплачки и Причитанья, а дѣлается настоящею Былиной (подобно какъ выше, въ 6-мъ выпускѣ, Плачь Царицы и вообще Плачь по Царѣ; ср. и ниже). Отъ того же, по мотивамъ и складу, онъ близко сходится съ Купальниками, пѣснями о роковой потерѣ дѣвичьяго вѣнца и счастья подъ наитіемъ Купалы въ Купальскую ночь.

Отпечатанная у насъ, въ семъ выпускѣ, вслѣдъ за Годуновымъ, стр. 3—4, 1-я былина о Лжедимитріѣ отличается, кромѣ спутанности, сильнымъ вліяніемъ книжности и письменнаго языка, такъ, какъ, замѣчательно, отличаются симъ весьма многія былины Московскія: ср. выше, въ 5-мъ вып., о Симеонѣ, Невскомъ, о Годуновѣ № 2, и т. д. Это даже болѣе Стихи, чѣмъ Былины. Собственно народная былина слѣдуетъ изъ

*) Въ засаду, заключеніе за рѣшоткой.
**) У игуменьи.

Кирши, № 2, стр. 5—6. Но прежде ея мы поставимъ здѣсь старшую, чрезвычайно драгоцѣнную и имѣющую полное право на мѣсто тотчасъ послѣ Джемсовыхъ и раньше Кирши: къ величайшему счастію, мы успѣли ее извлечь изъ бумагъ незабвеннаго К. Ѳ. Калайдовича (напечатавшаго и Киршу), разбирая сіи послѣднія. Она написана на листѣ старой бумаги, безъ раздѣленія стиховъ, почеркомъ и правописаніемъ XVII вѣка; поправлена и дополнена другою позднѣйшею рукою и другими чернилами; но эта послѣдняя рука и этими позднѣйшими чернилами надписала: «въ 196^{м} году въ 7^{п} тысяче,» то есть, 1688 года. Слѣдовательно, первая, непоправленная рукопись старше 1688 года и, по всѣмъ признакамъ, современна, по крайности, близка періоду Самозванцевъ.

Мы печатаемъ ее вдвойнѣ: 1) точь въ точь съ рукописи, раздѣляя только на стихи, но соблюдая правописаніе (кромѣ надстрочныхъ знаковъ) и знаки препинанія, а вмѣстѣ, въ примѣчаніяхъ, упоминая, какія сдѣланы перемѣны рукою 1688 года; 2) съ бóльшею свободой расположенія словъ и нынѣшняго правописанія, а вмѣстѣ съ добавочными разнорѣчіями изъ ближайшей былины у Кирши, что напечатана у насъ выше подъ № 2-мъ, обозначая ее буквой *а*), и изъ сходной былины, записанной въ Нижегородской губерніи, обозначая ее *б*). И такъ:

Григорій Отрепьевъ и Марина.

1.

Ты боже мой боже спасъ милостивой,
владыко царю вседержителю [1]**),**
за что на насъ господь богъ прогпевался,
какъ [2]**) спустилъ на насъ великъ тяшкой грехъ** [3]**),**

---

[1]) Болѣе поздней рукою поставлены ударенія: «Бóже, Спáсъ, цáрю, вседержителю.» — [2]) Зачеркнуто. — [3]) Исправлено въ два стиха: «Спустилъ на насъ господи Великъ тяшкой грѣхъ.»

5. [1])вора гришку ростригу атрепьева;
прелстилъ онъ воръ сабака три земли,
первого прелстилъ караля в литве,
другаго прелстилъ землю полскую,
третье силно царство московское.
10. не успелъ воръ сабака на царство сесть,
поизволилъ воръ сабака женитися [2]):
ни у князя онъ беретъ не у боярина:
не у насъ онъ беретъ в комянной москве,
беретъ воръ сабака в проклятой литвѣ:
15. проклятой литвѣ [3]), у юрья пана стредомирского [4]),
беретъ онъ маринку дочь юрьеву,
а свадба была на вешней праздникъ,
миколинъ день былъ в пятницу [5]),
а у гришки свадба в четвертокъ была:
20. стали благовестить к [6]) заутрине,
у святаго михайла архангела,
где кладутся цари благоверныя,
благоверныя [7]) благочестивыя,
бояра пошли ка [8]) заутрнѣ,
25. ко святому михайлу архангелу:
а гришка рострига в баню пошелъ,
с своею маринкою дочь юрьевой [9]),
бояря идутъ от заутрни,
а гришка рострига из бани идетъ,
30. шуба на немъ сабалшная,
на маринке саянъ краснаго [10]) золота,
входитъ [11]) на крылечко на красное,
вскричитъ онъ взвопитъ громкимъ голосомъ [12]),

---

[1]) Прибавлено: «*тово ли* вора.» Ударенія: «воръ сабака.» — [2]) Ударенія: «вóръ, женитися;» послѣ «воръ» поставлена запятая. — [3]) Оба слова зачеркнуты. — [4]) Исправлено: «сендомирского.» — [5]) Исправлено такъ: «На вешней праздникъ, Миколинъ день, Миколинъ день былъ въ пятницу.» — [6]) «Ко.» — [7]) Вставлено: «благоверныя цари благочестивыя.» — [8]) «Ко.» — [9]) Исправлено: «дочьей юрьевной.» — [10]) Зачеркнуто *го*. — [11]) Исправлено: «онъ возходитъ.» — [12]) Ударенія: «голосомъ», а выше «золота.»

есть ли у меня пушкари [1]),
свезите снарядъ [2]) пушки за городъ,
за те ли вороты серпуховския [3]),
завтре у меня пиръ будетъ,
для ради тестя любимого,
какъ пошелъ на крылечко на заднѣе,
скрычитъ онъ возвопилъ громкимъ голосомъ,
есть ли у меня поворы [4]),
мои батюшковы приспешнички,
варите вы яству скоромную, и посную,
скоромную есту гуси лебеди,
а посную есту рыбу бѣлую,
завтре у меня пиръ будетъ,
ради тестя любимова,
про юрья пана стредомирскаго [5]),
скоромную есту самъ кушаетъ,
а посну есту роздачей даiотъ [6]),
а местные иконы под себя стелетъ,
а чюдны кресты под пяты кладетъ:
и тутже бояра домышлялися,
и думны дьяки догадалися.
брасалися кидалися в девичей монастырь:
ко иноке к марфе ивановнѣ,
ты свѣтъ наша матушка
iнака марфа ивановна,
прямой ли царь на царстве сидитъ,
твое дитя рожденное [7]),
что дмитри царевичь углицкой,
толко дѣлаетъ не по царскому,
скоромную есту самъ кушаетъ,
а посную есту в роздачи даiотъ,

---

[1]) Третьею, новою рукою, но только не Калайдовича, прибавлено: «и затинщики.» — [2]) Исправлено: «нарядъ.» — [3]) Прибавлено: «за серпуховския.» — [4]) Т. е повары, но исправлено не поняв: «повóры,» то есть, воры, которые поворовываютъ. — [5]) Оставлено неисправленнымъ. — [6]) Писавшій хотѣлъ выразить: «даетъ». — [7]) Исправлено: «порожденное.»

а местные иконы под себя стелетъ [1]),
а чюдны кресты под пяты кладіотъ,
что зговоритъ наша матушка,
инока марфа івановна,
вы глупы бояря неразумные,
вестима богу [2]) всеи земли,
что потерянъ князь дмитреи на угличе,
ево мощи лежатъ в комянноі москвѣ,
у светаго михайла архангела,
гдѣ кладутца цари благоверные:
благоверныя благочестивыя,
что зговоритъ наша матушка,
что инока марфа ивановна,
приезжаетъ с угрозою,
привозитъ [3]) нагало саблю вострую,
велитъ называти своимъ сыномъ,
княземъ димитриемъ царевичемъ углицкимъ.
и тутже бояря догадалися,
и думныя дьяки домышлялися,
выбирали себе дьяка думнова:
того ли петрушку басманпкова,
посылаютъ в полаты во царские,
велятъ говорить не с упаткою,
помнишли гришка спомятуешли,
вместе мы грамоте с тобой училися,
во томъ монастыре во чюдове,
ты былъ гришка чернымъ дьякономъ,
а я былъ на крылосе псаломщикомъ,
видитъ же гришка не минучею,
пошелъ в полаты во набережны,

---

[1]) Поставлены, какъ и въ другихъ мѣстахъ, ударенія особенныя: «Кушáетъ. стелéтъ.» — [2]) Здѣсь перегибъ бумаги посередкѣ въ четверо, отъ того образовалась скважина и конечно вытерто: *и.* — [3]) «привозитъ.»

95. **изъ набережныхъ на житной** [1])
гдѣ онъ упалъ и самъ пропалъ,
отынынѣ и проклятъ до вѣку.

Конецъ.

*

Такимъ образомъ, очевидно, первая рука, главная, хотя не совсѣмъ грамотна, но совершенно народна и, судя по всему, писала со словъ, съ устнаго пѣнія или пересказа.—Вторая, исправлявшая, судя по мѣсту удареній, по видимому принадлежала Малоруссу или Бѣлоруссу, никакъ не Великоруссу и не Москвичу. Провѣрила ли она образецъ по своей собственной памяти, или по новымъ слышаннымъ образцамъ, или же прямо исправляла по собственному соображенію, во всякомъ случаѣ видно, что была знакома съ народнымъ творчествомъ, именно изъ повторяющихся концовъ стиха стремилась сложить новый цѣлый стихъ, или укорачивала его, или удлиняла по требованію размѣра; притомъ образованнѣе первой, какъ на примѣръ исправила «Сендомирскаго.»—Третья, новая, нашего вѣка, по видимому женская, пробы французскихъ словъ, а на полѣ: «Наталья Волк...,» Волкова или Волконская; вставка «и затинщики» обличаетъ знаніе; приписанный конецъ остается недостовѣренъ.—Теперь вотъ какъ возстановляемъ мы нынѣшними средствами:

---

[1]) Здѣсь кончается листочекъ; на слѣдующемъ конечно продолжалось: «дворъ.» За симъ напечатанное курсивомъ приписала уже третья, помянутая новая рука: списала ли она со слѣдующаго листочка конецъ былины, или придумала отъ себя, не можемъ рѣшить; по крайности она пропустила слово *дворъ*; а въ варіантѣ былины конецъ другой.

1.

Ты Боже мой, Боже, Спасъ милостивой,
Владыко Царю Вседержителю [1])!
За что на насъ Господь Богъ прогнѣвался,
Какъ спустилъ на насъ великъ тяжкой грѣхъ,
а) Сослалъ намъ, Боже, прелестника [2]),
Вора Гришку Ростригу Отрепьева [3])?
Прелстилъ онъ, воръ-собака, три земли,
Первого прелстилъ Короля въ Литвѣ,
Другаго прелстилъ—землю Полскую,
Третье силно царство Московское [4]).

Не успѣлъ воръ-собака на царство сѣсть [5]),
Поизволилъ воръ-собака женитися:
Ни у князя онъ беретъ, не у бояриша,
Не у насъ онъ беретъ въ камянно́й Москвѣ,
Беретъ воръ-собака въ проклято́й Литвѣ [6]),

---

[1]) Этотъ стихъ есть и въ б), имъ и начинается. — [2]) Этотъ стихъ варіанта а) не лишній; въ б) «послалъ намъ, Господи, прелестника.» — [3]) б) „*Тово ли* Гришку," доказательство, что вторая рука приписала это слово не даромъ.— [4]) Очевидно, на сколько хуже и позднѣе современный варіантъ б):

Онъ прельстилъ собака цѣлы три орды,
Перва орда—проклята Литва,
А друга орда—Хана Крымсково,
Третья орда—басурманы Запорожскіе.

Варіантъ а), тоже какъ болѣе поздній, нашелъ здѣсь уже нужду въ поясненіи:

Называется Разстрига прямымъ царемъ,
Царемъ Димитріемъ Иваповичемъ Углецкимъ.

[5]) Въ вар. а) это выражено уже двумя стихами: „Ужели онъ Разстрига на царство сѣлъ? Не долго Разстрига на царствѣ сидѣлъ." — [6]) Слѣдующіе стихи короче, какъ на примѣръ въ вар. а); то есть до настоящей мѣры должны быть пополнены концомъ предыдущихъ, какъ и есть у насъ въ главномъ текстѣ. Кромѣ того напѣвъ былины, сохраненный у Кирши, показываетъ, что конецъ стиха каждаго повторялся: этотъ повторяемый отрѣзокъ и есть въ настоящемъ случаѣ „проклятой Литвѣ."

Проклятой Литвѣ, у Юрья пана Стредомірского [1]),
Беретъ онъ Маринку дочь Юрьеву.
А свадба была на вешней праздникъ,
а) На вешней праздникъ Миколинъ день [2]):
Миколинъ день былъ въ пятницу,
А у Гришки свадба въ четвертокъ была [3]);
Стали благовѣстить къ заутрнѣ,
У святаго Михайла Архангела,
Гдѣ кладутся цари благовѣрныя,
Благовѣрныя, благочестивыя [4]),
Бояра пошли ко заутрнѣ,
Ко святому Михайлу Архангелу,
А Гришка Ростriга въ баню пошелъ
Съ своею Маринкою дочь-Юрьевоій [5]);
Бояря идутъ отъ заутрни,
А Гришка Ростriга изъ бани идетъ,
Шуба на немъ соболиная [6]),
На Маринкѣ саянъ [7]) краснаго [8]) золота.

---

[1]) Осмыслено, подобно словамъ „середокрестный, средопостный;“ показываетъ народное употребленіе былины; б) „Сендофорсково.“ — [2]) Это повтореніе, сохраненное варіантомъ а), непремѣнно было: но, какъ повтореніе, не записано въ нашемъ текстѣ, тѣмъ болѣе, что слѣдующій стихъ опять начинается словами: „Миколинъ день.“ — Вар. б), какъ позднѣйшій, современный намъ, обобщилъ: „не въ удобной день.“ — [3]) Вар. а) обратно: „Въ четвергъ у Разстриги свадьба была, А въ пятницу праздникъ Николинъ день.“ — [4]) Всѣ эти мѣстныя черты объ Архангельскомъ соборѣ уже опущены въ вар. а), записанномъ вѣроятно въ Сибири, между сѣверовосточными украйнами, и въ вар. б), записанномъ въ Нижегородской губ. — [5]) Этотъ старый оборотъ, мы видѣли, уже въ концѣ XVII вѣка потребовалъ исправленія. — [6]) Вар. а) добавляетъ: „рубашка кисейная,“ особенность женственная, странная нашимъ предкамъ: барокъ накрахмаленный, тогда употреблявшійся въ Польшѣ и Литвѣ. — [7]) Обыкновенно объясняется словомъ восточнымъ: но мы убѣдились, по Бѣлорусскимъ и Польскимъ памятникамъ, что это отъ матеріи, привозившейся съ юга, Итальянская *Сол* или *Сая*, травчатая, шолковая; такъ и называлась у насъ одежа, обыкновенно женская, а самая матерія—извѣстная *камка*; отъ того въ вар. а), какъ и въ другихъ пѣсняхъ, „сонмъ хрущатой камки,“ а у насъ „краснаго золота,“ протканая золотомъ; легче парчи, пополамъ съ шолкомъ, или легкая, не чисто-металлическая парча. Сравнительно

Входитъ на Крылечко: на Красное,
Вскричитъ онъ—взвопитъ громкимъ голосомъ:
«Есть ли у меня пушкари!
«Свезите снарядъ-пушки [1]) за́ городъ,
«За тѣ ли вороты Серпуховскія:
«Завтрѣ у меня пиръ будетъ,
«Для ради тестя любимого [2]).»
Какъ пошелъ на крылечко на заднее,
Скрычитъ онъ—возвопилъ громкимъ голосомъ:
«Есть ли у меня по́вары [3]),
«Мои батюшковы приспѣшнички!
«Варите вы яству скоромную и поспую,
«Скоромную ѣству—гуси-лебеди,
«А поспую ѣству—рыбу бѣлую:
«Завтрѣ у меня пиръ будетъ,
«Ради тестя любимова,
«Про Юрья пана Стредомірскаго [4]).»
Скоромную ѣству самъ кушаетъ,
А поспу ѣству роздачей даётъ [5]);
А мѣстные шконы подъ себя стелетъ,
А чюдны кресты подъ пяты кладётъ [6]).

же съ прочими шолковыми матеріями, она была плотнѣе, хрустѣла, производила шелестъ, откуда названіе „хрущатой.“ Впослѣдствіи названіе перешло и на бумажныя матеріи, и шерстяныя травчатыя, а нынче это у простаго народа по нѣкоторымъ губерніямъ всякая исподница и крашенинный сарафанъ; вар. б) обобщаетъ: „рытово бархата.“ Восточное, извѣстное Сербамъ, „Диба и Кадиба.“ — [8]) Для размѣра, вторая рука исправила „красна.“

[1]) *Снарядъ, нарядъ*, техническое имя для древней артиллеріи. — [2]) Эти послѣднія подробности, извѣстныя изъ исторіи Лжедимитрія и знакомыя Москвичу, уже опущены въ вар. а) и б). — У насъ же, суди по слѣдующему, опущено дополненіе: „Про Юрья пана Стредомірскаго.“ — [3]) Вар. б) счелъ уже полезнымъ прибавить и пояснить: „*кухари* и повары“ — [4]) Вар. а) помнитъ еще, что „Юрья панъ — гость дорогой;“ а новый б) представляетъ его уже незваным: „незваной гость“ — [5]) Прочимъ Русскимъ, за столомъ и на домъ въ жалованье. — [6]) Доказательство народнаго склада былины: такова была молва въ народѣ, распущенная сверху.

И тутъ же бояра домышлялися,
И думны дьяки догадалися [1]).
Бросалися-кидалися въ дѣвичей монастырь [2])
Ко шокѣ къ Марѳѣ Ивановнѣ [3]):
««Ты свѣтъ наша матушка,
««Инока Марѳа Ивановна!
««Прямой ли царь на царствѣ сидитъ,
««Твое дитя рожденное,
««Что Дмитрій Царевичь Углицкой?
««Только дѣлаетъ не по царскому [4]):
««Скоромную ѣству самъ кушаетъ,
««А постную ѣству въ роздачи дастъ,
««А мѣстные иконы подъ себя стелетъ,
««А чюдны кресты подъ пяты кладётъ.»»
Что зговоритъ наша матушка,
Инока Марѳа Ивановна [5]):
—Вы глупы бояря—неразумные!
—Вѣстимо [6]) Богу (и) всей Земли,
—Что потерянъ [7]) князь Дмитрей на Угличѣ [8])

---

[1]) Опять доказательство современности и Московскаго мѣсторожденія нашей былины въ старшей редакціи: перечислены неподобныя дѣйствія Разстриги, и какъ слѣдствіе, догадки бояръ и дьяковъ; въ вар. а) вмѣсто того уже „стрѣльцы," а въ б) „*князья* и бояря," притомъ они испугались единственно *пріѣзда Юрьева*: „За *то-то слово* спохватилися;" „всѣ князья и бояря *испужалися*."—[2]) Опять: вар. а) поставилъ „Боголюбовъ," любимый, такъ сказать„ техническій" въ нашихъ былинахъ; а б) еще хуже—„Чудовъ."—[3]) Вар. а) „Марѳа Матвѣевна," вар. б) „Олёна Михайловна."—[4]) Вар. б) „А ведетъ сея не по царскому;" подробности же, чѣмъ не по царскому, въ обоихъ варіантахъ уже затерянны.—[5]) Позднѣйшіе варіанты ввели уже черту мелодраматическую: „заплакала, горючи слезы, во слезахъ."—[6]) Слово, уцѣлѣвшее доселѣ въ простонародьѣ: вѣдомо, извѣстно.—[7]) Убитъ:. „Князь Романъ жену *теряль*."—[8]) Здѣсь кончается первая, старшая редакція былины, современная событію: дальнѣйшая прибавка о мощахъ въ соборѣ принадлежитъ уже эпохѣ послѣ Шуйскаго и потому вставлена нами въ скобки. Ту же прибавку вставляютъ оба варіанта а) и б), а вар. а), по отдаленности мѣста, гдѣ записана былина, предполагаетъ соборъ „у чудной Софіи Премудрыя," какъ въ Новгородѣ, и дополняетъ еще болѣе поздніе подробности, распространившіяся въ народѣ,

(—Ево мощи лежатъ въ комянно́й Москвѣ,
—У светаго Михайла Архангела,
—Гдѣ кладутца цари благовѣрные,
—Благовѣрныя, благочестивыя).—
. . . . . [1])
Что зговоритъ наша матушка,
Что инока Марѳа Ивановна:
—Пріѣзжаетъ съ угрозою,
—Привозитъ наголо́ саблю вострую [2]),
—Велитъ называти своимъ сыномъ,
—Княземъ Димитріемъ Царевичемъ Углицкимъ.—

И тутъ же бояря [3]) догадалися
И думныя дьяки домышлялися.
Выбирали себѣ дьяка думнова,
Того ли Петрушку Басманикова [4]),
Посылаютъ въ полаты во царскіе,
Велятъ говорить не съ упадкою [5]):
—Помнишь ли, Гришка, спомяту́ешь ли,
—Вмѣстѣ мы грамотѣ съ тобой учлися,

о томъ, что Царевичъ потерянъ „отъ бояръ Годуновыихъ," о томъ, что въ соборѣ каждый праздникъ панихиды и Годуновымъ проклятія, столь долго, какъ извѣстно, длившіяся.

[1]) Тутъ очевидный перерывъ и пропускъ: въ вар. б) былина знаменательно здѣсь и кончается, а вар. а) пропускаетъ стихи, у насъ въ старшей редакціи еще уцѣлѣвшіе. Именно, въ ней уцѣлѣлъ еще отвѣтъ Марѳы Ивановны, доказывающій, по былинѣ, что ее, послѣ признанія, естественно спрашивали: „За чѣмъ же прежде назвала ты его своимъ сыномъ?" Но такая историческая подробно́сть была уже слишкомъ тонка и мелка для памяти народнаго творчества: уцѣлѣлъ отрывочно только „отвѣтъ" Марѳы Ивановны, а слѣдующій по времени вар. а) потерялъ и самый отвѣтъ. — [2]) То есть: „Что же мнѣ было дѣлать, когда онъ прямо пріѣзжаетъ ко мнѣ съ угрозою, грозитъ вострой саблей, велитъ называть сыномъ," и т. д.? — [3]) Вар. а) опять „стрѣльцы." [4]) Конечно вмѣсто „Басманникова," по недослышкѣ записавшаго былину или ошибкѣ. — [5]) Безъ страху, смѣло: обычное выраженіе въ нашихъ былинахъ.— Вся эта подробность совершенно потеряна въ вар. а). Но она, сколько мы знаемъ, неизвѣстна и въ исторіи по памятникамъ, а между

—Во томъ монастырѣ во Чюдовѣ [1])?
—Ты былъ, Гришка, чернымъ дьякономъ [2]),
—А я былъ на крылосѣ псаломщикомъ [3])?—

Видитъ же Гришка (бѣду) немшучею [4]),
Пошелъ въ Полаты во На́бережны,
Изъ Набережныхъ на Житной (дворъ) [5])
. . . . . [6])

*

тѣмъ необыкновенно важна. Съ одной стороны она свидѣтельствуетъ, что попала въ былину уже нѣсколько позднѣе, послѣ Шуйскаго и при Романовыхъ, когда второе по Самозванцѣ поколѣніе стало забывать, кто былъ Петръ Басмановъ; во вторыхъ ясно показываетъ, какіе слухи были пущены тогда въ народъ сверху. Это варіантъ къ извѣстному провозглашенію: „винится, самъ повинился!“

[1]) Выраженія и складъ стиховъ совершенно такіе же, какіе извѣстны по другимъ нашимъ Былинамъ и Стихамъ: а по содержанію, тотъ же мотивъ повторяется въ старшихъ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ и его училищномъ товарищѣ Калѣчищѣ, см. вып. 1 и 4. — [2]) Іеродіакономъ. — [3]) Независимо отъ сей вымышленной обстановки, нѣкоторыя основанія къ ней могли быть тѣ, что конечно Басмановъ могъ пѣвать на крылосѣ и—якобы—видать Гришку, и—якобы—потомъ уличить его. — [4]) Считаемъ себя совершенно въ правѣ вставить опущенное слово „бѣду,“ по смыслу и подобнымъ примѣрамъ другихъ былинъ. — [5]) Также очевидно, что за прерваннымъ листикомъ слѣдовало здѣсь „дворъ,“ нами и вставленное. — [6]) Ничто не замѣнитъ намъ отсутствія конца этой драгоцѣнной былины, хотя конечно нѣсколькихъ только словъ: новой приписки, нами выше помянутой, мы не признаемъ достовѣрною, а варіантъ а), по отдаленности мѣста и времени, ударился въ образы совершенно произвольные: у него Гришка „въ верхни чердаки убирается и на крѣпко запирается,“ потомъ „*догадлива была*, бросался онъ со тѣхъ чердаковъ на копья острыя (вмѣсто „брошенъ“),“ а про Марину, какъ она обернулась въ сороку и вылетѣла, разсказано то же, что про знаменитую соблазнительницу Добрыни, и на оборотъ въ былины о Добрынѣ вставлена *Маринка* Сендомірская (см. у насъ вып. 2-й и Рыбниковское собраніе).

*

При всей той важности, какую мы придаемъ устному народному творчеству и памятникамъ его, уцѣлѣвшимъ въ устахъ доселѣ, при всей самобытной и самостоятельной подлинности его, авторитетъ которой столь извѣстенъ и постоянно доказывается нашими изданіями, тѣмъ не менѣе и даже тѣмъ болѣе придаемъ мы важность, вѣроятно теперь очевидную и читателямъ, когда тѣ же памятники устнаго творчества *записаны* и уцѣлѣли до насъ въ извѣстныхъ, болѣе или менѣе старинныхъ *рукописяхъ*, съ явными признаками времени ихъ, мѣста и происхожденія. Рукописи эти 1) убѣждаютъ насъ, что былины слагались въ народѣ, цѣломъ народѣ, непосредственно въ слѣдъ за событіями, тотчасъ же или близко къ нимъ, и столь же быстро распространялись: все равно, слагались ли въ слояхъ высшихъ,—отсюда шли по всѣмъ направленіямъ, и къ низшимъ слоямъ, по однородности народной жизни съ сими послѣдними, до самаго простанародья, которое въ старину отличалось лишь *степенью* образованія, развитія и средствъ; слагались ли внизу,—отпечатлѣвали въ себѣ всѣ черты и образы жизни, шедшей по видимому или, съ нашей точки зрѣнія, въ области высшей, въ области политической, государственной, привилегированной, крупной, рѣшавшей всѣ судьбы государства, судьбы общества, народа, быта. 2) Рядами послѣдовательныхъ рукописей и потомъ сравненіемъ съ современными памятниками въ устахъ народа, указывается путь, какъ и въ чемъ былины измѣнялись, смотря по отдаленности мѣста и времени, а съ другой стороны, какъ многое и сохранялось, сохранялось столь бережно, что на примѣръ, по приведеннымъ выше образцамъ, Сибирь прошлаго вѣка и Нижегородская область нашихъ дней повторяетъ точь въ точь многія слова и выраженія (не говоря уже о содержаніи и складѣ общемъ), имѣвшія мѣсто и записанныя въ Москвѣ лѣтъ за сто и за двѣсти. 3) Рукописи сего рода, опредѣленнаго времени, въ пособіе къ разъясненію нынѣ поющихся былинъ и прочихъ пѣсней, даютъ неопровер-

жимыя данныя *языка*, чтобы видѣть, какъ онъ—отчасти—измѣнялся, а гораздо еще болѣе, какъ онъ уцѣлѣлъ доселѣ почти цѣликомъ, видоизмѣняясь лишь по областнымъ нарѣчіямъ, а въ сущности, на нѣсколько сотъ лѣтъ, составляя единый, особенный *Эпическій* языкъ, языкъ Былеваго народнаго творчества, съ своеобразными пріемами, складомъ, формами, оборотами, даже удареніями слова. Тутъ конечно замѣтны послѣдовательныя эпохи, своего рода періоды: но именно *своего рода*, въ одномъ и томъ же эпическомъ, былевомъ или былинномъ языкѣ, и объ сихъ измѣненіяхъ мы отчасти упомянемъ вкратцѣ еще ниже. За то теперь столько уже данныхъ для науки, что всякій, чуть не ребенокъ, можетъ отличить языкъ древней Былины отъ позднѣшей, языкъ Былины и Стиха отъ другихъ Пѣсней, языкъ чисто-устнаго творчества отъ примѣси книжнаго, а тѣмъ болѣе подправки или поддѣлки въ родѣ конца прошлаго вѣка, въ родѣ Державинскихъ и Дмитріевскихъ, въ родѣ Макаровскихъ и Сахаровскихъ, вплоть до самаго Лукояна Берендѣевича и до извращенія въ Стихахъ и Сказаніяхъ Старообрядческихъ или вообще раскольничьихъ. Неопровержимыя данныя, о коихъ мы говоримъ, конечно послужатъ отрезвленіемъ и для тѣхъ нашихъ критиковъ, кои, сами нѣкогда издававши (хотя и съ ошибками, и опечатками) народные памятники, не усумнились голословно, въ печати или громкой рѣчи, заявлять, по мѣрѣ появленія изданій, что языкъ собранія Кирѣевскаго и Рыбникова измѣненъ, подправленъ и поддѣланъ, что такъ же ненадеженъ языкъ «Калѣкъ Перехожихъ,» что присочиненъ языкъ въ Толковомъ Словарѣ нашего ветерана В. И. Даля, что измѣненъ языкъ памятниковъ въ изданіяхъ О. М. Бодянскаго. Изъ одной и той же избы шли и идутъ онѣ, однѣ и тѣ же вѣсти: другіе издатели отвѣчали на нихъ столь же открытыми возраженіями и вызовами на указаніе фактовъ; мы полагаемъ, что даже признавать такія сомнѣнія серьёзными значило бы ронять собственное достоинство, и достоинство подлинниковъ, и достоинство сомнѣвающагося; просто—

такому языковѣду и ученому, по цѣху и привилегіи, должно быть стыдно передъ лицомъ науки.

Теперь приведемъ цѣликомъ помянутый выше варіантъ былины о Лжедимитріѣ изъ современнаго намъ устнаго употребленія:

1.

(Село Павлово, Нижегор. губ.).

Владыко Царю Вседержителю!
Да за што Ты на насъ, Госпо́ди, прогнѣви́лся,
Послалъ намъ, Господи, прелéсника,
Тово ли Гришку Отреплева?
Онъ прельстилъ собака цѣлы три о́рды:
Перва о́рда—проклята́ Литва,
А друга о́рда—хана Крымсково,
Третья о́рда—басурма́ны Запорожскіе;
Онъ взмутилъ собака православну Русь.

Не успѣлъ онъ собака воцари́тиса,
Захотѣлъ собака женитиса:
Не у насъ-та онъ, братцы, беретъ въ каменно́й Москвѣ,
Онъ беретъ-же, братцы, въ проклято́й Литвѣ,
У тово ли у Юрья пана Сендофорсково,
Ту ли Маринку дочь Ю́рову.
Онъ и дѣлатъ сварьбу не въ удобной день,
На тотъ ли на праздникъ на Николинъ день:
Всѣ князья-боя́ря къ заутренѣ пошли,
А Гришка съ Маринкой въ баню пошолъ;
Всѣ князья-бояря отъ заутрени идутъ,
А Гришка съ Маринкой изъ бани идётъ,
На Гришкѣ одёжа чёрново со́боля,

На Маринкѣ одёжа рытово бархата.
Онъ восходитъ собака на Красёнъ Крылецъ,
Онъ воскрикнетъ собака громкимъ голосомъ.
«Пиша есь ли у меня кухари и повары!
«Стряпали бы посно и скоромное:
«Пріѣдетъ ко мнѣ незваной гость,
«Незваной гость, любимой тесть.»

Всѣ князья и бояря испужалися,
Во Чудовъ монастырь набросалися *)
Къ той ли нашой государынѣ:
««Ужь ты матушка наша государыня,
««Православная Олёна Михайловна!
««Твоя-тъ сынъ на Царство сѣлъ:
««А ведетъ сея не по царскому.»»
Тутъ заплакала государыня горючи слезы:
—Ужь вы глупые бояря—неразумные!
—Моя-тъ сынъ на Угличѣ убитъ,
—Лежатъ ёво мошши въ каменной Москвѣ,
—Въ тѣмъ ли соборѣ Михайла Арханьела.—

(Запис. свящ. Ѳаворскимъ; ср. Нов. А. Н. т. I).

Ничто не вознаградитъ насъ за тотъ уронъ въ Русской литературѣ, что древнія наши Былины, преимущественно изъ круга Владимірова и области Кіевской, вообще Юго-западной, а также Новгородскія и отчасти древнѣйшія Княжескія, не записаны *современно* ихъ происхожденію, но крайности *благовременно*, по рукописямъ, и остались только въ современномъ устномъ употребленіи простаго народа нашихъ дней: знаменитое «Слово о Полку Игоревѣ,» изложенное «по Былинамъ» то-

*) Вѣроятно опечатка вмѣсто „побросалися.“

го времени, все-таки есть *сочиненіе*, а не самыя Былины, и притомъ дошло къ намъ въ рукописи относительно младшей; «Сказаніе о Мамаевомъ Побоищѣ» и всѣ «Слова» того же рода, возникшія на томъ же основаніи народнаго творчества, представляютъ еще болѣе книжную обработку; записанное Киршей Даниловымъ слишкомъ опоздало передъ этой до-Московской древностью. «Горе-Злочастіе» долею Стихъ, а что́ есть въ немъ мірскаго Былиннаго, служитъ родоначаліемъ конечно старшихъ, но всё же Безъимянныхъ или Молодецкихъ пѣсень, въ родѣ помянутыхъ нами выше Былинъ о Горѣ и Безвремянномъ Молодцѣ, притомъ носитъ на себѣ печать той же книжной обработки и уцѣлѣло въ рукописи XVII вѣка. Стихи духовные, между коими иные близки къ Былинамъ, записывались конечно въ бо́льшемъ обиліи, но также не раньше: намъ неизвѣстно сборника ихъ старше XVII вѣка по рукописи, а въ нашемъ частномъ собраніи сосредоточено все, что́ есть въ семъ отдѣлѣ самаго старшаго. Наконецъ изъ Владиміровыхъ, Богатырскихъ Былинъ напечатана нами въ 4-мъ выпускѣ, изъ «Памятн. старин. русск. литер.,» одна совершенно разрушившаяся въ Побывальщину и даже Сказку, а потому и названная «*Сказаніемъ* о седми русскихъ богатыряхъ,» по рукописи не старше конца XVII вѣка.

Итакъ, *рукописная* документальность выпала на долю лишь *Московскихъ*, сравнительно младшихъ, Былинъ: въ этомъ отношеніи онѣ всѣхъ счастливѣе.—Изъ нихъ немногіе отрывки до Грознаго относятся еще къ особому разряду Княжескихъ. Былины о Грозномъ, коими начинаются Московскія, напечатанныя въ нашемъ 6-мъ выпускѣ, дышатъ всею современностію сложенія ихъ, шагъ за шагомъ событія: но также еще ни однимъ образцемъ не записаны по рукописямъ XVI вѣка. Собственно первая Московская былина, здѣсь выше помѣщенная и документально записанная въ старой рукописи, о нашествіи Крымскаго хана, восходитъ по событію къ 1591-му, по времени рукописи къ 1619 или не дальше какъ 1620-му году. Распро-

страненіе ли книжности, или поспѣшность уберечь остатки народнаго творчества среди наступившаго и долго длившагося тогдашняго разгрома и переполоха, только отселѣ рукописи уже не покидаютъ народнаго былеваго творчества на превратности единственнаго устнаго употребленія. Послѣ рукописи Ричарда Джемса, вскорѣ намъ сберегается рукопись, съ коей печатали мы выше текстъ о Лжедимитріѣ, не моложе, по происхожденію, временъ Михаила Ѳедоровича. Она пересматривается, рукописно же, въ 1688 году. Слѣдующій за тѣмъ собиратель былинъ, записавшій намъ ихъ, Кирша Даниловъ жилъ конечно въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, судя по тому, что сборникъ его кончается былинами о свѣжихъ событіяхъ конца XVII вѣка, о Разинѣ, рожденіи Петра I-го, атаманѣ Флорѣ Минаевичѣ и т. п. Рукопись его, съ которой печаталъ Якубовичь, потомъ К. Ѳ. Калайдовичь «Древнія Россійскія Стихотворенія,» по несчастнымъ судьбамъ нашей литературы, нынѣ всё-таки пропала (изъ Имп. Публ. Библіотеки, при директорствѣ, какъ говорятъ, незабвеннаго А. Х. Востокова). Мы можемъ предполагать съ вѣроятностью, что подлинникъ ея восходилъ къ концу XVII вѣка. Та, съ которой печаталось, отнесена самовидцемъ К. Ѳ. Калайдовичемъ къ половинѣ XVIII вѣка. Изъ нея-то впервые познакомилась образованная и изучающая Русь съ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ своего древнѣйшаго былеваго народнаго творчества: стало быть, по рукописи, съ половины XVIII, по печати съ 1804 и 1818 года, если не считать здѣсь нѣсколькихъ образцевъ въ старшихъ печатныхъ пѣсенникахъ. Такимъ образомъ, послѣ рукописи «о седми Русскихъ богатыряхъ,» для старшихъ своихъ Былинъ, Владиміровыхъ, Богатырскихъ, Кіевскихъ, Новгородскихъ и отчасти Княжескихъ (изъ сихъ послѣднихъ замѣтна основа и въ Сл. о П. И.), нынѣшняя Русь имѣетъ *рукописную* основу съ половины XVIII вѣка: Московскія Былины опять счастливѣе и старше своимъ *рукописнымъ* возрастомъ. Онѣ и у Кирши несравненно свѣжѣе, яснѣе чертами близкой современности, и даже опредѣленнѣе, ибо съ Грозна-

го идутъ шагъ за шагомъ до Петра I-го и даже выражаютъ стремленіе творчества опредѣлить свою эпоху *годами*. Такъ въ былинѣ о Скопинѣ, напечатанной у насъ выше на стр. 11—16 изъ Кирши, хотя и ошибочно въ отношеніи лица Скопина, опредѣляется время—«во сто двадцать седьмомъ году осьмой тысячи,» 1619 года,—замѣчательно, того же самаго, съ котораго начинается Джемсова рукопись былинъ. Немаловажнымъ обстоятельствомъ служитъ и то, что въ рукописи Кирши, хотя бы она была и копія съ подлинника, впервые получили мы *ноты* для нашихъ Былинъ. Для Стиховъ есть старше, крюки XVII вѣка и даже собственноручная музыкальная рукопись знаменитаго знатока нашей древней музыки, Александра Мезенца (въ нашемъ собраніи; см. Предисловіе въ 6-му вып. «Калѣкъ Перехожихъ»). Но для Былинъ, для напѣва ихъ, опять первая данная въ рукописи Кирши, съ половины XVIII-го. И, хотя аккуратнѣйшій К. Ѳ. Калайдовичъ допустилъ, что въ печатномъ изданіи Шпревичъ «*исправилъ* (!) азбучныя ошибки» подлинника, тѣмъ не менѣе главный характеръ напѣвовъ не оставляетъ сомнѣваться въ высокомъ достоинствѣ ихъ и глубокой древности, по крайности въ существенныхъ, *неисправленныхъ* частяхъ. Какъ бы то ни было, только въ слѣдъ за Рукописью собранія Кирши, тотчасъ же, съ половины же XVIII вѣка, начинаются у насъ уже Печатныя изданія Пѣсень, Чулкова, Трутовскаго, Новикова и т. д., притомъ также съ нотами, каковы пѣсенники Трутовскаго, Герстенберга, Прача (лучшіе и старшіе всѣ появились въ Петербургѣ, съ половины до конца прошлаго вѣка). Здѣсь, какъ извѣстно, отпечатано, и до второй четверти нашего вѣка неизмѣнно перепечатывалось, между прочимъ нѣсколько Былинъ: замѣчательно—не Кіевскихъ, не Новгородскихъ и Княжескихъ, а именно Суздальскихъ и Московскихъ, о Суровцѣ, Грозномъ и Скопинѣ, потомъ изъ временъ Алексѣя Михайловича, а съ Петра I-го уже шагъ за шагомъ, въ слѣдъ за событіями. Этимъ доказывается, да и безъ того извѣстно, что собранія сіи, преданныя печати, составля-

лись именно въ Россіи срединной, Московской, Царственной и Императорской. Притомъ, какъ извѣстно, издатели всѣхъ первыхъ, старшихъ нашихъ печатныхъ пѣсенниковъ, за исключеніемъ весьма немногихъ образцевъ, при случаѣ ими записанныхъ и вставленныхъ, сами изъ устъ народа не собирали, не добывали по разнымъ краямъ Россіи, а напротивъ печатали *съ готовыхъ рукописныхъ сборниковъ*, составленныхъ, несомнѣнно по всѣмъ признакамъ, въ срединной Россіи, особенно въ Москвѣ и, по радіусамъ ея вліянія, преимущественно въ окрестныхъ помѣстьяхъ. Такихъ рукописныхъ сборниковъ, изъ конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, дошло много и до насъ, хотя, правду сказать, противъ печатныхъ изданій, дѣлавшихся со многихъ рукописей, сборники сіи представляютъ мало особеннаго (они есть въ собраніи П. В. Кирѣевскаго, Н. С. Тихонравова и у насъ). Замѣчателенъ былъ, между прочимъ, рукописный сборникъ, конца прошлаго вѣка, *Сопиковскій*, отчасти давшій содержаніе 1-му изданію Сопиковскаго Пѣсенника, а потомъ затерянный, снова найденный С. А. Соболевскимъ, переданный имъ П. В. Кирѣевскому и въ библіотекѣ сего послѣдняго снова для насъ затерянный. Слѣдовательно и здѣсь опять, въ эпоху уже болѣе позднюю, счастіе послужило преимущественно, почти исключительно, Былинамъ Московскимъ: сберегло для нихъ рукописную и печатную документальность.— Такъ длилось до второй четверти нашего вѣка: съ тѣхъ поръ, въ обратномъ отношеніи къ громадному обилію печатныхъ изданій, пѣсенники наши, крайне бѣдные относительно содержанія, не подновлялись—и даже доселѣ не подновляются—ни заимствованіями изъ рукописей, ни новою записью изъ устъ народа, изъ неподдѣльнаго (хотя конечно и измѣнчиваго) источника. Изданія Сахарова и Терещенки (послѣднее крайне почтенное) въ дѣлѣ Былеваго творчества или только перепечатали старое, или скрыли свои источники, то есть бумаги, мѣсто, лицъ записавшихъ и т. п., такъ что все это нынѣ исчезло безъ слѣда и—документальности нѣтъ. Новая же эпоха собира-

нія и записыванія,—говоримъ здѣсь преимущественно о памятникахъ Былеваго Творчества,—началась для Россіи со 2-й четверти нашего вѣка, съ трудовъ П. В. Кирѣевскаго. Его собраніе отличается тѣмъ, что 1) исключительно обратилось къ устному современному употребленію, записавъ только то, что́ сохранилось доселѣ въ устахъ народа; 2) совершено, черезъ самого собирателя или содѣйствовавшихъ лицъ, по всѣмъ главнымъ краямъ Россіи; 3) по тому самому между прочимъ вошли сюда по возможности всякого рода Былины, гдѣ либо уцѣлѣвшія, и Кіевскія, и Новгородскія, и Княжескія, что́ только разнесено было по разнымъ краямъ изъ главныхъ средоточій древней жизни. Московскія Былины, какъ можно видѣть изъ 6-го и 7-го выпуска, нашли здѣсь себѣ также важныя пополненія или дотолѣ неизвѣстные образцы. Послѣ явилось уже много собпрателей въ томъ же родѣ, хотя и не столь счастливыхъ, или не столь обширнаго объема. Счастливѣе другихъ оказался новѣйшій, П. Н. Рыбниковъ: печальный, но благословенный случай перенесъ его въ уголокъ, невѣдомый Кирѣевскому, но въ коемъ именно, въ глуши, по мхамъ и болотамъ, уцѣлѣли перлы нашего древнѣйшаго Былеваго Творчества, Владимірова-Кіевскаго, Новгородскаго и Княжескаго. Московскія Былины по отдаленности потеряли тамъ много своихъ историческихъ подробностей, даже перешли, какъ помянуто, въ Сказки или связались съ отдаленнѣйшимъ, Черноморскимъ и Придунайскимъ эпосомъ: но за то, рядомъ съ симъ эпосомъ и другими старшими былинами, во многомъ уберегли древній характеръ Былеваго склада и стиха. Однимъ словомъ, изъ всѣхъ прочихъ собраній, болѣе отрывочныхъ или не столь ясныхъ по способу изданія, собраніе Кирѣевскаго и Рыбникова, да еще собраніе, издаваемое неразрывно при сихъ обоихъ или же особо въ «Калѣкахъ перехожихъ,»—вотъ что нынѣ остается преимущественно документальнымъ: взятое прямо изъ устъ народа, оно бережется въ массѣ рукописей, кои, по мѣрѣ изданія, предназначаются или прямо переходятъ въ Музеи и другія публичныя учрежденія, гдѣ будутъ

во убѣжденіе всѣмъ и на глаза каждому храниться какъ письменный документъ народнаго устнаго творчества.

Изо всего этого должно быть ясно всякому, что Московскія Былины составляютъ нѣчто особое въ ряду другихъ: и по содержанію своему, и по относительно-позднѣйшему явленію, а потому и по близости къ событіямъ, ими воспѣтымъ, еще не такъ давнимъ для насъ самихъ; и по той послѣдовательности, съ какою сопровождаютъ онѣ теченіе нашей исторіи непрерывно шагъ за шагомъ; и по особенно-счастливымъ судьбамъ собиранія на собственномъ мѣстѣ ихъ происхожденія; и по документальности непрерывныхъ почти рукописей и печатныхъ изданій, въ коихъ уцѣлѣли онѣ или увѣковѣчены; и по срединности, общеизвѣстности, общепонятности и общеинтересности, какую имѣетъ Московское средоточіе для всей Россіи,—однимъ словомъ, по тѣмъ подробностямъ, кои слагаютъ характеръ въ подлинномъ смыслѣ *историческій*. П. В. Кирѣевскій называлъ еще «Историческими» всѣ вообще Былевыя пѣсни или Былины: мы достаточно имѣемъ данныхъ и образцовъ для сравненія, чтобы это названіе утвердить на всегда, какъ преимущество, за Былинами «Московскими.» Въ этомъ смыслѣ и ввели мы, и установили, и продолжаемъ поддерживать названіе,—всѣ другія произведенія Былеваго творчества, какъ старшія, Кіевскія, Новгородскія, Княжескія, такъ и младшія, Козацкія, Солдатскія, Безъимянныя, Молодецкія и т. п., именуя въ тѣсномъ смыслѣ *Былинами* или *Пѣснями Былевыми*, а Московскія именуя столь же тѣсно и собственно «Былинами *Историческими*» или «Пѣснями Былевыми—Историческими.»

Вмѣстѣ съ симъ главнымъ отличіемъ, историческимъ характеромъ, легко выступаютъ наружу и другія тѣсно связанныя отличія Московскихъ былинъ: послѣ первыхъ шести выпус-

ковъ, къ заключенію Московскихъ былинъ, именно мѣсто напомнить и вкратцѣ перечислить сіи отличія.—Здѣсь рукопись, спасшая отъ забвенія былину, стоитъ близко къ живому устному творчеству, съ коего снята какъ копія; устное творчество, по самому времени происхожденія, особенно близко къ воспѣтому событію; событіе сравнительно близко къ намъ, и оно же, какъ событіе срединной Русской жизни, Московской, одинаково близко всей Руси, еще многимъ памятно, а еслибы и нѣтъ, то живетъ во очью въ тысячѣ уцѣлѣвшихъ другихъ памятниковъ или продолжается доселѣ по своему вліянію и послѣдствіямъ. Уже этимъ самымъ установляется громадное отличіе отъ былинъ о событіяхъ и явленіяхъ, или отдаленныхъ по мѣсту и времени, или поглощенныхъ Московскою жизнію (которая много отшибла памяти у старины до-Московской), или слишкомъ отрывочныхъ и частныхъ, узко-мѣстныхъ или узко-личныхъ, а потому не столь общепонятныхъ, общедоступныхъ и общеинтересныхъ въ наше время. Судьбы эти конечно ближе всего отражаются на самомъ *языкѣ* Московскихъ былинъ. Старшая, до-Московская былина, хотя бы была записана со словъ сегодня и какъ бы ни была близка къ народу, всегда почти вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько словъ, выраженій и даже цѣлыхъ реченій или стиховъ, далекихъ отъ современнаго употребленія языка, мало понятныхъ или даже вовсе непонятныхъ, вообще требующихъ поясненія и примѣчанія. Какъ ни вѣрно преданіе, то есть послѣдовательная, бережная передача изъ устъ въ уста, но, по отдаленности времени, при случайно или невольно проникшей ошибкѣ, недомолвкѣ, перемолвкѣ, пропуску и излишеству, сама стойкость преданія заставляла часто поющаго съ косностью повторять непонятное, утратившее современный смыслъ, или же на оборотъ выходить изъ сей трудности крутымъ поворотомъ къ произвольной передѣлкѣ, къ рѣзкой вставкѣ, портящей старину. Совсѣмъ противуположное съ Московскими былинами. Какъ ни родственны онѣ со старшими, по одному и тому же въ сущности, былевому (эпическому) языку,

какъ, невольно или даже намѣренно, ни стараются поддержать сіе родство, а съ другой стороны, какъ ни окрашены идіотизмами нынѣшнихъ мѣстныхъ Русскихъ нарѣчій,—языкъ ихъ вообще такъ простъ, ясенъ и близокъ къ нашей современности, что легко и повторяется въ устахъ, не плодя ошибокъ, и доступенъ устамъ и уму каждаго современнаго Русскаго человѣка, лишь бы онъ былъ народенъ. Идіотизмы нарѣчія легко объясняются, вкравшіяся ошибки слишкомъ замѣтны, подлинность удобно и безъ особеннаго труда возстановляется. За то въ нихъ есть другая особенность: до-Московскія Былины сами въ себѣ не имѣютъ рѣшительно нигдѣ признаковъ и слѣдовъ стараго книжнаго языка, отчасти и потому, что древнѣйшая книжность не столько дѣлилась отъ господствовавшаго народнаго говора. Если онѣ записаны и вставлены въ *сочиненіе*, то замѣтно отъ него отдѣляются языкомъ, и сейчасъ вездѣ видно книжное вліяніе, какъ это случилось со Словомъ о полку Игоревѣ, а еще болѣе въ позднѣйшихъ, о Димитріѣ и Мамаѣ. Въ собственныхъ же Московскихъ Былинахъ.. весьма во многихъ и притомъ *внутри* самихъ былинъ, хотя бы онѣ употреблялись нынѣ устно, весьма замѣтно вліяніе *языка книжнаго*, и даже именно языка Московскихъ лѣтописей. Помянутые образцы и весь почти предлежащій 7-й выпускъ до очевидности въ томъ убѣждаютъ. Тутъ безъ труда убѣждаемся, что Былина возникла *рядомъ* съ прочими письменными памятниками, легко могла составляться подъ вліяніемъ ихъ, еще легче переходить въ нихъ, и отъ того-то, почти съ самаго начала, эти былины записываются, переходятъ постепенно въ печать, и даже указываютъ намъ путь, какъ изъ нихъ могли выродиться позднѣйшія Военныя, Солдатскія, Петербургскія, съ вычурными книжными выраженіями, а наконецъ и произведенія отдѣльныхъ сочинителей въ этомъ родѣ. Вліяніе личности, съ ея образованіемъ, книжнымъ и письменнымъ, здѣсь вообще замѣтнѣе въ творчествѣ, по самому языку.—Это какъ нельзя соотвѣтственнѣе согласуется и съ *характеромъ* самого *содержанія*, съ воззрѣніемъ, его проникаю-

щимъ. Содержаніе ближе отвѣчаетъ лѣтописямъ, а вмѣстѣ съ ними извѣстному историческому ходу событій: здѣсь же весь тотъ характеръ, который отличаетъ рѣзко событія Московскія, все Московское и вмѣстѣ съ тѣмъ Обще-Русское, позднѣе Россійское и Всероссійское. Нѣтъ мѣста той кажущейся широтѣ Кіевскаго періода, которая, имѣя свои отличія и притязая на объединеніе Руси, не исключала однако такихъ особенностей, какъ Новгородскія и Суздальскія, рѣзко-мѣстныя. При Московскихъ былинахъ не мыслимы рядомъ мѣстные отдѣлы: все постепенно сливается къ общему единству; развѣ только Литва упоминается еще, и то не на долго, самостоятельнымъ цѣлымъ, противувѣсомъ Москвѣ. Современное Югозападное, послѣ общей Старой Руси Кіевской, отдѣляется какъ нѣчто особое, Малорусское, съ кругомъ своихъ козацкихъ пѣсень и съ особымъ нарѣчіемъ: то и другое не заходитъ въ Московскія былины. Но лишь только простерлось туда общее Московское объединеніе съ конца XVII вѣка,—и въ новомъ періодѣ Руси Малороссія является, по былинамъ Московскимъ, не какъ Малороссія, а какъ поприще явленій и поступательныхъ шаговъ Московскаго государства. Конечно уже не мыслимы древніе богатыри и представители старыхъ мѣстностей, стараго состава Руси: они смѣняются, не теряя героизма, лицами историческими, дѣятелями, сосредоточенными около Московскаго центра, со стороны ли его государства, общества или народа. Князья, давшіе намъ особый разрядъ былинъ Княжескихъ, также точно поглощаются постепенно въ государствѣ Московскомъ, и вотъ почему скоро потомъ затериваются въ Безъимянныхъ удальцахъ и мо́лодцахъ. Однимъ словомъ, *государственность* на первомъ планѣ, съ Московскимъ царемъ и цѣлымъ царствомъ. Конечно при семъ не исчезаетъ народъ, ни общество и его отдѣльныя лица: но все это, и самый образъ ихъ, и даже драматизмъ, получаютъ свое значеніе и характеръ лишь по отношенію къ главному средоточію, къ господствующему воззрѣнію творчества. Прежде, въ Старшихъ былинахъ другихъ отдѣловъ, цѣ-

лый народъ извѣстной области можно созерцать и слѣдить по всѣмъ эпическимъ переходамъ независимо отъ Князя, свободно отъ Кіева, такъ что имя Князя, общее Владимірово, или имя Кіева является часто одной обстановкой, декораціей; столь же свободно и независимо тамъ проходитъ передъ нами явленіе извѣстнаго героическаго лица, со всею его былевой жизнію, иногда достигающей драматизма, но исключительно приковывающей къ себѣ наше вниманіе; въ Княжескихъ былинахъ еще болѣе мы въ состояніи забыть все внѣ положенія частныхъ, хотя и крупныхъ, лицъ; за Новгородскими готовы не видать остальной Руси. Въ Московскихъ же, явно, выиграна уже одна главняя сфера, одна господствующая постановка, все къ себѣ привлекающая въ извѣстныя отношенія, все обусловливающая, на все кладущая свою единую печать. Пожалуй, здѣсь даже яснѣе распредѣляются разные слои общества, и даже что-то похожее на своего рода сословность, и земство, отличаемое отъ царства-государства, и народъ, близко совпадающій съ земствомъ, а скоро отдѣляемый въ простонародіе, и судьбы лицъ, отдѣльныхъ личностей: но именно, потому это и отдѣляется для взора, и распредѣляется, что въ основѣ выработано нѣчто общее, по Московскимъ воззрѣніямъ главное, государство съ его интересами. Только эта, государственная, централизующая сфера, опредѣлившись сама, дала возможность опредѣлять точнѣе и различать другія части Русскаго организма. Не мѣсто здѣсь судить, на сколько это было успѣшно, хорошо или худо. Только очевидно, что лишь въ эту эпоху наступила пора сознанія болѣе яснаго, распредѣленія и разграниченія сферъ, не разлучнаго съ окрѣпшимъ сознаніемъ общаго, политически связующаго начала. Можетъ быть и политическое еще далеко было да своего полнаго объединенія, можетъ быть и терпѣли отъ первыхъ наступательныхъ шаговъ его другія части организма: только ясно уже, что этого политическаго ничѣмъ теперь не заслонишь, а оно еще не успѣло заслонить собою область общественную, народ-

ную и личную. Это всего виднѣе по слѣдующему признаку: съ одной стороны явно, что начинается особый, второй послѣ Кіевскаго и Новгородскаго, эпическій періодъ; но онъ не дошелъ до исключительности, до того, чтобы поглотить въ себѣ другія проявленія творчества, или повиснуть надъ ними деспотической апоѳеозой. Нѣтъ прежней плодовитости, безграничной широты, расплывчивости, цвѣтистости, яркихъ югозападныхъ картинъ, богатырскихъ образовъ, мѣстныхъ или индивидуальныхъ рѣзкостей, подобныхъ Новгородскимъ или Княжескимъ: однако не менѣе выразительности, не менѣе силы изображенія, величавыхъ подвиговъ, опредѣленно очерченныхъ лицъ. Довольно уже сказать, что не только не менѣе, а еще болѣе является здѣсь драматизма: прежнія былины, исключительнѣе выдерживающія отличія эпоса, даютъ конечно возможность *извлекать* изъ нихъ положенія, образы и черты драматическія; Московскія напротивъ сами *преисполнены* драматизма, дышатъ имъ, ихъ появленіе—первый рѣшительный шагъ изъ эпоса къ Русской драмѣ. И вотъ почему конечно всѣ наши нынѣшнія драмы, подъ перомъ Чаева, Островскаго и Толстаго, начинаютъ *отсюда*; вотъ объясненія превосходной попыткѣ Чаева, его *Пѣсни въ лицахъ* о Грозномъ царѣ и покушеніи на сына. Только отсюда мы начинаемъ пока свою драму, и только съ точки зрѣнія сей эпохи стали намъ раскрываться драматическія стороны въ эпохахъ старшихъ, въ родѣ Чаевской «Свекрови,» основанной на Княжескихъ былинахъ. Былины до-Московскія представляютъ богатое содержаніе Русской оперѣ, вообще сценической постановкѣ съ музыкой и пляскою: Московскія прямо приводятъ къ самостоятельной Русской драмѣ, готовятъ намъ на первый случай Еврипидовъ, и только на ихней почвѣ способны подготовить въ далекомъ будущемъ Софокловъ и Эсхиловъ, тѣхъ художниковъ, кои сочетаютъ драматизмъ съ эпическими обликами древнѣйшихъ богатырей. Нужно лишь помнить, что въ Московскихъ былинахъ драматизмъ *лицъ* есть всегда драматизмъ

не частнаго быта, не безграничной, неопредѣленной массы и не исключительной мѣстности, а всегда и вмѣстѣ—драматизмъ извѣстнаго *событія*, и притомъ событія *историческаго*, составляющаго звено въ ходѣ общей, центральной и главной, политической Русской исторіи. Одно лишь *Козачество*, начинающееся въ Московскихъ предѣлахъ и въ предѣлахъ Московскихъ былинъ собственно съ Грознаго и Ермака (см. 6-й выпускъ), какъ будто представляетъ что-то въ родѣ отдѣльной, самостоятельной области, отчасти даже несродной и враждебной съ главною. Но, стóитъ только сравнить сію область съ Малороссійскою, съ Былинами или Думами Малорусскими, чтобы видѣть все отличіе. Когда, по запустѣніи прежней Югозападной или Кіевской государственной области, обращенной въ становище Восточныхъ выходцевъ, старожилы, одного племени и языка съ общимъ Русскимъ или Великорусскимъ, ушли оттуда на всегда и размѣстились вокругъ занятаго уже Московскаго средоточія, по окраинамъ его, болѣе или менѣе отдаленнымъ, гдѣ и сберегли былины богатырскаго періода,—ихъ смѣнили новые поселенцы, того племени и нарѣчія, которое съ тѣхъ поръ понынѣ отличается болѣе узкимъ именованіемъ *Мало*-Русскаго. Подвинувшись въ старую область, по мѣрѣ ослабленія Восточниковъ, изъ Волыни и Подоліи, а еще далѣе изъ нынѣшней Галиціи и Карпатъ, они ничего не знали, какъ не знаютъ доселѣ, изъ былинъ о древнемъ Кіевскомъ періодѣ: ихъ Думы прямо начинаются съ *Козачества*, не старше его, не выше и не иначе, съ Козачества Малорусскаго, Украинскаго, потомъ Запорожскаго. Начало ихъ—не старше XVI вѣка, языкъ —нынѣшнее Малорусское нарѣчіе, содержаніе—подвиги Козачества, главные герои, около коихъ сосредоточены лучшія Думы,—герои того же козачества, гетманы, предводители полковъ. Главная идея, все проникающая,—конечно Русь и Вѣра Православная, но безъ опредѣленности политической или, лучше, съ одной опредѣленностью—Козаческою. Даже Земство, а съ нимъ собственно и Народъ, поглощаются Козачествомъ: это зем-

ство и народъ въ подвижномъ военномъ составѣ, въ формѣ дружинной, въ формѣ Краишниковъ или, что тоже, Козаковъ. Общества разумѣется нельзя и искать. Все сосредоточено на Козацкой *дружинѣ* и герояхъ ея, *лицахъ*. Бѣдствія или благо дружины, а чрезъ то бѣдствія или благо всѣхъ обитателей, борьба за Русскую народность, племенную и языковую, да за Вѣру, величавые образы главныхъ героевъ борьбы, со многими личными и частными ихъ особенностями, да богатыя картины богатой природы,—вотъ и все, хотя конечно совершенно достаточно и даже много для отдѣльной области, отрѣзавшейся въ Украйну или Краину, для нарѣчія, для пѣвцовъ на семъ нарѣчіи. Думы или былины сего рода отчасти повторяются и сберегаются понынѣ: общая, срединная, Великая Русь, какъ сказано, не принимаетъ въ нихъ участія, не вѣдаетъ ихъ, да и образованный слой узналъ объ нихъ сравнительно лишь недавно, черезъ печатныя собранія, съ начала нынѣшняго вѣка. То Козачество, нѣсколько болѣе позднее, которое, въ отличіе отъ Малорусскаго, слѣдуетъ вообще назвать Великорусскимъ или даже Московскимъ,—Донское, Яицкое и Гребенское, Сибирское, со всѣми его развѣтвленіями, конечно по происхожденію, а въ началѣ и характеромъ своимъ, довольно близко связывается съ Юго-Западнымъ, Малорусскимъ, и потому же сходны ихъ старшія Былины: такіе же подвиги дружинъ, выражающихъ или, по нуждѣ, смѣняющихъ мѣстное земство и народъ, по извѣстнымъ, требовавшимъ того, украйнамъ; тѣ же главные герои, атаманы, смѣнившіе гетмановъ, и около нихъ весь главный интересъ Былины; тѣ же картины круговъ, вольницы, вольнаго раздолья, степей, рѣкъ и моря; всего болѣе—тотъ же элементъ неопредѣленности, подвижности, расплывчивости, не совпадавшихъ ни съ государственнымъ средоточіемъ, ни съ интересами осѣлаго земства, ни съ выгодами развивающагося общества, и потому, сказали мы, въ творчествѣ нѣкоторая особенность отъ собственныхъ Московскихъ Былинъ, особенность, дѣлающая изъ Козацкихъ былинъ нѣсколько отличный отдѣлъ. Но за то въ семъ, Москов-

скомъ періодѣ, пріобрѣтено уже и вездѣ выражено главное средоточіе, а потому и Козачество, съ его Былинами, поставлено къ сему средоточію въ болѣе ясныя, а постепенно и совсѣмъ *опредѣленныя отношенія*: это оказываются то слуги и помощники, то рѣзкіе враги Московской исторіи, ея государства, общества, земства, народа. Самый первый представитель, Ермакъ, является, какъ мы видѣли въ 6-мъ выпускѣ, сперва врагомъ, загулявшимся и даже заворовавшимся удальцомъ, потомъ поставленъ творчествомъ въ услуги и пособіе Царю подъ Казанью, въ службу ему и въ покореніе ему цѣлаго новаго Края; въ смутное время Козачество разноситъ въ рознь Московскіе интересы; потомъ оно періодически покоряется, и Разинъ, сколько ни выражалъ собою подвижныхъ интересовъ мѣстныхъ,—относительно главнаго средоточія опредѣленно выставленъ врагомъ; за тѣмъ Флоръ Минаевъ снова выступаетъ пособникомъ, и съ нимъ, при началѣ Руси-Новой, преобразованной, исчезаетъ почти всякая отдѣльность, независимость и такъ сказать прекословность Козачества, ибо остальные, позднѣйшіе, такъ называемые «бунты,» суть уже чисто «народныя мѣстныя возстанія,» только *связанныя* съ Козачествомъ. Потому и Былины Козацкія, доизвѣстнаго предѣла времени, видѣли мы и видимъ, дополняютъ собою прочія и главныя «Московскія,» привходятъ къ нимъ, вставляются какъ отдѣльныя части общаго «Московскаго» состава. Московскія Былины XVI вѣка не полны, даже не мыслимы безъ пополненія, — безъ былинъ объ Ермакѣ, XVII вѣка—безъ Былинъ о козацкихъ смутахъ, безъ повѣсти о Карамышевѣ, безъ Разина, а подъ конецъ безъ Флора; языкъ же ихъ, въ самомъ началѣ рѣзко отдѣлившійся отъ Малорусскаго нарѣчія, есть Обще-Русскій или Великорусскій, съ оттѣнками мѣстныхъ подрѣчій, и то вскорѣ теряющимися. Такимъ образомъ Московское Былевое или Историческое пѣснотворчество постепенно вобрало въ себя Козацкую область, до того предѣла, когда, съ Петра 1-го, совершенно уже разложило всѣ Козацкія особенности подъ одинъ общій уровень Русскихъ пѣсень. То

же, замѣтили мы, совершила Московская Русь, съ конца XVII вѣка вступивши державною стопою своею на Югозападъ: съ тѣхъ поръ, на тамошней почвѣ и мѣстности, въ Русскомъ языкѣ, а не въ Малорусскомъ нарѣчіи, движется содержаніе «Московскихъ Былинъ» со всею ихъ особенностью. Подвиги Петра 1-го и Полтава изображены на юго-западной почвѣ совершенно тѣми же чертами и тѣмъ же языкомъ, какъ прочія Московскія Былины. За этимъ-то господствомъ Москвы въ Былевомъ творчествѣ, стерлись въ Малороссіи старыя Козацкія, Гетманскія Думы, или снисшедши глубоко внизъ, къ слѣпымъ, нынѣ вымирающимъ пѣвцамъ, или отъ всего цвѣтущаго періода, по всѣмъ признакамъ обильнаго образцами творчества, оставивши намъ одни отрывки. Самостоятельное Былевое творчество съ тѣхъ поръ совершенно тамъ подорвано: Думы разложились на мелкія Козацкія пѣсни, отчасти еще Былевыя, но совершенно уже такія же, какъ у насъ Безъимянныя и Молодецкія, съ козаками и козачками безъ имени. Когда позднѣе такъ называемая Литва подверглась той же политической и общественной участи, Московская или Общая, Великая Русь не нашла уже тамъ Былинъ о древнемъ періодѣ самостоятельной жизни: ихъ гораздо болѣе уцѣлѣло частями въ нашемъ же, Княжескомъ и Московскомъ творчествѣ, гдѣ столько разъ видѣли мы и Литву вообще, и Литовскихъ Королевичей, Князьковъ и Королей, и Настасью Полтовскую, и т. п. Нынѣ въ устномъ Былевомъ творчествѣ Сѣверозападный Бѣлорусскій Край представляетъ лишь размельчавшія «Козацкія пѣсни,» одинакія съ Малорусскими помянутыми и съ нашими Безъимянными или Молодецкими. Такимъ образомъ, съ прошлаго вѣка, весь сей послѣдній отдѣлъ совершенно сблизился, и въ Малорусскихъ, и Бѣлорусскихъ, и Великорусскихъ, образцахъ: вездѣ Безъимянный герой, Козакъ или Мóлодецъ. Тутъ еще можно, путемъ изслѣдованія, вскрывать черты и слѣды старыхъ атамановъ, гетмановъ, князей и даже богатырей; есть еще мелкія особенности, опредѣляющія отдѣлъ пѣсень «Были-

выхъ,» и мы даже особенно поставимъ его послѣ Московскихъ Историческихъ: но все это уже образцы *разложившагося* былаго творчества. А то, что́ ихъ разложило, а то, что́ продолжаетъ надъ ними господствовать, составляя для нихъ уясняющее средоточіе и опредѣленную мѣрку,—все это тѣ же Былины «Московскія,» о коихъ ведемъ мы рѣчь. Сюда же впослѣдствіи, изъ самой области Московской, перешли многіе, хотя поблѣднѣвшіе и потерявшіе имя образы Московскихъ Бояръ и Дворянъ, и здѣсь-то помянутые нами слѣды пѣсень «Боярскихъ». Итакъ, все сводится къ тому, что Московскія Былины начали, и опредѣлили, и создали совершенно отличный отъ прежняго періодъ Русскаго Былеваго Пѣснотворчества. Теченіе сего творчества располагается въ слѣдующей постепенности:

Отдаленнѣйшее начало нашего Былеваго Творчества, Эпосъ Черноморскій или Придунайскій, нѣкогда несомнѣнно весьма развитой, но, при нашимъ разселеніи въ нынѣшней мѣстности, отодвинувшійся въ памяти народа слишкомъ далеко, перешедшій въ область Сказочную, и оставившій намъ либо Сказочныя Былины, либо чисто-Сказки (см. о немъ выше и въ нашихъ «Замѣткахъ» къ прежнимъ выпускамъ, особенно же ко 2-й части собранія Рыбниковскаго).

Былины, или, лучше, одни скудные отрывки ихъ, связующіе помянутое начало съ Кіевомъ и Владиміромъ, какъ вступленіе къ симъ послѣднимъ: о богатыряхъ «Старшихъ,» стихійныхъ или космическихъ.

Въ *собственномъ* смыслѣ *Первый*, Старшій періодъ нашего Былеваго пѣснотворчества, неотъемлемый спутникъ и выразитель слагавшейся и сложившейся Руси въ нынѣшнемъ ея мѣстопребываніи, со складомъ, языкомъ, стихомъ и напѣвомъ, опредѣлившимъ все дальнѣйшее Эпическое теченіе Русскаго пѣснотворчества: собственно *Былины* (съ разложившимися Побывальщинами и Старинами), круга Владимірова, Богатырскія, Юго-западныя, Кіевскія (въ собирательномъ смыслѣ), рядомъ Новгородскія, начало Суздальскихъ и отчасти Княжескія.

Второй періодъ, Былины *Историческія*, Московскія (и собирательно, и въ тѣсномъ смыслѣ): періодъ, начинающійся съ Грознаго; неизмѣнно, хотя и съ поступательнымъ развитіемъ, продолжающійся до XVIII вѣка, а отчасти и понынѣ, ибо послѣ него еще ничего новаго не порождено въ области Былеваго, народнаго, устнаго, общерусскаго пѣснотворчества. Сюда, сказали мы, какъ неотъемлемая часть, входятъ и современныя двумъ вѣкамъ былины Козацкія, примыкающія къ «Московской» области творчества.

Былины Новой Руси, съ Петра 1-го, составляютъ или послѣдовательное ихъ продолженіе, или же, въ образцахъ Военныхъ и Солдатскихъ, постепенное искаженіе, мельчаніе и извращенія, до новаго, книжнаго уже сочиненія «поэмъ» и до произведеній искусства «посредственнаго,» до художественныхъ поэмъ въ родѣ «Полтавы.»

«Безъимянныя» или «Молодецкія» относятся къ обоимъ главнымъ періодамъ, какъ разложеніе Былинъ до простой *Пѣсни*, съ героемъ безъ имени и опредѣленной мѣстности, хотя и съ наслѣдованными отъ древности, былевыми чертами. Мѣсто имъ въ изданіи само собою указывается послѣ Историческихъ новѣйшихъ, Военныхъ и даже Солдатскихъ.

Малорусскія Думы стоятъ отъ сего теченія пѣснотворческой общерусской исторіи совершенно въ сторонѣ, какъ особнякъ: онѣ только роднятся позднѣе, когда, за одно съ Бѣлорусскими, входятъ въ общую область Русскихъ пѣсень Козацкихъ, Безъимянныхъ и Молодецкихъ, занимая съ сими послѣдними одно мѣсто.

Новый относительно перваго, Второй періодъ былинъ, Московскій, разумѣется долженъ былъ выразить и отпечатлѣть свои особенности въ самомъ *складѣ*, *стихѣ* и *напѣвѣ*.

Сколько можемъ судить по дошедшимъ къ намъ образцамъ, древнѣйшій, самый главный и лучшій нашъ Былевой или Былинный Складъ, согласно Сербскому творчеству, продолжающемуся доселѣ, основывался и покоился у насъ на *десяти-*

сложныхъ Стихахъ. Вотъ образцы изъ всѣхъ эпохъ творчества, даже до художественной, книжной поэзіи:

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
Онъ въ сидняхъ сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ.

Ужь ты батюшка, Ярославль городъ,
Ярославль городъ на красѣ стоитъ.

—

На Васильевскомъ славномъ островѣ
Молодой матросъ корабли снастилъ.

—

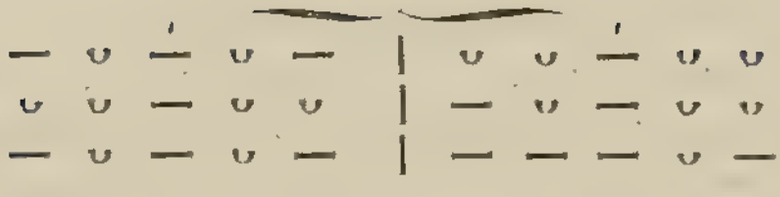
Ужь какъ палъ туманъ на сине море.

—

Сяду я за столъ да подумаю.

—

Каждый такой стихъ видимо дѣлится на *двѣ половины* замѣтнымъ *переломомъ* (нѣсколько похожимъ на цезуру), по срединѣ, но совершенно свободно, при слогѣ съ удареніемъ или безъ ударенія (что́ равняется древнему, долгому и краткому, слогу), до того свободно, что переломъ допускаютъ на себя всѣ четыре середнихъ слога, и отъ того въ разныхъ стихахъ, иногда рядомъ, переломъ случается на любомъ изъ сихъ слоговъ, слѣдовательно движется по разнымъ мѣстамъ, а въ подвижности своей и бѣглости не рѣзокъ, расплывчивъ, едва слышимъ въ цѣломъ произведеніи. Цѣльность десятисложнаго стиха симъ ни сколько не надрѣзается, не надсѣкается: стихъ *единый*, не смотря на свои, иногда ровныя, иногда неровныя половины. Половины образуются въ 5+5, въ 4+6, въ 3+7 слоговъ: но въ каждой повышеніе голоса или удареніе (равное древней долготѣ) приходится непремѣнно на *третій* слогъ съ обоихъ концовъ, и это уравновѣшиваетъ ихъ, сдерживаетъ цѣльность стиха, не смотря на разное мѣсто перелома:



И т. п.

Всякое измѣненіе въ семъ основномъ складѣ есть, когда еще не нарушеніе, то по крайности колебаніе, волненіе Былеваго или Былиннаго покоя. Впрочемъ, еще не выходя изъ Былеваго Склада, творчество допускаетъ протяженіе или сокращеніе Стиха, до *опредѣленной* мѣры; еще любимымъ и законнымъ остается размѣръ съ одной стороны въ 9, съ другой въ 11 и *особенно въ тринадцать* слоговъ:

Ты тулупъ ли мой, тулупчикъ, шуба новая....

—

Что не бѣлая берёза къ землѣ клонится.

—

Кто не слыхивалъ у насъ таковыя славы?

—

Рѣже размѣръ въ 8, плохъ уже въ 15 слоговъ.

Но, при всякомъ удлиненномъ противу основнаго размѣрѣ, и, какъ водится, именно отъ того, что въ концѣ его образуется отрѣзокъ, слуху пѣвца и чутью слагателя представляющійся какъ бы излишнимъ противу основнаго размѣра въ 10 слоговъ, отрѣзокъ сей повторяется изъ конца предыдущаго стиха въ началѣ слѣдующаго. Образуются *повторенія*, впрочемъ еще не нарушающія главнаго типа:

Вы скажите мнѣ про старое,
Про старое про бывалое,
Про того ли Илью Муромца,
Илью Муромца сынъ Ивановича.

По этому образцу, одному изъ тысячи, видно, что Повторенія, первоначально, какъ думаемъ, произшедшія изъ отрѣзковъ отъ стиха удлиненнаго, перешли потомъ и въ стихи сокращенные (противу основнаго склада), въ стихи по 9 и 8 сло-

говъ. Повторенія сіи привились къ Эпическому Складу: они сдѣлались принадлежностью Былеваго Стиха. Къ сожалѣнію, они же послужили ближайшимъ началомъ или явнымъ поводомъ къ разстройству склада и къ порчѣ стиха: по мѣрѣ ослабленія творчества и творческой силы, забвенія основныхъ пріемовъ и напѣвовъ, исчезанія былевыхъ (струнныхъ) инструментовъ, развитія пѣсень другаго разряда, бытовыхъ и женскихъ, по мѣрѣ всего этого, постепенно складъ портился, гармонія цѣлаго ослаблялась и подрывалась. Прибавка въ концѣ стиха слишкомъ удлиняла его; съ перенесеніемъ ея въ другой стихъ, трудно было соблюсти соразмѣрность; повтореніе оконечности предыдущаго стиха удлиняло и отягчало послѣдующій; изъ послѣдующаго приходилось переносить въ третій, изъ третьяго въ четвертый и такъ далѣе; отрѣзки плодились, то повтореніемъ прибавляясь къ началу слѣдующаго стиха, то занимая весь слѣдующій стихъ; стихи выходили неровные, одинъ въ 9, 10, 11, 13 слоговъ, другой короче или длиннѣе. Примѣровъ тому тысяча: это такъ называемая въ народномъ языкѣ, техническимъ терминомъ нашего пѣснотворчества, *Побывальщина*, гдѣ страдаетъ основной складъ, равенство стиховъ и однообразіе напѣва, примѣняющагося то къ длинному, то къ короткому стиху, а вмѣстѣ открывается широкое поле утратѣ старины, забвенію древнихъ частей и вставкамъ новымъ, для пополненія или по произволу.

Былъ еще другой путь измѣненія, конечно нарушавшій собою складъ основной, но за то дававшій начало образованію новыхъ видовъ творчества; это не одно уже разложеніе древней Былины: а вмѣстѣ и созиданіе новыхъ ея формъ, и приближеніе къ другимъ родамъ творчества.—Когда удлиненіе стиха совершалось въ одну мѣру, на примѣръ до 13, и отрѣзки приходились одинакіе, на примѣръ въ 4 или 5 слоговъ: тогда они могли не переноситься къ началу слѣдующаго стиха, не вызывали необходимыхъ повтореній, а просто *прибавлялись* къ каждому стиху. Однообразно являлся стихъ *главный*

съ неизмѣннымъ его переломомъ (цезурою) и двумя половинами, а рядомъ *добавочный*, какъ его продолженіе, болѣе краткій; главный, на примѣръ, въ 8 и 9, добавочный въ 5 и 4. Такіе стихи можно располагать и мы въ изданіи Кирѣевскаго, Рыбникова, Калѣкъ Перехожихъ, приняли за правило писать слѣдующимъ образомъ:

Какъ изъ да́леча дале́ча
Изъ чиста́ поля,
Изъ того было раздольица
Широкаго,
Что не грозная бы туча
Накаталася,
Что не буйные бы вѣтры
Подымалися:
На передъ-то выбѣгаетъ
Лютой Скимень-звѣрь.

(Второй, добавочный стихъ можно печатать и малою, не заглавною буквой). Очевидно, здѣсь образуется уже такъ называемая *строфа*: одинъ стихъ, однообразно, болѣе длинный, другой, столь же однобразно, болѣе короткій. Однообразіе прибавки, слагая однообразную, но уже *новую* мѣрку, симъ самымъ, относительно *древняго* основнаго склада, порождаетъ разнообразіе, появленіе *новыхъ* формъ творчества.

Новыя же формы разраждаются все болѣе и обильнѣе слѣдующимъ способомъ. *Напѣвъ* Былинъ, сколько мы знаемъ его по уцѣлѣвшимъ остаткамъ, Былинъ старшихъ и лучшихъ, однообразенъ: изъ всѣхъ Русскихъ напѣвовъ сего рода можно извлечь развѣ только три–четыре главныхъ образца, а построже разбирать, даже какихъ ни будь два; у Сербовъ для *всѣхъ* Былинъ доселѣ *одинъ*. Разнообразіе допускалось лишь *внѣ* самой былины, во Вступленіи или (музыкально) въ Прелюдіи, да потомъ, когда, пропѣвши нѣсколько стиховъ до извѣстной точки, пѣвецъ и игрокъ вставлялъ варіаціи уже

безъ словъ, одною струнной игрой (такъ поютъ и играютъ доселѣ Малорусскіе бандуристы). Соотвѣтственно основному складу стиха, и въ напѣвѣ (мелодіи) есть *два колѣна*: но это, какъ и въ стихѣ, два колѣна *одного* ствола, одного цѣлаго, какъ «повышеніе» и «пониженіе» (греческое «протасисъ» и «апотасисъ»). Теперь же, когда къ двумъ половинамъ основнаго стиха прибавилась третья—добавка, то и напѣвъ наростаетъ: къ двумъ колѣнамъ прибавляется третье, обыкновенно какъ пониженіе обоихъ первыхъ, или новая варіація изъ обоихъ, или уже повтореніе послѣдняго колѣна. Вотъ начало такъ называемаго *Припѣва*: онъ выражается и въ стихѣ, какъ помянутая, удлинняющая, прибавка, или же повтореніе оконечности главнаго стиха; выражается и въ напѣвѣ, ибо къ одному главному напѣву въ его двухъ колѣнахъ присоединяется болѣе краткое третье колѣно или, иначе, второй *добавочный* напѣвъ, хотя бы только повторяющій собою второе колѣно. Такъ въ приведенномъ выше примѣрѣ,—*Изъ чиста поля, Широкаго, Накаталася*, и т. п., можно разсматривать какъ отдѣляющійся припѣвъ, можно напѣть—и обыкновенно напѣвается уже—особо. Еще болѣе видно это на другихъ, особенно «Московскихъ,» Былинахъ, гдѣ конецъ стиха повторяется, и повторяется съ тѣмъ же напѣвомъ, какъ второе колѣно главнаго стиха или какъ пониженіе обоихъ колѣнъ:

Ты Боже, Боже, Спасъ милостивый,
Милостивый,
Къ чему рано надъ нами прогнѣвался,
Прогнѣвался,
Сослалъ намъ, Боже, прелестника,
Прелестника,
Злаго Разстригу Гришку Отрепьева,
Отрепьева?

Напечатанное курсивомъ припѣвъ.—Еще шагъ,—и припѣвъ въ Былину можетъ вставляться *со стороны*, иной, какъ дѣй-

ствительно и видимъ нѣкоторыя Былины (см. прежніе выпуски и выше 7-й):

Здунинай, най!
или:
Съ Дону, съ Дону, съ-за Дунаю! и т. п.

Это уже вставка со стороны, припѣвъ въ *собственномъ* значеніи, который есть ничто иное, какъ отрѣзокъ отъ пѣсни, или сама коротенькая пѣсня, сложившаяся еще въ дѣтствѣ человѣка или народа, а потомъ вставляемая особо въ болѣе длинную, развитую и позднѣйшую (см. объ этихъ элементахъ въ нашемъ изданіи «Дѣтскихъ пѣсень»). Конечно, съ такими припѣвами Былины уже немногія и худшія: болѣе древнія, въ лучшемъ складѣ, далеко здѣсь не зашли. Но всё же и онѣ въ самихъ себѣ зародили уже возможность и показали путь къ формамъ инымъ. Это путь, сближающій Былины съ прочими *Пѣснями вообще*, путь разнообразія, но путь уже болѣе поздній, выводящій къ *иному* полю, и все дѣло въ томъ, далеко ли извѣстная Былина ушла по сему пути, гдѣ остановилась, еще не переставая быть Былиной.

Третій видъ измѣненія въ складѣ, стихѣ и напѣвѣ Былинъ, есть опять, какъ и первый, путь разложенія, а не созиданія. Именно, вмѣсто прежняго перелива или плавнаго перелома, не нарушающаго цѣлости, образуется переломъ рѣзкій, дѣлятся рѣзко двѣ половины и въ собственномъ смыслѣ является *цезура*, притомъ однообразная, въ одномъ мѣстѣ между двухъ одинакихъ половинъ, въ каждой же половинѣ болѣе или менѣе одинаково количество слоговъ. Это уже не прежній перегибъ, а скорѣе надломъ, даже *расколъ* стиха и склада. Впрочемъ сначала онъ еще держится однообразной мѣрки, и вотъ складъ, вотъ стихъ, который мы вездѣ въ изданіяхъ подъ нашей редакціей технически именовали *двойнымъ*. Можно такой стихъ писать и печатать сплошь, подъ рядъ, какъ одинъ:

Въ гридню идетъ незнамъ человѣкъ,
Шуба на немъ струйчатой камки.
—
Праведное солнце въ раю просвѣтилось,
Расплакался Адамъ, передъ раемъ стоя:
«Ты раю мой, раю, прекрасный мой раю!»
и т. п.

Или же пополамъ, двумя стихами:

Въ гридню идетъ
Незнамъ человѣкъ,
Шуба на немъ
Струйчатой камки.
—
Праведное солнце
Въ раю просвѣтилось,
Расплакался Адамъ,
Передъ раемъ стоя:
«Ты раю мой, раю,
«Прекрасный мой раю!»

Но здѣсь, хоть и писать, и печатать порознь, единство цѣльнаго стиха еще не совсѣмъ утратилось, можетъ быть возстановлено, и самый напѣвъ держится еще одинъ, хотя въ двухъ уже расходящихся рѣзче колѣнахъ.

Можетъ быть еще ступень: когда единство утрачено безвозвратно, когда двухъ половинъ ни чѣмъ уже не склеишь въ одну, когда онѣ разной величины, потянули врознь, и нельзя ихъ ни пѣть, ни читать, ни писать, ни печатать иначе, какъ порознь. Это такъ называемая въ народѣ, технически, *Старина*, выродившаяся изъ Былины:

Какъ далече ли далеченько
Во чистомъ полѣ....
Какъ кланяется сынъ
Своей матери:
«Не прошу я у тебя
«Не злата и не серебра,
«Ты пожалуй мнѣ

«Великое благословеньицо,
«Какъ поѣду я, поищу
«Своего брата названаго,
«Какъ стараго казака,
«Илью Муромца»....

—

Напросили они
Душу красную дѣвицу,
Князей родную сестрицу.

—

Уѣзжалъ-то младъ Щелканъ
Въ дальную землю Литовскую,
За моря синія,
Бралъ онъ, младъ Щелканъ,
Дани-невыходы,
Царски невыплаты,
Съ князей бралъ по сту рублей,
Съ бояръ по пятидесять,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ.

—

При нынѣшнихъ при царяхъ,
При досюлѣшнихъ короляхъ,
При блаженныя памяти,
Царица-то Крымская,
Паленица удалая,
Татарка упалая,
Съ Кострюкомъ сговорилася.

—

И пришла же купавушка,
И пришла же не Русская...
Со своимъ ли сынкомъ
Съ Кострюкомъ Бирюковичемъ,
Искать сопротивника
Поборотися...
Возговорилъ же Царь
Иванъ Васильевичь

Своему ли слугѣ вѣрному,
Неизмѣнному:
«Ужь ты слуга мой,
«Вѣрный мой,
«Неизмѣнный мой!
«Ужь ты выйди
«На Красно крыльцо,
«Вострубн же
«Во золоту трубу,
«Чтобы сбирались всѣ,
«Князья и бояре.»

Бесѣда ли, бесѣда,
Смиренная бесѣда,
Во той во бесѣдѣ
Сидѣли тутъ два брата,
Два брата родные,
Хвалйлись сестрою,
Своей сестрой родною.
И т. п.

Тутъ уже не можетъ быть и рѣчи о струнной игрѣ, ухо отвыкло отъ напѣва, напѣвъ оставалось бы приладить къ напѣву другихъ Пѣсень, не Былинъ: напѣвъ совершенно исчезаетъ, образуется скороговорка, лишь съ плавной интонаціей, похожей на сказочную. Былинѣ не переродиться въ иную пѣсню: остается ее забыть, утратить, какъ именно симъ путемъ и совершается, или остается перевести ее въ Сказку, сказывать,—какъ именно и сложились нами Былевыя Сказки изъ древнѣйшаго, Черноморскаго и Придунайскаго, Эпоса; или, наконецъ, является за симъ проза,—такъ называемыя «Сказанія,» каковы и есть о Мамаевомъ побоищѣ съ его товарищами. Это по видимому краше, какъ-то опредѣленнѣе спутанной Побывальщины: но въ самомъ дѣлѣ хуже, ибо утрачиваются самые слѣды древности въ складѣ и напѣвѣ, упраздняются да-

же повторенія, коп разлагаютъ цѣльную Былину, но въ разложившейся указываютъ еще на первобытныя черты и позволяютъ даже искусственно возсоздавать отдѣльныя части первообраза. Побывальщина еще напѣвается, а если уже сказывается, то все-таки больше мужчинами: Старина же переходитъ въ удѣлъ женщинъ, отъ того въ народѣ именуется *Бабьей*, и въ женскихъ-то устахъ, при другихъ любимыхъ «женскихъ» пѣсняхъ, совершенно исчезаетъ.

Вотъ главные періоды въ исторіи нашихъ Былинъ, относительно склада ихъ, стиха и напѣва, сколько позволило намъ коснуться того мѣсто и время, не входя подробно въ связь Былинъ съ другими Пѣснями и въ судьбы сихъ послѣднихъ. По всѣмъ означеннымъ путямъ, относительно Старшихъ нашихъ, до-Московскихъ Былинъ, слѣдуетъ замѣтить, что 1) многія изъ нихъ держатся еще основнаго, главнаго, древнѣйщаго состава и стиха, но, дошедши до насъ большею частію въ современномъ устномъ употребленіи, а не въ тогдашнихъ рукописяхъ, почти вездѣ представляютъ собою ослабленіе и паденіе основы своей; 2) вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе или менѣе, онѣ разложились уже на Побывальщины и Старины; 3) крѣпче еще другихъ своимъ складомъ и стихомъ Кіевскія, круга Владимірова, потомъ Новгородскія: но Княжескія, по изложеннымъ выше причинамъ, почти всѣ уже разложились, и больше на Старины; 4) по мѣсту, уцѣлѣла болѣе основа ихъ по отдаленнымъ краямъ, въ захолустьѣ; 5) но, при видимыхъ судьбахъ разложенія, весьма рѣдки, почти незамѣтны пріемы того пути, который поставили мы вторымъ: то есть признаки, чтобы изъ древнихъ формъ переродились новыя, чтобы развился припѣвъ, чтобы явилась строфа, наступило разнообразіе. Отживаютъ или уже отжили онѣ вѣкъ свой безвозвратно, не оставивъ прямаго наслѣдія, которое продолжало бы ихъ дѣло *по тому* же самому способу. Судьба ихъ—гибнуть и исчезать: чтобъ переродиться во что ни будь иное, слишкомъ много въ нихъ неподдающейся упругости и однообразнаго своеобразія, недостаточно уступчивости, податливости и ковкости. Содер-

жаніе ихъ еще во многомъ вошло въ Пѣсни Безъимянныя, Молодецкія: но складъ и стихъ, можно сказать, совершенно и безслѣдно бы сгибъ, какъ сгибъ почти напѣвъ, еслибы на смѣну ихъ не явились Былины *Московскія*.

Какое же отношеніе сихъ послѣднихъ къ Старшимъ, какія особенности и отличія въ складѣ, стихѣ и напѣвѣ? Постараемся указать вкратцѣ: провѣрить наши указанія можно данными на лицо.

Глядя на Московскія Былины, начинающіяся Грознымъ, можно бы съ перваго раза сказать, что онѣ составляютъ неизмѣнное *продолженіе* Старшихъ и лучшихъ Кіевскихъ: такъ онѣ тѣсно примыкаютъ туда по складу и стиху, такъ цѣльны, полны и крѣпки составомъ. Но мы сейчасъ же должны вспомнить, что Московскія Былины, съ половины XVI вѣка, дѣлятся отъ Кіевскихъ и Владимірова круга по крайности двумя стами лѣтъ (ибо происхожденіе тѣхъ во всякомъ случаѣ приходится до господства Татарскаго). Новгородскія, слишкомъ исключительныя и мѣстныя, не могли служить образцомъ и посредствующимъ звѣномъ. Промежутокъ вѣковъ въ творчествѣ и зарожденіи Былинъ могъ наполняться только Былинами Княжескими: а мы знаемъ, еслибы имъ служили Московскія непосредственнымъ продолженіемъ, то это была бы лишь исторія крайняго разложенія и паденія. Между тѣмъ въ Московскихъ Былинахъ, даже изъ Смутнаго Времени, имѣемъ такіе превосходные, цѣльные образцы творчества, такая видна сила, такъ крѣпокъ еще основной стихъ въ 10 слоговъ съ двумя половинами, такъ своеобразны пріемы всѣ и языкъ, такъ далеко отъ Сказки и Сказанія, даже отъ Бабьей Старины (изъ времени Грознаго въ Старину разложились лишь Былины о Кастрюкѣ), что остается принять твердо одно: дѣйствительно, Московскій періодъ Былинъ есть *второй*, есть *новый* періодъ Былеваго общерусскаго творчества послѣ старшаго Владимірова; творчество не продолжалось только, а *воспрянуло* съ новыми силами и средствами; Москва явилась тѣмъ же, что́ для древ-

пости Кіевъ, Грозный своего рода Владиміромъ, а историческіе герои—наслѣдниками старыхъ богатырей.

Мало того, что творчество воспрянуло: оно облеклось *новыми* образами, оборотами и пріемами, пошло *далѣе*, открыло себѣ *новые* пути. Такъ, на примѣръ, Кіевскія всѣ широки, плодовиты, даже растянуты: посмотрите же на лучшія Московскія, на примѣръ записанныя для Ричарда Джемса или о Лжедимитріѣ,—неизвѣстная прежнему творчеству *краткость, точность* и *законченность*; въ этой сжатости и опредѣленности сжатая могучая сила; характеръ сей силы драматическій, блещущій драматизмомъ въ нѣдрѣ творчества еще эпическаго. Языкъ, складъ, стихъ, напѣвъ примѣняются къ симъ внутреннимъ свойствамъ. Лаконизмъ Новгородскихъ Лѣтописей не оправдался подобною краткостью и сжатостью въ Новгородскихъ Былинахъ: дѣло другое лаконизмъ обиходной рѣчи, дѣло другое краткость, точность, выразительность въ созданіи творческомъ. Былины Княжескія, большею частію Побывальщины и Старины, почти та же семейная и женская Пѣсня, бытовая дума: Былина Московская, являясь превосходнымъ и особымъ образцомъ Былины, зараждаетъ въ себѣ Драму, обильна движеніемъ, столкновеніемъ (конфликтомъ), завязкою и развязкой, хотя еще пока и связанной крѣпко эпическимъ узломъ.

Согласно тому, впервые является разнообразіе *напѣва*: что былина, то особый напѣвъ, и притомъ различный по характеру; впервые обозначается различіе напѣва протяжнаго и скораго, заунывнаго и веселаго. Является *припѣвъ*, какъ повтореніе оконечности стиха, или втораго колѣна, или даже припѣвъ *особый*, вставочный. А такъ какъ Старшія Былины изъ другихъ періодовъ дошли къ намъ большею частію черезъ руки Московской области, чрезъ потокъ Московскаго времени, то самое разнообразіе ихъ, если гдѣ замѣчаемъ въ складѣ, стихѣ и напѣвѣ, вѣроятно есть дѣло главнымъ образомъ Московскаго вліянія.

Лучшія Старшія Былины дали основу сочиненію Слова о Полку Игоревѣ; Княжескія, ослабѣвшія, породили Сказанія, Ста-

рины и Слова о Димитріѣ и Мамаѣ; Новгородскія остались безъ слѣда въ книжныхъ и прозаическихъ сочиненіяхъ; иныя Былины выродили изъ себя Сказку, какъ на примѣръ объ Ильѣ Муромцѣ: Московскія Былины породили не Сказку, не книжныя Сказанія, а во первыхъ, въ той же художественной области, цѣлый рядъ Историческихъ Пѣсень, съ постепенными переходами Былеваго творчества, отъ Петровскихъ до Александровскихъ и даже Николаевскихъ; цѣлый рядъ Безымянныхъ и Молодецкихъ; вообще цѣлый разрядъ всякихъ *Пѣсень*, болѣе или менѣе съ Былевыми чертами, съ разнообразіемъ формъ въ складѣ, стихѣ и напѣвѣ, но вездѣ съ замѣтнымъ, заданнымъ однажды на всегда по́шибомъ Московскимъ. Еще болѣе: онѣ послужили очевиднымъ переходомъ къ созданію *художественныхъ эпопей* новаго времени, къ *поэмамъ* искусства вторичнаго, посредственнаго. Онѣ-то, смѣло скажемъ, привели насъ къ Борису Годунову, Полтавѣ, даже къ Мертвымъ Душамъ. И онѣ же отчасти уже породили, а еще больше конечно породятъ Русскую народную *драму*.

Наконецъ, отличаясь общепонятностью, общедоступностью и такъ сказать обязательностью для всей Россіи, если она желаетъ исторически развиваться далѣе, Московскія Былины, со всѣми ихъ порожденіями, въ то же время, говоря нынѣшнимъ способомъ, чрезвычайно локальны, разумѣя подъ симъ, что онѣ запечатлѣны единымъ главнымъ характеромъ и налагаютъ свой типъ рѣзкою печатью. Вотъ почему, если онѣ заходятъ на отдаленныя края и тамъ отчасти забываются въ подробностяхъ, то не остается пѣвцамъ ничего болѣе, какъ восполнять пробѣлы чертами Старшихъ, Кіевскихъ Былинъ. Вотъ почему, возвращаясь къ прерванному, видимъ, что Былина о Лжедимитріѣ и Маринѣ въ окраинѣ Сибирской (у Кирши) перешла своимъ концомъ въ Былину о Добрынѣ, а у Рыбникова, въ двухъ сходныхъ образцахъ, въ Ч. I-й № 69 и въ Ч. III-й № 45, пѣвецъ прямо сознается въ своемъ невѣдѣніи по отдаленности поприща воспѣваемаго историческаго событія: «Скажутъ (говорятъ, есть слухъ), Дмитрія убили въ каменной Мо-

сквы, Его мощи схоронили подъ Божью церкву, Гришка Разстрижка въ тюрьмы сидитъ», и т. п. Но и при этомъ, историческія черты творчества такъ выразительны, обязательность ихъ столь сильна, что, не смотря на отдаленность, пѣвецъ Бутылка такъ опредѣлялъ въ Петрозаводскѣ г. Рыбникову эпоху Годунова, въ началѣ Былины о Лжедимитріѣ:

Во стѣ было во седьмомъ году,
Во седьмомъ году въ восьмой тысячѣ,
Не было въ Москвѣ содержатая,
Содержатая въ Москвѣ, сбережатая.

То есть въ 1599 году: спрашиваемъ, гдѣ, кромѣ Московскихъ Былинъ, возможна такая историческая опредѣленность?

Пойдемъ далѣе.—Былины о Скопинѣ, одномъ изъ любимѣйшихъ народныхъ героевъ Московскихъ, начинаютъ еще связью его съ исторіей Лжедимитрія: такова напечатанная выше, подъ № 3, стр. 7—9. Но гораздо обильнѣе Былины объ его трагической смерти. Изъ нихъ 1-я (стр. 9—11) имѣетъ при себѣ очень хорошее разнорѣчіе въ Новиковскомъ Пѣсенникѣ, въ части III-й:

Смерть Скопина.

1.

У князя было у Владиміра,
Было пированье почетное *),
Ой кстили дитя княженецкое.
Ахъ, кто кумъ–тотъ **) былъ, кто кума была?

---

*) Почетное.
**) Вѣроятно, какъ и ниже, „кумо–тъ.“

Ай кумо-тъ былъ князь Михайла Скопинъ,
Князь Михайла Скопинъ сынъ Васильевичь,
А кума-та была дочь Скурлатова.
Они пили-ѣли, проклажалися,
Пивши-ѣвши похвалялися.
Выходили на крылечко на красное,
Ужь какъ учели похвалу чинить князья-бояра:
Одинъ скажетъ, «У меня много чистаго серебра;»
Другой скажетъ, «У меня больше красна золота.»
А что взговоритъ князь Михайла Скопинъ,
Михайла Скопинъ сынъ Васильевичь:
«Еще что́ вы, братцы, выхваляетесь?
«Я скажу вамъ не въ похвалу себѣ:
«Я очистилъ Царство Московское,
«Я вывелъ вѣру поганскую,
«Я сталъ за вѣру христіянскую *).»

То слово кумѣ не показалося,
То крестовой не пондравилось:
Наливала она чару водки крѣпкія,
Подносила куму крестовому.
Самъ же онъ не пилъ, а ее почтилъ **):
Ему мнилось, она вышила,
А она во рукавъ вылила.
Наливала еще куму крестовому:
Какъ выпилъ князь Михайла Скопинъ,
Рѣзвы ***) ноги подломилися,
Бѣлы руки опустилися.
Ужь какъ брали ево слуги вѣрные,
Подхватили ево подъ бѣлы руки,
Повезли ево домой къ себѣ.

Какъ встрѣчала ево матушка:
—Дитя мое, чадо милое!

---

*) Эта похвала одинакова съ тою, какая влагается Грозному: см. 6-й выпускъ.

**) Потчивалъ, поднесъ.

***) Въ печати ошибочно: „Трезвы.“

—Сколько ты по пирамъ не ѣжжалъ,
—А таковъ еще пьянъ не бывалъ.—
«Ахъ ты гой еси, моя мать родная!
«Сколько я по пирамъ не ѣжжалъ,
«А таковъ еще пьянъ не бывалъ:
«Съѣла меня кума крестовая,
«Дочь Малюты Скурлатова!»

(Новик. дѣсеп. изд. 2, М. 1783 г., ч. III, № 159).

Въ «Лѣтоп. Р. лит. и др.» т. IV, въ сборн. гг. Костомар. и Мордовц., этотъ образецъ, безъ замѣтки впрочемъ, откуда взятъ онъ, приведенъ въ качествѣ двухъ *варіантовъ*, а сама Былина возстановлена съ помощію того образца изъ Кирши Данилова, какой напечатанъ у насъ выше подъ № 2, стр. 11—16. Однако Былина такъ подробно и тщательно возстановлена сочинителями, что ее можно здѣсь привести изъ любопытства:

2.

У насъ было въ каменно́й Москвѣ,
У князя было Воротынскаго,
Было пированье великое,
Кстили дитя княженецкое.
Кумомъ былъ князь Михайло Скопинъ,
Князь Михайло Скопинъ сынъ Васильевичь,
А кумою была дочь Скурлатова.
Много было тутъ князей-бояръ,
Князей-бояръ, гостей званыихъ,
Они ѣли-пили, прохлажалися.
Напивалися гости до́ пьяна,
Выходили на красёнъ крылецъ,
И у́чали они хвастатися:
Сильный хвастается силою,
Богатый богачествомъ;

Одинъ скажетъ: «у меня много чи́ста се́ребра,»
Другой скажетъ: «у меня больше кра́сна золота.»
Князь Михайло Скопинъ сынъ Васильевичь
Опъ и не пилъ зелена́ вина,
Не пригубливалъ пива крѣпкаго *),
Только пилъ одни меды сладкіе.
А и съ мёду князь захмѣлѣлъ **),
Во хмѣлю онъ похваляться сталъ:
«Да и што-й-то больно, братцы, вы расхвастались!
«Полно, есть ли вамъ чѣмъ хвастать-то?
«А ужь я ли могу похвалитися:
«Я очистилъ Царство Московское,
«Я вывелъ вѣру поганскую,
«Я сталъ за вѣру христіанскую,
«И за то мнѣ князю слава до́ вѣку.»

И то слово кумѣ не полюбилося,
То слово крестовой не показалося.
Вта́поры она дѣло сдѣлала:
Наливала чару зелена́ вина,
Подсыпа́ла въ чару зелья лютаго,
Подносила чару куму крестовому.
А князь отъ вина отказывался,
Онъ самъ не пилъ, а куму почтилъ:
Думалъ князь, она выпила,
А она въ рукавъ вылила.
Брала же она стаканъ меду сладкаго,
Подсыпа́ла въ стаканъ зелья лютаго,
Подносила куму крестовому.
Отъ мёду князь не отказывается,
Выпиваетъ стаканъ меду сладкаго:

---

*) Пиво называется у насъ не «крѣпкимъ,» а «пьянымъ.» Въ другихъ Былинахъ: «Только одно пиво пилъ и сладкой медъ.»

**) Въ другихъ, *народныхъ*, Былинахъ на оборотъ: „Не съ большаго хмѣлю онъ похвастается.“ И ниже въ этомъ состоитъ трагизмъ противуположенія: мать сочла его хмѣльнымъ, когда онъ вовсе не былъ такимъ.

Какъ его тутъ рѣзвы ноженьки подломилися,
Его бѣлыя рученьки опустилися.
Ужъ какъ брали его тутъ слуги вѣрные,
Подхватили подъ бѣлы руки,
Увозили князя къ себѣ домой.

Какъ встрѣчала его матушка:
—Дитя ты мое, чадо милое!
—Сколько ты по пирамъ не ѣзжалъ,
—А таковъ еще пьянъ не бывалъ.—
«Охъ ты гой еси, матушка моя родимая!
«Сколько я по пирамъ не ѣзжалъ,
«А таковъ еще пьянъ не бывалъ:
«Съѣла меня кума крестовая,
«Дочь Малюты Скурлатова!»

(„Лѣтоп. Р. л. и др.," сборн. Костомар. и Морд.)

Подобнымъ образомъ и Сахаровъ, перепечатывая означенную Былину изъ Кирши, искусился сдѣлать нѣкоторыя, по его мнѣнію и обычаю необходимыя, поправки и дополненія (означимъ ихъ курсивомъ):

Стихъ 11: «Какъ были *въ Москвѣ* припасы многіе.» — 18: «*Изъ* великаго государства Россійскаго.» — 22: «И всей нашей земли *свѣтло*-Русскія (вмѣсто «свѣто-Русскія,» «свето-Русскія,» т. е. «свято-Русскія»).» — 23: «*Какъ* (вмѣсто «Что») ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ.»—28: «во *Новѣгородѣ* (вм. «во Новѣградѣ»).» — 30: «*Входилъ* (вм. «Походилъ»).»—32, 33: «А и беретъ чернилицу золотую, *А и въ ней-то* (вм. «Какъ бы въ ней») перо лебединое.» — 36: «Во Свицкую землю, *заморскую* (вм. «Саксонскую»).»—42: «А и смилуйся, *смилосердуйся* (вм. «смилосердися»).»—53: «А съ ярлыками послалъ скораго *ямщика* (вм. «почтаря;» почтъ тогда, думалъ Сахаровъ, не было, это Нѣмецкое слово).» —55: «А того *Ивана Ивановича* (вм. «Митрофана Фунтосова;» Сахаровъ не понялъ искаженнаго имени Делагарди).»—56, 57:

«Какъ и будетъ *ямщикъ* (вм. «почтарь») *въ Свицкой земли*, У честна короля, честнаго Карлуса (вм. «въ Половецкой Ордѣ:» какая, дескать, тамъ Орда? Правильнѣе Швеція).»—81: «А третія силы *Шкодскія* (то есть, полагалъ И. П. Сахаровъ, Скоттскія, Шотландскія; онъ не догадался, что въ подлинникѣ «Школьскія» значитъ, по нашему древнему, «Стекольскія, Штокгольмскія»).»—89: «Въ соборѣ Скопинъ онъ заутреню *отслушалъ* (вм. «отслужилъ:» служатъ, дескать, попы, а Скопинъ былъ князь).»—101: «*Прекрашили* Черкесъ (перекрошили, вм. «прекротили», укротили, усмирили).»—Сказавши о Черкесахъ или Черкасахъ, Былина справедливо прибавила замѣчательный стихъ (103): «Еще понѣ тутъ Малороссія»; Сахаровъ этотъ стихъ выпустилъ: какая, де, Малороссія у Черкесовъ на Кавказѣ?—106: «А на западну сторону *походомъ* пошли (вм. «и въ ночь», т. е. на сѣверъ: они, дескать, шли конечно днёмъ, къ чему же тутъ ночь?).»—126: «Крестили *млада княжевича* (вм. «младаго князевича;» стремленіе граматики Греча и забота о претвореніи звука).»—157, 158: «Она-то, кума его крестовая, Подносила стаканъ меду сладкаго (вм. «Она *знавши*», т. е. съ вѣдома, съ сознаніемъ, что это ядъ; эту замѣчательнѣйшую черту призналъ Сахаровъ неловкою по граматикѣ Греча).—160: «*Принимаетъ* (вм. *вульгарнаго* «примаетъ»).»—Стихъ 168 въ подлинникѣ: «Голова съ плечь покатилася,» то есть отъ дѣйствія яду свалилась на грудь, повисла; И. П. Сахаровъ счелъ это за то, будто срубленная голова покатилась на землю: какая несообразность! Потому онъ исправилъ, и прекрасно: «Голова *на плечахъ зашаталася*.» Запрыгала на плечахъ, разгулялась!—172 въ подлинникѣ: «А только успѣлъ съ нею (матерью) скоро простится,» какъ скоро, какъ только успѣлъ проститься,—«И матушка ему пѣнять стала.» Какъ, думалъ г. Сахаровъ, за чѣмъ онъ прощался *скоро*? Разумѣется, выпустилъ это слово.—Очевидно, эти поправки не такъ ловки, какъ въ сборникѣ гг. Костомар. и Мордовц. при свѣтѣ *нынѣшней* науки.

Другое разнорѣчіе къ сей же Былинѣ, именно къ началу ея, гдѣ разсказывается о подвигахъ Скопина, представляется въ Сборникѣ Рыбникова, Ч. I, № 70, къ сожалѣнію безъ конца: какъ Скопинъ возведенъ во времена Владиміра, такъ здѣсь онъ отнесенъ къ эпохѣ Грознаго и поставленъ въ товарищахъ съ такимъ же любимымъ народнымъ героемъ, Никитою Романовичемъ.

Но перлъ народнаго нашего пѣснотворчества и лучшій образецъ Московскаго, съ особымъ складомъ въ 10 и 12 слоговъ стиха, съ необычайной художественной сжатостью, находимъ въ той же книжкѣ Ричарда Джемса, въ рукописи по горячимъ слѣдамъ событія:

3.

(Москва).

Ино что у насъ въ Москвѣ учинилося,
Съ полупочи у насъ въ колоколъ звонили?
А росплачютца гости Москвичи *):
««А тепере наши головы загибли,
««Что не стало у насъ воеводы,
««Васильевича князя Михаила!»»

А съѣжалися князи-бояре супротиво къ нимъ,
Мьстисловской **) князь, Воротынской,
И межу собою онѣ слово говорили ***),

*) Торговцы, торговавшіе въ Москвѣ, мѣстные, приписные и заѣзжіе; но особенно тогда собранные съ разныхъ краевъ подъ предводительство Скопина.

**) Вмѣсто «Мьстиславской».

***) Стихи по происхожденію вѣроятно таковы:

А съѣзжалися князи-бояра,
Супротиво къ нимъ становилися,
Мьстиславской князь, Воротынской,
Межь собою онѣ слово говорили.

А говорили слово, усмѣхнулися *):
««Высоко соколъ поднялся **),
««И о сыру-матеру землю ушибся!»»

А росплачютца Свѣцкіе ***) Нѣмцы:
««Что не стало у насъ воеводы,
««Васильевича князя Михаила!»»
Побѣжали Нѣмцы въ Новъ-городъ,
И въ Новѣ-городѣ заперлися,
И многой міръ-народъ погубили,
И въ Латынскую землю превратили ****).

(Изъ запис. Рич. Джемса, Изв. Ак. Н. Т. I).

* *

Былины о Скопинѣ замѣчательны еще въ томъ отношеніи, что подтверждаютъ еще разъ, какъ въ Москвѣ слагались тогда Былины тотчасъ за событіями, или, по техническому народному выраженію, документально идущему отъ Слова о Полку Игоревѣ, «пѣли *славу*» извѣстному героическому лицу, славили его Былиной о подвигахъ его, величали. Послѣ разсказа о подвигахъ Скопина, послѣ духовныхъ торжествъ Москвы, прибавлено, что тотчасъ «На великихъ на радостяхъ пиръ пошелъ — У Скопина князя Михайлу Васильевича—*и великую славу до втку* (таково опять техническое выраженіе,—Былину

*) Это, плохо сдержанная, радость бояръ-князей, изъ зависти къ Скопину, выражена и въ предыдущей Былинѣ, гдѣ заготовленіе яду приписывается имъ, а Екатерина является лишь орудіемъ: «А и тутъ боярамъ за бѣду стало —они дѣло сдѣлали—подавали кумѣ его».

**) Стихъ въ 8 слоговъ совершенно соотвѣтствуетъ господствующему складу въ 10 и 12; таковъ же и стихъ 8-й; таковъ же долженъ быть 6-й:
Васильевича князь-Михаила.

***) Свейскіе, Шведскіе.

****) Отторгли къ западнымъ странамъ; стихъ долженъ быть:
И въ Латынску землю превратили.

слагаютъ, дабы увѣковѣчить событіе и подвиги) *поютъ* Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.» Этимъ же хвалится и самъ Скопинъ, перечисливши свои подвиги: «Еще ли мнѣ *славу поютъ до вѣку*, Отъ стараго до малаго (всѣ поющіе), Отъ малаго до вѣку моего (на всю мою жизнь).» Это же представляется и главной виной ненависти къ нему: «А и тутъ боярамъ за бѣду стало.» Погибъ Скопинъ, и тотчасъ же опять сложена Былина, какъ предыдущая, сейчасъ приведенная, такъ и та самая, гдѣ упомянуто о «славѣ» въ честь Скопина; ее также пѣли пѣвцы, гусляры («веселые молодцы»), и также на пиру, что́ явствуетъ изъ припѣвки въ концѣ:

То старина, то и дѣянье—
Еще намъ, Веселымъ Молодцамъ, на потѣшенье,
Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
Испиваючи медъ, зелено вино:
Гдѣ–ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому (можетъ быть Скопину)
И хозяину своему (у кого на пиру пѣли) ласкову.

То же самое извѣстно о Ксеніи: по однимъ историческимъ извѣстіямъ прямо говорится объ ней, что она любила «воспѣваемые гласы (книжное выраженіе вмѣсто простаго—«пѣсни»);» по другимъ, она «причитала,» когда Шуйскій переносилъ тѣла Годуновыхъ; эти самыя «Причёты» и облечены въ форму, они–то, какъ Былины, съ разсказомъ о всей уже судьбѣ Ксеніи, и записаны въ 1619 году, они–то и приведены нами выше какъ памятникъ творчества.

Вѣроятно къ тѣмъ же подвигамъ, какъ Скопинскіе или Ляпуновскіе противу Литвы, или же къ осадѣ Волока (см. ниже), относится Былина, съ началомъ «Ай ты безгодье, безгодье зло,» напечатанная въ «Національномъ Пѣснопѣніи,» Ч. I: изданія этого, впрочемъ бывшаго нѣкогда у насъ въ собственности, но утраченнаго, къ сожалѣнію теперь не могли мы достать и не имѣли подъ руками. Конечно тамъ была книжная подправка.

Такой же, къ сожалѣнію, подправкою досужаго книжника конца прошлаго вѣка отличается занесенная въ наши пѣсенники Былина о Скопинѣ, гдѣ ему приписывается руководство первыми нашими покушеніями на Азовъ, подобно какъ, мы видѣли, отнесено его имя, въ качествѣ любимаго народнаго героя, и къ эпохѣ Грознаго, и даже Владиміра:

Первыя покушенія на Азовъ.

1.

У насъ было во Кремлѣ во городѣ,
У того у собора Успенскаго,
Соѣжжалися князья и бояра,
Всѣ сильные воеводы Московскіе.
Ужь какъ Царь говоритъ, какъ въ трубу трубитъ:
«Охъ вы гой еси, князья-бояре!
«Какъ намъ, братцы, на приступъ итти,
«Какъ намъ взять будетъ Азовъ городъ?
«Азовъ городъ во крѣпи *) стоитъ,
«Нельзя къ нему подойти, ни подъѣхати.»
Какъ тутъ ли бояре испужалися,
Большой за меньшова хоронится,
А меньшихъ за большими давно не знать **).
Ахъ что взговоритъ Михайла Скопинъ:
—Охъ ты гой еси, грозный Царь!
—Благослови мнѣ слово молвити
—Или цѣлу рѣчь выговорить:
—Дѣлайте телѣжки бурмицкія ***),
—Убивайте телѣжки кунами собольими ****),

---

*) Укрѣпленъ, крѣпко.
**) И подавно не видать, не узнаешь.
***) Бурмистровскія, большія, въ какихъ ѣздятъ Головы.
****) Кунами-соболями.

—Сукнами багрецовыми и гвоздьми полужоными,
—Сажайте въ телѣжки по пяти человѣкъ,
—Я поѣду въ тотъ городъ—могучій гость *),
—Я возьму тотъ городъ во единъ **) часъ.—

Пріѣхали они къ синему морю,
Кричитъ онъ ***) перевозчикамъ:
—Перевезите гостя могучаго
—Что во тотъ ли во Азовъ городъ!—
Стали бурмистры и головы,
Стали пошлины спрашивати;
—Ахъ вы гой еси, бурмистры и головы!
—Погодите вы до утрія:
—Дамъ вамъ по таксѣ полную.—

Со полуночи до вечера могучій гость
Черезъ сине-море переправился,
Осмотрѣлъ крѣпость Азовскую,
И донесъ Царю о возможности ****).

(Пѣсенникъ Новик. 2-е изд. 1783 г. ч. III, № 158, Кузнецовскій 1822 г. № 624 и друг.).

Если исключить отсюда вставленное имя Скопина, то происхожденіе Былины скорѣе можно отнести къ послѣдующему собору объ Азовѣ, и даже къ знаменитымъ Азовскимъ походамъ, а самый способъ соглядайства и приближенія къ городу, правильнѣе *на лодкахъ*, чѣмъ на телѣжкахъ, однаково разсказывается въ другихъ Былинахъ и объ Астрахани, и объ разныхъ козацкихъ подвигахъ (см. ниже).—Прочія Былины объ Азовѣ, хотя по видимому и раньшія Петровскихъ, приведемъ при сихъ послѣднихъ, въ началѣ ихъ.

---

*) Поѣду туда какъ богатый гость, торговецъ.
**) Въ другихъ пѣсенникахъ: «во единый».
***) Въ другихъ: «Кричитъ онъ вопитъ».
****) Стихъ о возможности—невозможный въ устахъ народа.

Былина о Тушинскомъ Ворѣ извѣстна намъ только въ одномъ образцѣ, каковъ ни есть онъ:

Тушинскій Воръ.

(Саратовск. губ.).

Изъ-за Шведскія, изъ Литовскія изъ земелюшки,
Выѣзжаетъ воръ-собачушка на добро́мъ конѣ,
На добро́мъ конѣ во чисто́ поле.
Становился воръ-собачушка подъ столицею,
Подъ столицею въ славномъ Рубежѣ.
Онъ разставливатъ бѣлъ-тонко́й шатеръ,
Разстилаетъ во шатрикѣ шелковой коверъ,
Разсыпаетъ на коврикѣ золоты́ бобы,
По бобамъ сталъ воръ-собачушка угадывати:
«Не казнятъ-то насъ и не вѣшаютъ,
«Ужь и много насъ жалованьемъ жалуютъ.»

Садился воръ-собачушка на добра́ коня,
Онъ поѣхалъ воръ-собачушка во чисто́ поле,
Изъ чиста́ поля во царевъ дворецъ.
Подъѣзжаетъ онъ ко цареву дворцу,
Пріѣзжаетъ онъ на широкій дворъ,
Слѣзаетъ воръ-собачушка со добра́ коня,
Онъ своево коня не привязыватъ,
Не привязыватъ, никому не приказыватъ.
Восходилъ воръ-собачушка на красенъ крылецъ,
Входилъ онъ воръ-собачушка во царевъ дворецъ,
Онъ самимъ боярамъ не кланятся
И самой государынѣ челомъ не бьетъ.
Онъ садился воръ-собачушка за дубовый столъ,
Вынимаетъ воръ-собачушка ярлыки на столъ,
По ярлыкамъ воръ-собачушка сталъ расписываться:
«Я самихъ же то бояръ во полонъ возьму,
«А съ самою царицею обвѣнчаюся.»

(„Лѣтоп. Р. Литер. и Др.“ изъ Сборн. гг. Костомар. и Мордовц.).

Слѣдующія за тѣмъ и выше отпечатанныя, стр. 17, 18, Былины о Шуйскомъ и Ляпуновѣ, крайне драгоцѣнныя, весьма впрочемъ пострадали, испорчены и извѣстны доселѣ по одному лишь образцу. Гораздо болѣе сохранилось разнорѣчій изъ Смутнаго Времени о попѣ Емелѣ. Къ напечатаннымъ на стр. 19—21, подъ №№ 1—3, приведемъ слѣдующія:

Смутное Время. Попъ Емеля.

1.

(Тверск. губ.).

Ѣхала свадьба, семеры сани,
Семеры сани, по семеру въ саняхъ,
Семеро мѣшками, а всѣ съ бердышами,
Семеро верхами, а всѣ съ мѣшками.
На встрѣчу той свадьбѣ попо-тъ Емеля,
Попо-тъ Емеля, крестъ на ремени,
Крестъ на ремени полуторы сажени:
«А Боже *) вамъ въ помочь, духовныя дѣти,
«Духовныя дѣти, въ чужія-то клѣти,
«Въ чужія-то клѣти, молебны пѣти:
«Добро-то берите, а душь не губите.»

(Запис. Турищевымъ).

2.

(Тверск. губ., Старицк. у.).

Какъ во полѣ-полѣ,
Во чистомъ во полѣ,
Ай ли, да ой ли,
Во чистомъ во полѣ,

*) А Богъ же.

Во чистóмъ во полѣ
Сбиралися воры,
Ай ли да ой ли,
Сбиралися воры *),
Сбиралися воры,
Воры не чужіе,
Ближніе сосѣди.
Не много, не мало,
Ихъ семеро сáней.
Во первыхъ-то саняхъ
Атаманы сами **).
Во седьмыхъ-то сáняхъ
Сидитъ попъ Емеля,
У попа Емели
Крестъ на ремéни,
Крестъ на ремéни
Въ полторы сажени.
Батька бласловляетъ,
Крестомъ ограждаетъ:
«Поѣзжайте, дѣти,
«Во чужія клѣти,
«А что ни до будете,
«Попа не забудете.»
Попадья Олёна
На воду смотрѣла ***),
Ворамъ говорила:
—Не ѣздите, дѣти,
—Во чужія клѣти,—
—Будетъ вамъ невзгода,
—Будетъ непогода!—
Не слушались воры

*) Такъ идетъ припѣвъ и каждый слѣдующій стихъ поется трижды.

**) Далѣе перечисленіе саней и сѣдоковъ забыто.

***) Гаданья такого рода упоминаются въ Былинахъ Смутнаго Времени часто, и о Самозванцахъ, и Сигизмундѣ.

Попадьи Олёны,
Сѣли—засвистали,
Коней нахлыстали.

(Записано нами отъ А. А. Панина 1868 года).

На стр. 21—23, драгоцѣнная, по единственному образцу ея, Побывальщина о Мининѣ, Пожарскомъ, освобожденіи Москвы и избраніи Михаила, къ большому горю едва уцѣлѣла въ устахъ 70-лѣтней старухи и весьма разрушена.

Чтобы покончить со временемъ и событіями Смуты, съ битвами противу Поляковъ и Литвы, привёдёмъ здѣсь въ отрывкахъ уцѣлѣвшія Былины о нападеніи на Волокъ Ламскій. Въ 6-мъ выпускѣ, на стр. 187—190, приведена нами, еще прежде печатанная самимъ П. В. Кирѣевскимъ, Былина объ осадѣ Пскова, къ которой примѣшана осада Волока и вставлено имя Карамышева. Тогда же, послѣ подробныхъ замѣчаній о происхожденіи и составѣ Былины, обѣщали мы привести позднѣйшія ея разнорѣчія, что́ и исполняемъ:

Нападеніе на Волокъ Ламскій.

1.

(Симбирск. губ., с. Старишное).

Собирался Король на святую Русь,
Не дошедши Москвы остановился за пятьсотъ верстъ,
За пятнадцать верстъ городу Волоку,
Во уѣздѣ, селѣ Ѳедоровскимъ,
Во любиманмъ дворцѣ государевомъ.
Писалъ ерлыки скорописные,
Отсылалъ ерлыки въ каменну Москву
Ко тому ли къ воеводѣ Московскому,

Корамышину Семіону Костентиновичу:
«Охъ ты гой еси, воевода Царевъ,
«Корамышинъ Семіонъ Костентиновичъ!
«Ты отдай мнѣ Москву *) безъ бою,
«Безъ тово ли кроволитья великаго.»
Что отвѣтъ держитъ ему воевода Царевъ:
—Ты б.....: сынъ, Король и съ Королевою!
—Не дошедши Москвы ты похваляться сталъ:
—Я силу твою конемъ потопчу,
—Кольчужниковъ и латниковъ всѣхъ въ полонъ возьму.—

За досаду Королю показалося,
Взволновался Король, самъ боемъ пошолъ:
Да на силу Король самъ-третей уполъ.
Бѣгучи Король заклиналъ самъ себя:
«Не дай, Боже, ходить на святую Русь,
«Ни мнѣ Королю, ни брату моему!»
И еще этимъ Король обещестилъ самъ себя **).

Дворянамъ-боярамъ—имъ выслуга,
А служивымъ солдатамъ—имъ жалованье,
Донскимъ казакамъ сукна на ковтанъ,
А намъ, молодцамъ, по стакану пивца:
Кто бы намъ поднесъ, мы бы выпили,
Хозяина съ хозяюшкой проздравствовали!

(Запис. А. М. Языковымъ).

*

2.

(Оттуда же).

Собирался Король на святую Русь,
Всѣмъ панамъ, всѣмъ пановичамъ ***),

---

*) Въ Былинѣ 6-го выпуска: «Волокъ».

**) Отселѣ начинается припѣвка пѣвцовъ, величавшихъ Былиною воеводъ, служилыхъ людей и козаковъ, передъ слушающими хозяевами.

***) Со всѣмъ панамъ-пановичамъ: т. е. со всѣми панами-пановичами.

Со любезнымъ своимъ шуриномъ съ Вороновичемъ *).
По утру спать ложился,
Ко полуночи пробудился;
Онъ со вечера росою умывался,
Онъ кавтанною полою утирался,
А Московскому Чудотворцу, Богу молился,
И на всѣ четыре сторонки поклонился:
«Вы здорово ли, мои братцы, спали-почевали?
«Одинъ-то я, доброй молодецъ, не здоровъ спалъ **):
«Будто я хожу, доброй молодецъ, по краи синя моря,
«Я правою ногою въ море оступился,
«А лѣвою рукою за древо схватился,
«За скропкое ***) дерево, за крушину;
«Спасибо, мое скропкое дерево крушина,
«Да на томъ спасибо, что въ море не пустила!»

(Запис. тѣмъ же).

Эти Былины, о подступѣ къ Волоку, поются доселѣ въ Волоколамской области. См. описаніе Волоколамскаго уѣзда въ Моск. Губернск. Вѣдомостяхъ 50-хъ годовъ.

Послѣ прекрасной, хотя и немного книжной по языку, Былины о смерти Василія Шуйскаго и избраніи Михаила (стр. 24), наиболѣе замѣчательная слѣдуетъ о пріѣздѣ Филарета Никитича и Шеина. Она записана также для Ричарда Джемса въ 1619 году, слѣдовательно тотчасъ при самомъ событіи, на которое и сложена. Потому же она представляетъ какбы набросанный очеркъ, еще не успѣвшій развиться и разукраситься, а вмѣстѣ, какъ это бываетъ, и попортиться:

*) Въ Былинѣ 6-го выпуска это имя воронаго коня: но кажется это передѣлано изъ «Хотеновича,» а послѣднее изъ «Ходкевича.»

**) И видѣлъ во снѣ...

***) Хрупкое, крушкое (откуда и имя крушины), что крошится и крушится (у Южныхъ Славянъ «крѣхко»).

Пріѣздъ Филарета Никитича и Шеина въ Москву.

1.

(Москва).

Зрадовалося Царство Московское
И вся земля свято-Руская:
Умолилъ государь, православной царь,
Князь великій Михайло Ѳедоровичь.
А что скажутъ, въѣхалъ батюшка *),
Государь Филаретъ Микитичь,
Изъ невѣрной земли изъ Литовской;
Съ собою онъ вывезъ много князей-бояръ,
Еще онъ вывезъ государева **) боярина,
Князя Михайла Борисовича Шеина.
Съѣжалися многіи князя-бояря,
(Князя-бояря) и многіе власти,
Ко силнему Царству Московскому:
Хотятъ встрѣчать Филарета Микитича.
Изъ славнаго града каменной Москвы,
Не красное солнце катилося,
Пошелъ государь православной царь,
Встрѣчати своего батюшка,
Государя Филарета Микитича;
Съ государемъ пошелъ его дядушка ***),
(Его дядушка) Иванъ Микитичь боярищъ ****):
«Даій, Споди *****), здоровъ былъ государь мой батюшко,
«А батюшко государь Филаретъ Никитичь!»

---

*) А отъ того радость, тѣмъ умолилъ царь, что, говорятъ, пріѣхалъ его батюшка.

**) Вѣроятно «государь,» и тогда стихъ не нарушается въ размѣрѣ.

***) Дядюшка.

****) Слѣдуютъ привѣтственныя слова Михаила отцу.

*****) Господи.

А какъ будутъ онѣ въ каменной Москвѣ,
Не пошли онѣ въ хоромы въ царьскіе,
А пошли онѣ къ Пречистой соборной *),
А пѣти чесныхъ молебеновъ.
Благословлялъ своего чада милаго **):
—И дай Господи, здоровъ былъ православной царь,
—Князь великій Михаилъ Ѳедоровичь,
—А ему здержати Царство Московское
—И вся земля свято-Руская ***)!—

(Извѣст. Ак. Н. Т. I).

Текучій складъ Былины, только что сложенной и не успѣвшей ни окрѣпнуть, ни опредѣлиться, выразился тѣмъ, что стихи ея состоятъ то изъ 9, 11 и 13-ти, то изъ 10 и 12-ти слоговъ.

Былина на стр. 24, 25, о битвѣ подъ Астраханью, съ именемъ Царя Михаила, имѣетъ при себѣ еще другую, о взятіи Астрахани, которую однако считаемъ мы умѣстнѣе въ эпохѣ Разина, гдѣ и помѣстимъ ее.

—

На стр. 25—30, три Побывальщины о князѣ Пожарскомъ и о дѣлѣ подъ Конотопомъ должны бы, разумѣется, помѣститься ниже, а въ печати нашли себѣ теперешнее мѣсто по особому недоразумѣнію и обстоятельствамъ 7-го выпуска, о коихъ сказано выше. Но онѣ кромѣ того имѣютъ при себѣ довольно похожихъ произведеній о другихъ герояхъ, на примѣръ Краснощековѣ и простыхъ, Безъимянныхъ Козакахъ.

Коротенькія, въ духѣ Московскомъ, Былины о Московскомъ пожарѣ, стр. 30—32, по древности склада своего отнесены

---

*) Въ Успенскій соборъ.

**) Слѣдуютъ слова благословлявшаго Филарета, при встрѣчѣ сына.

***) Извѣстный древній падежъ при неокончательномъ наклоненіи.

нами къ Московскимъ пожарамъ Романовской эпохи XVII вѣка, хотя не скроемъ, что случаи, увѣковѣченные Былиною, имѣли мѣсто и позднѣе, даже въ XVIII вѣкѣ, особенно съ домомъ Шереметева на Никольской улицѣ. При нихъ есть еще разнорѣчія:

Московскій пожаръ.

1.

(Тульск. губ.).

Ты хозяинъ, ты хозяинъ,
Свому дому господинъ!
Намъ не дорого, хозяинъ,
Пиво пьяное твое,
Дорога намъ, хозяинъ,
Пиръ-бесѣдушка твоя *).

Во бесѣдѣ сидятъ люди,
Люди добрые сидятъ,
Они баютъ-разсуждаютъ,
Рѣчь разумну говорятъ:
««Отчего это, братцы,
««Каменна́ Москва загоралась?»»
Загоралась отъ князей отъ бояръ,
Отъ большаго господина
Шереметьева:
Ходила его вѣрная ключница
Вы новы́ подвалы,
Заронила она, заронила
Воску яраго свѣчу.
Отъ того каменна́ Москва
Загорѣлась.

*

*) Это запѣвъ, обращеніе пѣвцовъ къ хозяевамъ на пиру, какъ и въ предъидущихъ нѣкоторыхъ Былинахъ.

У Сахарова въ «Сказаніяхъ» еще нѣсколько иначе:

2.

Мнѣ не дорого, хозяинъ,
Пиво пьяное твое,
Дорога мнѣ, хозяинъ,
Смиренная бесѣдушка твоя.

Во бесѣдѣ у насъ, хозяинъ,
Люди добрые сидятъ,
Они говорятъ-разсужаютъ,
Рѣчь хорошую говорятъ:
««Отчего паша каменна Москва
Загоралась?»»
Загоралась каменна Москва
Отъ большихъ господъ,
Отъ большаго господина
Графа Шереметева:
Высходила его ключница
Во новые выхода,
Зоронила она искру
Воскояровой свѣчей.
Оттого у насъ каменна Москва
Загоралась.

За симъ у Сахарова непосредственно присоединяется совсѣмъ уже другая Былина изъ временъ Елисаветы.

Изъ эпохи Михаила Ѳедоровича, по Былинамъ, всего болѣе посчастливилось *Семену Константиновичу* (Ивану) *Карамышеву*. Это самое любимое, самое народное имя той поры, второй половины XVI и первой XVII вѣка. Народныя имена любимѣйшихъ героевъ, воспѣваемыя Московскими Былинами и вставляемыя при всякомъ удобномъ случаѣ, на перечетъ. Кромѣ государей и вообще царскихъ особъ, неизмѣнно привлекаю-

щихъ вниманіе сихъ Былинъ по ихъ особому, государственному или державному характеру, какъ-то *Грозный Царь Иванъ Васильевичь*, *Борисовая дочь Годунова, царь и князь великій Михайло Ѳедоровичь*, *православный царь Алексѣй Михайловичь* и *государь Петръ Алексѣевичь*, кромѣ сихъ, говоримъ, царственныхъ-именъ, таковы въ Московскихъ Былинахъ всюду любимѣйшія народныя: *Никита Романовичь* и, какъ злодѣй, *Малюта Скурлатовъ сынъ*; *Ермакъ Тимоѳеевичь* и, опять какъ злодѣй, но весьма привлекательный удалью, *Степанъ*, *Стенька Разинъ Тимоѳеевичь*; *князь Скопинъ Михайло Васильевичь* и *злой Разстрига Гришка Отрепьевъ сынъ*; *князь Голицынъ* (Василій Васильевичь) и *графъ Борисъ Петровичь Шереметевъ*; *Краснощоковъ* и *Чернышевъ Захаръ Григорьевичь*, наконецъ *Платовъ генералъ* и тому подобныя, менѣе важныя или болѣе новыя. Именно таковъ же точно *Карамышевъ Семёнъ Константиновичь* (всѣ имена сіи замѣтно укладываются въ стихъ съ большимъ удобствомъ, а иныя цѣликомъ составляютъ цѣлый стихъ и размѣромъ своимъ опредѣляютъ размѣръ въ теченіи всей Былины). Какъ скоро въ старшихъ Московскихъ Былинахъ, XVI и XVII вѣка, попадается выраженіе (и дѣйствующее лицо) «воевода Царёвъ» или «большой бояринъ,» такъ ужь всегда ожидайте, что пѣвецъ по привычкѣ прибавитъ имя — «Карамышевъ Семёнъ Константиновичь.» Онъ является какъ Персидскій (въ Персію) посолъ, убійство котораго послужило Ермаку и товарищамъ его поводомъ къ завоеванію Сибири; онъ же является Воеводой при осадѣ Пскова Баторіемъ (см. 6-й вып.); онъ же при подступѣ къ Волоку; онъ же наконецъ, историческій (Иванъ), при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, какъ извѣстно, убитъ Донскими козаками. Можно полагать, что имя его (Семена) перешло въ Московскія Былины еще изъ Княжескихъ, изъ исторіи Тверскихъ князей, Борисовичей, и унаслѣдовано еще съ тѣхъ поръ народной памятью. Московскихъ же Былинъ о немъ много, и всѣ онѣ, какъ сейчасъ убѣдимся, дѣлятся, въ разсказѣ объ убіеніи

его, на двѣ главныхъ редакціи: въ одной событіе передано точнѣе и опредѣленнѣе, съ ясными чертами лица и мѣстности; въ другой рѣзкіе признаки стерты, мѣстность, поприще событія передвигается, и на Камышенку, и Самару, и общѣе на Волгу, и подъ Астрахань. Первыя Былины явно объ историческомъ лицѣ и событіи 1630 года, на Дону; вторыя же, должно думать, связуются именно съ преданіями о старшемъ героѣ, Персидскомъ послѣ, а отчасти видимо переходятъ даже въ эпоху Разина, чему поводомъ вѣроятно была извѣстная судьба воеводы, сходнаго по имени, *Семена Беклемишева*. Разумѣется, мы сначала помѣстимъ 1-ю, потомъ 2-ю редакцію:

Убитъ Карамышевъ.

1.

Ужь не травушка въ чистомъ полѣ зашаталась,
Не муравая ко сырой землѣ приклонялась,
Подымается съ Москвы большой бояринъ,
Онъ на Тихой Донъ на Ивановичь гулять.
Не доѣхавши онъ Тиха Дону становился:
Похвалялся онъ козаковъ всѣхъ тамъ перевѣшать.
Во единой кругъ козаки тотчасъ собирались,
Посередъ круга становился царевъ бояринъ:
Онъ началъ читать государевы для нихъ указы.
Дочитался онъ до царскаго только тигула,
Козаки тотъ часъ всѣ шапки тутъ поснимали,
А большоя-тъ царевъ боярынь шляны не снялъ;
Отъ тово-то всѣ козаки тотчасъ взволновались,
Разъярившись они на боярина вдругъ бросались,
Буйну голову отъ бѣла тѣла отрубили,
А бѣло тѣло во Тихой онѣ Донъ бросали;
А убивши, они ево тѣлу говорили:
««Почитай ты, большой бояринъ, государя,
««Не гордися ты передъ нимъ, бояринъ, и не славься!»»

«Ко царю они съ повинною приходили:
««Ты гой еси, нашь батюшка, православной царь!
««Ты суди, государь, насъ праведной расправой,
««Повели надъ нами дѣлать, что изволишь,
««Ужь ты воленъ надъ нашими головами *).»»

(Старшій пѣсенникъ Трутовскаго, ч. II.; повторилась и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ).

*

2.

(Симбирск. губ.).

Подымался съ Москвы большой бояринъ,
Онъ на Тихой Донъ Ивановичь гулять.
Не доѣхавши Тиха Дона становился:
Похвалялся всѣхъ козаковъ перевѣшать.
Козаки, братцы, тотчасъ догадалися,
Во единой кругъ они собиралися,
Середи круга становился царевъ бояринъ:
Онъ сталъ читать государевы указы.
Дочитался онъ до царскаго титула,
Козаки всѣ шапки поснимали,
А большой царевъ бояринъ шляпы не снялъ;
Отъ тово козаки взволновалися,
На боярина они бросалися,
Буйну голову ево срубили,
А бѣло тѣло въ Тихой Донъ бросили.
И убивши, тѣлу говорили:
««Почитай ты, баринъ, государя,
««Не гордись ты передъ нимъ и не славься.»»

*) Такъ, извѣстно исторически, козаки извиняли убіеніе Карамышева, съ своей точки зрѣнія; но могъ быть правъ съ своей стороны и Карамышевъ: при послѣ Андреѣ Савинѣ и Кантакузинѣ, онъ собственно былъ Воеводою царскаго войска, и слѣдовательно, какъ воевода, могъ оставаться въ шишакѣ.

Ко царю они съ повинной приходили:
««Ты гой еси, батюшка православной царь!
««Ты суди насъ праведной расправой,
««Повели надъ нами дѣлать, что изволишь,
««Ты воленъ надъ нашими буйными головами.»»

(Запис. Языковъ).

* *

Въ слѣдующемъ образцѣ на концѣ есть книжная подправка издателей старшихъ нашихъ пѣсенниковъ: не зная хорошенько подлиннаго событія, они хотѣли и смягчить поступокъ козаковъ, и вывести нравственное поученіе касательно «гордости» Карамышева.

3.

Еще внизъ то было по матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ,
Сопротивъ тово *) было устьица Самары рѣки,
Что плыветъ тутъ, выплываетъ лёгкая лодочка,
Легкая лодочка выплываетъ, братцы, коломенка;
Хорошо больно лёгкая лодочка изукрашена,
Серебромъ-златомъ лёгкая лодочка изнасѣчена;
Посередъ стоитъ лёгкой лодочки знамя царское,
Что во лодочкѣ сидитъ младой посланникъ царевъ,
Карамышевъ князь Семенъ сынъ **) Константиновичь.
Во правой рукѣ держитъ онъ государевъ указъ,
Во лѣвой рукѣ онъ держитъ саблю вострую.
Приставаетъ ***) онъ ко кругому красному бережку,
Ко сыпучему ко крупному ли желту песку.

*) Разнорѣчіе: «Супротивъ-то.»
**) «сударь.»
***) «пристаетъ.»

Козаки всѣ собираются во единой кругъ,
Становится младъ посланничекъ середи *) круга,
Козакамъ читаетъ посланничекъ **) государевъ указъ.
Козаки всѣ для указа шапки посняли,
Младъ посланничекъ не снимаетъ шляпы черныя.
Козаки тутъ всѣ въ мшуту ***) взволновалися,
И со всею его гордостію изъ стану выгнали ****).

(Старшій пѣсенникъ Трутовскаго, ч. I.; разнорѣчія изъ 1-го изданія Прача 1791 г.; то же повторяется и въ нѣкоторыхъ другихъ пѣсенникахъ).

* *

Въ слѣдующемъ образцѣ еще болѣе стираются черты и, хоть удержано имя, но передвигается поприще событія, дѣло идетъ на лодкахъ, щекотливыя обстоятельства убіенія обойдены:

4.

(Симбирск. губ.).

Внизъ то было *) по матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ,
Супротивъ то была устьица Самары рѣки,
Что плыветъ тутъ легка лодочка коломенка;
Что въ лодонки **) сидитъ младъ посланникъ царевъ,
Карамышевъ князь Семенъ сударь ***) Констаптиновичь,
Въ лѣвой онъ рукѣ держитъ государевъ указъ,
А во правой рукѣ держитъ саблю острую.

*) «посреди.»
**) «Что читаетъ имъ посланникъ.»
***) «всѣ удалые.»
****) «И за его гордость изъ стану его выгнали.»
*) Разнор. «Ужь какъ внизъ-то было.»
**) «Что въ той лодочкѣ.»
***) «сударь» опущено.

Что по крутому, по красному бережку,
Что по желтому сыпучему песочку,
Что *) ходили тутъ—гуляли добрые молодцы,
Добрые молодцы гуляли, все Донскіе казаки,
Все Донскіе, Гребенскіе, Запорожскіе,
Да и славны казаки, братцы **), Яицкіе.
Они думали крѣпку думушку за едино ***),
Что сказали всѣ словечушко во единый гласъ,
Становили они пушку, братцы, мѣдную,
Закатили въ нее ядрушко чугунное,
Что палили они въ лодочку коломенку:
Никого они въ лодочкѣ не ранили,
Только убили одного царскаго посланника.

(Отъ Языкова; разнорѣч. изъ Кузнецовскаго пѣсенника 1822 года, то же есть и въ другихъ).

Другія того же рода Былины мы относимъ къ эпохѣ, къ которой вслѣдъ за симъ и переходимъ.

Ко времени царя Алексѣя Михайловича, кромѣ приведенныхъ выше Былинъ о Семенѣ Пожарскомъ, въ собраніи Рыбникова, Ч. II № 40 и III №№ 46 и 47 (въ печати ошибкою 42), относятся три замѣчательныхъ Былины о Земскомъ Соборѣ, держать ли за собою Смоленскъ. Хотя мы имѣли бы право отнести ихъ къ царствованію Михаила, но въ семъ случаѣ слѣдуемъ опредѣленію, выраженному съ точностію въ самихъ Былинахъ.

---

*) «Какъ.»
**) «Еще славные козаки.»
***) «Они думали за едино крѣпку думушку.»

Главнымъ героемъ, занявшимъ народное вниманіе Былинъ, слѣдуетъ за симъ при Алексѣѣ Михайловичѣ Стенька Разинъ. Превосходная, извѣстная монографія г. Костомарова, «Бунтъ Стеньки Разина,» гдѣ расположено въ порядкѣ и нѣсколько Былинъ, сюда относящихся, можетъ служить хорошею нитью и помощью въ нашемъ собственномъ дѣлѣ. Нужно только прибавить, что сочинитель относитъ сюда нѣкоторыя Былины по догадкамъ, тогда какъ онѣ не имѣютъ при себѣ опредѣленнаго имени Разина или имя это вставилъ Сахаровъ. Потому здѣсь необходима въ пользованіи нѣкоторая осторожность. Исторія Козачества въ «Московской» области Былинъ начинается собственно съ Ермака: но мы имѣли случай уже достаточно убѣдиться, что многое тамъ, при Ермакѣ, покореніи Сибири и взятіи Казани (см. 6-й выпускъ), вставлено изъ эпохи Разина, даже имя сего послѣдняго. Очевидно также, что кое-что и изъ времени Ермака, и царствованія Михаила, перенесено потомъ на Разина, какъ мы упомянули при Карамышевѣ и еще увидимъ сейчасъ при разсказѣ о самыхъ первыхъ судьбахъ Разина. Съ другой стороны конечно и въ Безъимянныхъ Козацкихъ Былинахъ много дошло до насъ такого, что собственно истекаетъ изъ эпохи Разина, хотя и потеряло его имя. Поэтому надежнѣйшій путь въ дѣлѣ изданія Былинъ представляется намъ слѣдующій: отъ Былинъ о Разинѣ читателямъ приходится непремѣнно и часто восходить за подробностями въ 6-й выпускъ и во все предыдущее сему въ выпускѣ 7-мъ; за тѣмъ Былины безъ имени и опредѣленнѣйшихъ признаковъ, хотя здѣсь и было бы много сходства съ Разинскими, приходится въ изданіи оставить и отложить до болѣе удобнаго, своего имъ мѣста, развѣ только кое-гдѣ прибѣгая къ сличенію; наконецъ, избирать въ настоящемъ случаѣ лишь тѣ Былины, гдѣ есть имя Разина и прочіе несомнѣнные его признаки, не выводя притомъ историческихъ выводовъ, кои составляютъ предметъ критикующаго историка, а болѣе слѣдуя воззрѣнію самого творчества, какъ оно понимаетъ и распредѣляетъ ту эпоху, какъ даетъ о ней свои собственныя показанія.

Плѣнъ въ Азовѣ, чѣмъ начинаетъ г. Костомаровъ преданія о Разинѣ, по Былинамъ относится къ Ермаку; назовемъ это просто

Донской козакъ въ плѣну Азовскомъ.

1.

(Кирша Данилов).

А и по край было моря синяго,
Что на устьѣ *) Дону-то Тихаго,
На крутомъ-красномъ бережку,
На желтыхъ-разсыпныхъ пескахъ,
А стоитъ крѣпкой **) Азовъ городъ
Со стѣною бѣлокаменною,
Земляными розкатами и ровами глубокими,
И со башнями караульными ***).
Середи Азова города
Стоитъ темная ****) темница,
А злодѣйка—земляная тюрьма;
И во той было темной темницѣ
Что двери были желѣзныя,
А замокъ былъ въ три пуда,
А пробои были булатные,
Какъ засовы были мѣдные;
Что во той темной темницѣ
Засаженъ сидитъ Донской козакъ
Ермакъ Тимоѳеевичь.

Мимо той да темной темницы
Лучилося царю итти, самому царю,
Тому Турецкому Салтану Салтановичу.

---

*) Разнорѣчіе: «А на усть.» — **) «тутъ славной.» — ***) «Со стѣной бѣлокаменной, И со башнями наугольными, И со рвами глубокими, Съ земляными роскатами, И съ рогатками желѣзными.» — ****) «Тутъ стоитъ темна.»

А кричитъ Донской козакъ
Ермакъ Тимоѳеевичь:
«А ты гой еси, Турецкой царь
«Салтанъ Салтановичь!
«Прикажи ты меня поить-кормить,
«Либо казнить, либо на волю пустить.»
Постоялся *) Турецкой царь
Салтанъ Салтановичь:
—А мурзы, вы, улановья!
—А вы згаркайте изъ темницы
—Того тюремнаго старосту.—
А и мурзы-улановья металися черезъ голову,
Привели его, улановья они, старосту тюремнаго;
И сталъ онъ, Турецкой царь,
У тюремнаго старосты спрашивать:
—Еще что за человѣкъ сидитъ?—
Ему староста разсказываетъ:
««А и ты гой еси, Турецкой царь
««Салтанъ Салтановичь!
««Что сидитъ у насъ Донской козакъ
««Ермакъ Тимоѳеевичь.»»
И приказалъ скоро Турецкой царь:
—Вы мурзы-улановья!
—Ведите Донскаго козака
—Ко палатамъ моимъ царскимъ.—

Еще втапоры Турецкой царь
Напоилъ-накормилъ добраго молодца
И тожно **) сталъ его спрашивати:
—А ты гой еси, Донской козакъ!
—Еще какъ ты къ намъ въ Азовъ попалъ?—
Разсказалъ ему Донской козакъ:
«А и я посланъ изъ каменной Москвы
«Къ тебѣ, царю, въ Азовъ городъ,

*) Остановился.
**) Въ слѣдъ за тѣмъ.

«А и послалъ былъ скорымъ посломъ,
«И гостинцы дорогіе къ тебѣ везъ:
«А на заставахъ твоихъ меня всего ограбили,
«И мурзы-улановья моихъ товарищей
«Разсадили, добрыхъ молодцовъ,
«И по разнымъ темнымъ темницамъ.»
Еще втапоры Турецкой царь
Приказалъ мурзы-улановьямъ
Собрать добрыхъ молодцовъ,
Ермаковыхъ товарищей.
Отпущаетъ добрыхъ молодцовъ,
Ермака въ каменну Москву;
Снарядилъ добраго молодца
Ермака Тимоѳеевича,
Наградилъ златомъ-серебромъ,
Еще питьями заморскими.

Отлучился Донской козакъ отъ Азова города,
Загулялся Донской козакъ
По матушкѣ Волгѣ рѣкѣ,
Не явился въ каменну Москву.

*

Рукопись Кирши Данилова оканчивалась началомъ такой же Былины (откуда мы выше привели разнорѣчія), со словъ «А и по край» до «Тутъ стоитъ темна темница.» Было ли въ рукописи при ней заглавіе, или отъ себя, К. Ѳ. Калайдовичъ замѣтилъ, что это «начало пѣсни *о Стенькѣ Разинѣ*.» Вѣроятно на семъ основаніи, исправивъ, какъ водится, Былину, перепечаталъ ее въ «Сказаніяхъ» г. Сахаровъ, поставивши вездѣ вмѣсто «Ермакъ Тимоѳеевичь» имя «Степанъ Тимоѳеевичь.» Это подѣйствовано и на г. Костомарова. Но такія же точно Былины являются о другихъ, Безъимянныхъ Козакахъ, и даже о Краснощоковѣ, о Черышевѣ, при чемъ вмѣсто Султана Прусскій Король, а вмѣсто Азова Кистринъ или Берлинъ (см. ихъ ниже). Потому собственно началомъ Былинъ о Разинѣ мы

признаемъ только тѣ, кои и напечатаны у насъ выше, на стр 32, 33, подъ №№ 1 и 2-мъ, о томъ, какъ породился, проявился и къ другимъ козакамъ относился Разинъ. Ко 2-й изъ нихъ маленькія разнорѣчія у г. Костомарова.

Слѣдующая за тѣмъ у г. Костомарова, Былина о переходѣ на Волгу, не имѣетъ при себѣ имени Разина и относится вообще ко всѣмъ прочимъ Козацкимъ.

Былина, отнесенная г. Костомаровымъ къ возвращенію Разина изъ Персіи на Волгу, опять не всегда имѣетъ при себѣ имя сего послѣдняго, напротивъ ставитъ старше имя Ермака, отсюда ведетъ его на помощь Грозному Царю подъ Казань, а также вставляетъ всевозможныя козацкія имена. Нѣсколько образцовъ ея уже напечатано нами въ выпускѣ 6-мъ, стр. 23—35, потомъ 36 и 39. Впрочемъ мы прибавимъ здѣсь разнорѣчіе Костомаровское (въ Сборн. пѣс. Самарскаго края, 1862 года, приведенъ варіантъ одинаковый съ нашимъ въ 6-мъ вып. стр. 29, № 4, съ именемъ *Ивана* Тимоееева):

Стенька Разинъ.
Переходъ на Волгу.

1.

Какъ далечепько-далечепько во чистомъ полѣ,
Да еще какъ подалѣй на синемъ морѣ,
Какъ па синемъ морѣ было на Хвалынскомъ,
Что на славномъ было островѣ на Персидскомъ,
Собирались музуры *), добры молодцы.
Они думушку гадали всѣ великую,
Думу крѣпкую гадали за единую:
««Вотъ кому изъ насъ, ребятушки, атаманомъ быть,
««Да кому изъ насъ, ребятушки, есауломъ слыть?

*) См. вып. 6-й.

«Атаманомъ быть Степану Тимоѳеевичу,
«Есауломъ быть Василью Никитичу.»»
Атаманъ рѣчь возговоритъ, какъ въ трубу трубитъ,
Есаулъ-то рѣчь возговоритъ, какъ въ свирѣль играетъ:
«Не пора ли намъ, ребята, со синя моря,
«Что на матушку на Волгу на быстру рѣку?»

*

Гораздо дѣйствительнѣе выводъ г. Костомарова, что извѣстная Былина о Соколѣ кораблѣ, а на немъ о Разинѣ съ Ильею Муромцемъ (она напечатана у насъ по нѣсколькимъ разнорѣчіямъ въ вып. 1-мъ, 1-го и 2-го изд., стр. 22, 23, № 7), имѣетъ очевидное отношеніе къ исторіи Разина, ибо, извѣстно, корабль его носилъ имя Сокола, а врагами являются Восточные народы (противъ Разина Персіяне). Варіантъ, который при семъ приводитъ г. Костомаровъ, есть тотъ самый, что напечатанъ въ «Лѣтопис. Р. Литер. и др.» изъ сборник. гг. Костомар. и Мордовц., подъ № 1-мъ, и уже помянутъ нами выше, въ Приложеніяхъ стр. 9. Къ сожалѣнію только, во всѣхъ образцахъ сей Былины врагами Сокола являются «Татары съ *Калмыками*,»—такъ и по сборнику г. Костомарова въ «Лѣтопис.»: а въ монографіи о бунтѣ Стеньки Разина совершенно неожиданно явились вмѣсто того «Татары *съ Персіянами.*» Признавая всѣ права за симъ варіантомъ, подходящимъ къ исторіи Разина, мы въ замѣнъ того имѣемъ право прибавить, что въ лучшихъ, очевидно старшихъ, образцахъ, вмѣсто Разина стоитъ Святогоръ и Полканъ, что главная роль во всей Былинѣ отдана Ильѣ, а не Разину, что, независимо отъ Разина, есть особыя преданія о подвигахъ Ильи на Соколѣ, а на Соколѣ же является и другая, древнѣйшая героиня, Настасья Никулична (см. Приложенія къ нашему 1-му вып. стр. 34 и во II-й части собр. Рыбникова стр. 317, 318, № 61). О ошибкѣ же Сокола съ Орломъ см. ниже.

Присутствіе Настасьи Никулишны на Соколѣ кораблѣ могло бы послужить для монографовъ выгоднымъ поводомъ къ объясненію, что здѣсь разумѣется Персіянка, извѣстная любовница Разина, имъ послѣ убитая. И вѣроятно изслѣдователямъ неизвѣстно, что у насъ есть цѣлая куча, конечно Безъимянныхъ и позднѣйшихъ, Былинъ, гдѣ именно, въ плаваніи, при атаманѣ выставляется дѣвушка любовница, которая то горюетъ, то кается въ разбояхъ, то пророчитъ другу своему спасеніе отъ бѣды, то сама спасаетъ его, или же, наконецъ, варварски убита имъ. Не отрицаемъ, что сюда вѣроятно проникли нѣкоторыя черты изъ судебъ Разина: но, зная, что это все обычно бывало и у другихъ козаковъ, особенно атамановъ, и притомъ не имѣя нигдѣ прямаго *имени Разина*, мы всѣ такіе образцы отлагаемъ до будущаго, къ Безъимяннымъ.

Въ теченіе всѣхъ переходовъ Разина, съ Волги къ Персіи и оттуда обратно, извѣстны разныя затруднительныя стоянки его на островахъ и даже зимовка. Къ сей конечно эпохѣ относится Былина, неизвѣстная г. Костомарову:

Стоянка Разина.

1.

Тихохонько синє море становилося,
Ничѣмъ наше Каспійское не шевельнулося,
Что осеннимъ ледочкомъ покрывалося:
Замерзъ-то нашь воровской стружокъ.
Что на томъ ли на стружкѣ атаманъ сидитъ,
Что по имени Степанъ Тимоѳеевичь,
По прозванью Стенька Разинъ сынъ.
Онъ рѣчь говоритъ, братцы, какъ въ трубу трубитъ:
«Ахъ вы гой еси, удалы-добры молодцы!
«Вы берите еловчатыя *) веселечки,
«Вы бейте-пробивайте тонкой осенней ледъ:
«Ахъ, какъ бы намъ добиться до тихихъ мѣстъ,

*) Испорчено вм. яровчатыя, яворчатыя, изъ явора (обычное прозвище гуслей.)

«Что до той ли до проточинки Червонныя,
«Что до славнаго до острова Кавалерскаго!
«Ахъ, тамъ ли вамъ, братцы, дуванъ *) дѣлить,
«Намъ отласу и бархату по размѣру всѣмъ,
«Золотой парчи по достоинствамъ,
«Жемчугу по молодечествамъ,
«А золотой казны сколько надобно.»

(Ср. Новиковскій пѣсенникъ, ч. III).

*

Первоначальныя отношенія Разина къ Астрахани и искушенія или опасности, коимъ онъ подвергался съ сей стороны, прекрасно изображены въ Былинѣ, которую приводитъ г. Костомаровъ:

Искушеніе и опасность Разину въ Астрахани.

1.

Ужь вы горы мои, горы!
Прикажите-ка, вы, горы,
Подъ собой намъ постояти:
Намъ не годъ-то годовати,
Не недѣлюшку стояти,
Одну ночку ночевати,
И тою намъ всю не спати,
Легки ружья заряжати,
Чтобы Астрахань намъ городъ
Во глуху полночь проѣхать,
Чтобъ никто насъ не увидѣлъ,
Чтобъ никто насъ не услышалъ.

*) Полонъ, добычу.

Какъ увидѣлъ и услышалъ
Астраханскій воевода.
Приказалъ же воевода
Сорокъ пушекъ заряжати,
Въ Стеньку Разина стрѣляти:
«Ваши пушки меня *) не вóзьмутъ,
«Легки ружьица не прóйимутъ;
«Ужь какъ вóзьметъ ли, не вóзьметъ,
«Астраханска дѣвка Маша.»

По бережку Маша ходитъ,
Шелкóвымъ платкомъ машетъ;
Шелковы́мъ платкомъ махала,
Стеньку Разина прельщала:
Стеньку Разина прельстила,
Къ себѣ въ гости заманила,
За убра́нъ столъ посадила,
Пивомъ-медомъ угостила
И до пьяна напоила,
На кровать спать положила
И начальству объявила.

Какъ пришли къ нему солдаты,
Солдатушки молодые,
Что сковали руки-ноги
Желѣзными кандалами,
Посадили же да Стеньку
Во желѣзную во клѣтку:
Три дни по Астрахани возили,
Три дни съ голоду морили.
Попросилъ же у нихъ Степька
Хоть стаканъ воды напиться
И во клѣткѣ окатиться:

*). Судя по складу, въ пѣсни должно стоять «насъ,» и это совершенно согласуется со всею пѣснею, очевидно пѣтою отъ лица козаковъ.

Онъ во клѣткѣ окатился—
45. И на Волгѣ очутился.

*

Начало сей Былины сходно съ помѣщенною у насъ выше на стр. 33, 34, подъ № 3: она кончается именно тѣмъ, что Астраханскій воевода узналъ подступившаго Разина.

Но съ нею тѣсно связана другая, гдѣ изображается судьба подосланнаго Разинымъ въ Астрахань передоваго человѣка, агента или шпіона, какъ полагаютъ историки, *сына*,—какъ единогласно увѣряютъ народныя Былины. Если въ самомъ дѣлѣ у Разина не было такого сына, то онъ могъ явиться въ Былинахъ, полагаемъ, вслѣдствіе частаго повторенія одного и того же выраженія—«Стенька Разинъ *сынъ*,» «Стеньки Разина *сына*,» откуда не трудно было уже сдѣлаться «сыну Стеньки Разина.» Первая Былина, которую о немъ приводитъ г. Костомаровъ, одинакова съ нашею, помѣщенною выше подъ № 4-мъ на стр. 34—40, по многимъ варіантамъ; развѣ только остается замѣтить отличія: «Да во нанковомъ халатѣ на распашечку;» «Астраханскимъ купчишкамъ (!) онъ не кланяется, Господамъ ли да боярамъ онъ челомъ не бьетъ;» «Увидалъ же воевода со парадняго крыльца, Приказалъ же воевода къ себѣ его привести;» «Вы подите, поймайте;» «Поймали, соковали удалова молодца, Привели ко воеводѣ незнамова на глаза (!);» «Ужь и чей такой дѣтинка, чей удалой молодецъ? Ты какого поведенья (!), чьего матери-отца?»—Къ тому же самому, на первую половину приведенной у насъ Былины, помѣщенъ весьма близкій варіантъ у Рыбникова въ Ч. Ш, стр. 273, № 49.—Вторая половина нашей Былины, начинающаяся со стиха 20-го (стр. 38), представляетъ сборы Разина въ Астрахань, какъ послѣдствіе задержки сына и желаніе отмстить воеводѣ. Эта половина отдѣлена у г. Костомарова какъ особая Былина и мы приведемъ ее какъ разнорѣчіе къ нашей:

Сборы Разина въ Астрахань.

1.

Какъ по матушкѣ по Волгѣ легка лодочка плыветъ,
Какъ во лодочкѣ гребцовъ ровно тридцать молодцовъ,
Посередь лодки сидитъ Стенька Разинъ самъ *).
Какъ возговоритъ онъ, Стенька, ко товарищамъ своимъ:
«Ужь и что-й-то это, братцы, мнѣ тошнымъ тошно,
«Мнѣ сегодняшній денечекъ да грустнехонько?
«Какъ и знать-то мой сынокъ во неволюшку попалъ!
«Ужь я въ Астрахань зайду,—вижгу-вырублю,
«Астраханскаго воеводу я подъ судъ возьму.»

(Стихъ двойнаго склада: можетъ быть дѣлимъ и на двѣ половины, впрочемъ вторая половина нѣсколько меньше и отдѣляется какъ припѣвъ. Этотъ складъ—самый употребительный въ Былинахъ о Разинѣ).

Другая Былина того же содержанія, приведенная у г. Костомарова, весьма испорченная, представляетъ сбивчивое смѣшеніе той же исторіи Разинова сына съ судьбою прочихъ козаковъ, проникавшихъ въ Астрахань:

Сынъ Разина. Попытки проникнуть въ Астрахань.

1.

Изъ славнаго изъ устьища сиия моря,
Тутъ плыветъ-выплываетъ нова выкладна **),
Хорошо кладна **) изукрашена.
Она плыветъ-подплываетъ къ Астрахани,
Къ тому ли царству Астраханскому.
Добры молодцы въ городѣ во Астрахани

*) Стихъ дуренъ.
**) Расшива, верховое судно.

Погуляли, поцарствовали,
Попили-поѣли, на отвалъ пошли.

Увидали молодцы воеводу изъ окна *),
Закричалъ воевода громкимъ голосомъ:
«Заловите, поймайте добрыхъ молодцовъ!»
Добрый молодецъ **) противности не чинилъ,
Во дворецъ самъ подскочилъ.
Сталъ воевода его спрашивати:
«Ты скажи, скажи, добрый молодецъ,
«Не утай самъ себя.»
—Я самъ тебѣ разскажу, всею правду объявлю:
—Я со Камы со рѣки, Стеньки Разина сынъ.
—Заутра хотѣлъ къ тебѣ батюшка въ гости побывать:
—Чѣмъ будешь батюшку потчивать?—
«Я пивушка не куплаю, винца въ ротъ не беру;
«Есть у меня наготовлены сухари,
«Они въ Москвѣ крошены, въ Казани сушены:
«То я встрѣчу его, буду потчивать.»
Испугался добрый молодецъ,
Отъ него прочь бѣжалъ.

И подбѣгаетъ къ своей выкладной,
Закричалъ громкимъ голосомъ:
—Охъ братцы мои, товарищи!
—Пригряньте ко мнѣ выкладцу,
—Не оставьте меня при бѣдности:
—На насъ воевода осердился ***).—
Добры молодцы ужаснулися,
Заторопилися, отгрянули ко крутому берегу ****).

(Къ сожалѣнію не замѣчено, гдѣ и изъ какого источника взята или записана сія Былина).

*

*) Конечно на оборотъ: воевода увидалъ молодцовъ.

**) Крутой поворотъ отъ молодцовъ къ молодцу.

***) Хоть бы «прогнѣвался?» Былина замѣтно сложена изъ двухъ частей: одна о козакахъ вообще, въ другую хотѣли прилѣпить Разина, самого или сына.

****) Эти два послѣднихъ стиха вовсе не народны и никуда не годятся.

Наконецъ помянутое отношеніе любовницы къ атаману изложено въ формѣ особой Былины, напечатанной у насъ выше на стр. 42, 43, гдѣ опять выведенъ «Сынъ Стеньки Разина.»

Теперь, прежде чѣмъ перейдемъ къ Астраханской катастрофѣ, упомянемъ еще одинъ эпизодъ. Извѣстно, что Разинъ, ѣздившій на *Соколѣ*, сжегъ *Орла*, старшее наше судно: сопоставленіе само по себѣ разительное и вызывающее поэтическіе образы. Съ другой стороны, можетъ быть не безъ вліянія сего случая, существуютъ преданія о плаваніи Ильи Муромца на Соколѣ и также сшибкѣ съ Орломъ, отъ коего на силу ушли (см. конецъ нашего 1-го выпуска). Именно все это конечно и возбудило И. П. Сахарова, вообще склоннаго къ передѣлкѣ пѣсень по разнымъ тенденціямъ, составить и помѣстить въ «Сказаніяхъ» слѣдующую драматическую сцену:

Соколъ и Орелъ.

(№ первый и послѣдній).

Дотолѣва [1]) про окіанъ море не слыхано,
А нынѣ на окіанъ море собираются [2]):
Собирался на окіанъ море Новоторженинъ [3]),
Убиралъ [4]) онъ тридцать кораблей безъ одинаго [5]),
Украшалъ себѣ Соколъ корабль:
Ужь онъ деревцы [6]) становилъ кипарисовы,
Снасточки, бичевочки [7]) шелковыя,

---

[1]) Якобы народное: по смыслу нужно «доселѣва.» — [2]) Сочинитель предполагалъ, что это не проза, а народная поэзія. — [3]) Взятъ изъ Новгородскихъ Былинъ, потому что управлялъ кораблемъ Буслаева: но зачѣмъ попалъ на Каспійское море, неизвѣстно. — [4]) По народному «снаряжалъ.» — [5]) Это въ пѣсняхъ употребляется потому, что тридцатый обыкновенно—самого героя или хозяина: а здѣсь всего 29. — [6]) Какіе это Божьи «деревцы» и за чѣмъ? — [7]) Бичевокъ шелковыхъ не слыхано.

О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
Бѣлыхъ, полотняныхъ [1]).
Онъ на корму сажалъ Илью Муромца,
На носу Стеньку Разина [2]).
Отваливали они Соколъ корабль
Отъ бережку отъ крутаго,
Отъ песочку сыпучаго,
Отъ камышку [3]) зеленаго.
Плыли они по синю морю,
И несчастьице случилося [4]):
Билъ ихъ Соколъ корабль
Сизой Орелъ [5]), и отъ духу его
Соколъ корабль чуть не залился [6]).
Стенька Разинъ возговоритъ:
«Ужь ты общій [7]) большой братъ,
«Илья Муромецъ!
«Ты подай-ко мнѣ лукъ [8])
«Во пятнадцать пудъ.»
Натягивалъ Степанушка
Свой тугой лукъ,
Накладывалъ калену стрѣлу,
Убивалъ сиза Орла
Во право крыло, въ ретиво сердце [9]).

Это такая мастерская Былина, что ее не помѣстилъ при своемъ изслѣдованіи даже г. Костомаровъ.

*

[1]) Изъ пѣсни: «Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ.» — [2]) Молодецъ Новоторженинъ, купеческій сынъ, является хозяиномъ надъ Ильею и Разинымъ, какъ мальчиками. — [3]) Это по народному значитъ то же, что *камешку*: сочинитель вѣроятно хотѣлъ выразить *камышь, камышикъ, камышиченекъ*. — [4]) Обычное по ловкости выраженіе въ словарѣ г. Сахарова. — [5]) У народа это значило бы — безъ смысла, или что пловцовъ билъ собою корабль Соколъ, онъ же Орелъ; у Сахарова это значитъ, что ихній корабль Соколъ былъ битъ Орломъ. — [6]) Отъ чьего-то *духу* чуть не захлебнулся: у сочинителя предъ взоромъ носится образъ парящаго державнаго орла. — [7]) Илья почему-то сдѣлался *общимъ* (gemein) и посаженъ, чтобъ подать лукъ Стенькѣ. — [8]) Въ эпоху Стеньки стрѣляютъ изъ лука. — [9]) Выходитъ сердце подъ *правымъ* крыломъ.

Астраханское дѣло Разина и убіеніе Прозоровскаго, съ замѣчательными подробностями о *раскатѣ* и судьбѣ *дѣтей*, изображено въ слѣдующей Былинѣ, къ сожалѣнію неизвѣстной г. Костомарову и примыкающей, какъ заключеніе, къ помѣщеннымъ нами выше:

Буйство въ Астрахани.
Убитъ Прозоровскій.

I.

Что да на матушкѣ на Волгѣ не черны́мъ да зачернѣлось.
Не черны́мъ да зачернѣлось, не бѣлы́мъ да забѣлѣлось.
Зачернѣлися на Волгѣ Черноярскіе стружечки,
Забѣлѣлися на мачтахъ тонкіе-бѣлые парусочки.
Что не черной воронъ гаркнулъ, что возговоритъ Стенька Разинъ:
«Охъ вы гой еси, козачье наше вольное собранье!
«Вы гребите не робѣйте, бѣлыхъ ручекъ не жалѣйте,
«Намъ бы Астрахань городъ ополноче бы пробѣжати,
«Черноярской городочикъ что на утренней на зорѣ,
«Чтобъ никто насъ не увидѣлъ и никто бы не услышалъ.»

Какъ одинъ, братцы, увидѣлъ и одинъ, братцы, услышалъ,
Господинъ большой бояринъ, Черноярской Воевода:
Шолъ отъ раннія отъ обѣдни, велѣлъ въ колоколъ звонити,
Велѣлъ въ колоколъ звонити во большой во набатной,
Чтобъ стрѣльцы да собирались, пушкари бы снаряжались,
Они пушки бы заряжали и по Стенькѣ бы стрѣляли.
Што возговоритъ Стенька Разинъ городскому да Воеводѣ:
—И вы пороху не теряйте и снарядовъ не ломайте,
—Меня пулечка не тронетъ, меня ядрышко не возметъ.—

Чго метался Стенька Разинъ на угольную на башню,
Со великова раскату Воеводу долой збросилъ,
Ево маленькихъ дѣтокъ онъ всѣхъ за ноги повѣсилъ.

(Старшій пѣсенникъ Трутовскаго, ч. III: въ другихъ эта Былина не повторялась).

*

Вмѣсто Астрахани поставленъ здѣсь Черный Яръ конечно потому, что и онъ игралъ во всемъ тогдашнемъ дѣлѣ важную роль. Вообще, какъ извѣстно, по всѣмъ сосѣднимъ мѣстностямъ, крупныхъ жертвъ падало не мало, то обесчещенныхъ, то мученныхъ, Унковскій, Тургеневъ, Семенъ Беклемишевъ, Семенъ Львовъ, и т. д. Вотъ почему, какъ, выше мы видѣли, черты Разинскихъ дѣлъ связались съ исторіей Карамышева, такъ сюда же примыкаютъ и другія убійства, помянутыя Былинами, хотя бы имена, въ нихъ вставленныя, были изъ другихъ эпохъ, или обстоятельства были только *похожи* на Разинскія.

Чтобъ не возвращаться послѣ для сравненій, мы кстати приведемъ здѣсь сіи Былины:

Убитъ Астраханскій Воевода (Губернаторъ).

1.

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала рѣка матушка Камышенка,
Что вела-то за собою берега круты,
Круты-красны берега, луга зеленые,
Она устьицемъ впадала въ Волгу матушку.
Какъ по той ли рѣкѣ матушкѣ Камышенкѣ
Выплываютъ ли стружечки есаульскіе.
На стружечкахъ тѣхъ сидятъ гребцы бурлацкіе:
Все бурлаки, все молодчики Заволжскіе.
Хорошо всѣ удальцы были наряжены:
На нихъ шапочки собольи, верхи бархатны;
На камкѣ *) у нихъ кафтаны однорядочны;

*) «Изъ камки» или «на плечахъ.»

Канаватные *) бешметы въ нитку строчены;
Галуномъ рубашки шелковы обложены;
Сапоги на всѣхъ на молодцахъ сафьяновы;
Они веслами гребли да пѣли пѣсенки.
Къ островочку среди Волги становилися:
Они ждали-поджидали Губернатора,
Губернатора ли ждали Астраханскаго.
Какъ возговорятъ бурлаки тутъ удалые:
««Еще что то на водѣ у насъ бѣлѣется?
««Забѣлѣлися тутъ флаги губернаторски:
««Кого ждали-поджидали, того лядъ **) несетъ.»»
Астраханскій Губернаторъ догадался тутъ:
—Ой вы гой еси, бурлаки, люди вольные!
—Вы берите золотой казны, что надобно,
—Вы берите цвѣтно платье губернаторско,
—Вы берите всѣ диковинки заморскія,
—Вы берите всѣ вещицы Астраханскія.—
Какъ возговорятъ удалы люди, вольные:
««Какъ твоя не дорога намъ золота казна;
««Намъ не дорого ни платье губернаторско;
««Намъ не дороги диковинки заморскія;
««Намъ не дороги вещицы Астраханскія:
««Дорога намъ твоя буйная головушка.»»
Буйну голову срубили съ Губернатора,
Они бросили головку въ Волгу матушку;
Сами молодцы ему тутъ насмѣхалися:
««Ты добръ, вѣдь, Губернаторъ, къ намъ строгонекъ былъ,
««Ты, вѣдь, билъ насъ, ты губилъ насъ, въ ссылку ссылывалъ,
««На воротахъ женъ, дѣтей нашихъ разстрѣливалъ!»»

(Обстоятельнѣе напечатано, съ напѣвомъ, у Кашина, ч. II, изд. 1-е 1834 г.; перепечатано Бернардомъ и другими).

*

*) Старая узорочная ткань: κάνναβος, cannabus, наше конопъ, конопель (а не шелковая, какъ въ Словарѣ В. И. Даля).

**) Пустой, кромѣшный (то же, что «чортъ,» но по употребленію нѣсколько мягче). «Лядъ его возьми,»—то же, что «пусто ему!»

Эту-то Былину, не допечатавъ конца, какъ помянуто выше, привелъ г. Костомаровъ о первомъ переходѣ Разина на Волгу: конецъ ея показываетъ другое, прямое примѣненіе къ Астраханскому дѣлу.

Такова же и слѣдующая:

2.

(Кирша Даниловъ).

Промежь было Казанью, промежь Астраханью,
А пониже города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Изъ тоя ли было нагорной сторонушки,
Какъ бы прошла-протекла Камышевка рѣка,
Своимъ устьемъ она впала въ матушку Волгу рѣку.
А по славной было матушкѣ Камышевкѣ рѣкѣ
Выгребали-выплывали пятдесятъ легкихъ струговъ,
(Пятдесятъ легкихъ струговъ) воровскіихъ козаковъ;
А на всякомъ стружечку по пятдесятъ *) гребцовъ,
По пятдесятъ гребцовъ, воровскіихъ козаковъ.
Заплывали-загребали въ Коловинскіе острова,
Становились молодцы во тихихъ заводяхъ,
Выгулять **) они на зеленые луга.
Разставили майданы ***) Терскіе,
И раздернули ковры Сорочинскіе;
А играли козаки золотыми они тавлеями,
Кто, де, костью, кто, де, картами, всѣ удалы молодцы.

Посмотрятъ молодцы внизъ по Волгѣ рѣкѣ,—
Какъ бы чернь-то на Волгѣ зачернѣется,

*) Стихъ требуетъ: «по пятидесятъ.»—Передъ симъ «стужечку:» конечно опечатка.

**) Выходили, вышли гулять: вѣроятно опечатка.

***) Сборныя палатки, крытыя площадки (собственно майданъ—наше «поле»).

А идутъ гребные изъ Астрахани.
Дожидались козаки, удалые молодцы,
Губернатора изъ Астрахани Репнина,
Князя Даниlу Александровича:
А на что душа рождена, того Богъ и далъ.
Подошли тѣ гребные въ Коловинскіе острова,
И бросали козаки они потѣхи всѣ,
И бросалися во свои легоньки стружки,
Напущалися козаки на гребные струги,
Они всѣ *) туто торговыхъ перещупали,
Они спрашиваютъ Губернатора изъ Астрахани:
««А то коли онъ съ вами, покажите его намъ,
««А до васъ до купцовъ, удалыхъ молодцовъ, и дѣла нѣтъ.»»
Потаили купцы Губернатора,
У себя они спрятывали подъ товары подъ свои.
Говорили молодцы, воровскіе козаки:
««А вы сами себѣ враги, за что его спрятывали!»»
Обыскали подъ товарами Губернатора,
Репнина князя Даниlу Александровича:
Изрубили его во части мелкія,
Разбросали по матушкѣ Волгѣ рѣкѣ;
А его-то госпожу, губернаторску жену,
И со малыми дѣтушками,
Они всѣ *) молодцы, воровскіе козаки, помиловали;
А купцовъ-молодцовъ ограбили,
Насыпали червонцами легки свои струги,
Пошли по Камышевкѣ рѣкѣ.

(Ср. Др. Росс. Стихотвор).

* *

Путь Разина къ Симбирску изображенъ у г. Костомарова отрывкомъ той же Былины, которая напечатана у насъ по нѣ-

*) Всѣхъ?

сколькимъ образцамъ въ 6-мъ выпускѣ (стр. 25—35 и далѣе), относится по старшимъ образцамъ къ помощи Грозному подъ Казанью и дѣйствительно кончается, какъ и у г. Костомарова, Казанью. Не споримъ, что въ ней могутъ быть и черты Разинскія, какъ мы уже и говорили объ ней выше: но по крайности въ приведенномъ у г. Костомарова и въ сродныхъ, у насъ напечатанныхъ, образцахъ, говорится, что Астрахань «пройдутъ мимо» и притомъ тихонько, а это уже не было нужно послѣ завладѣнія Астраханью, и самъ г. Костомаровъ вынужденъ замѣтить здѣсь анахронизмы.

—

По мѣрѣ распространенія шаекъ и сообщниковъ Разина, у нихъ должны были непремѣнно сложиться *свои*, Круговыя или Хоровыя пѣсни, объ ихъ собственныхъ выгодахъ или подвигахъ, помимо Разина, имя коего только вставлялось для цвѣту и являлось на второмъ планѣ. Вообще у вольницы, козаковъ, это обычай, и конечно многія изъ помянутыхъ Былинъ сего же происхожденія, такъ что черты самого Разина попадали въ нихъ только вставкою. Такова Былина, или, лучше, помянутая Пѣсня Круговая, средоточіе которой составляетъ «построеніе церкви,» обстоятельство, именно въ Черкасскѣ, не безъизвѣстное изъ исторіи Разина. У г. Костомарова напечатанъ прекрасный образецъ того:

Пѣсня Разинцевъ.

1.

(Не извѣстно, гдѣ записана).

Ахъ туманы вы мои, туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Какъ печаль-тоска ненавистные!
Не подняться вамъ, туманушки, со синя моря долой,

Не отстать тебѣ, кручинушка, отъ ретива сердца прочь *)!
Ты возмой, возмой, туча грозная,
Ты пролей, пролей, часть-крупенъ дождикъ,
Ты размой, размой земляну тюрьму,
Чтобъ тюремнички, братцы, разбѣжалися,
Во темномъ бы лѣсу собиралися.
Во дубравушкѣ во зелененькой **)
Ночевали тутъ добры молодцы,
Подъ березонькой они становилися,
На восходъ Богу молилися,
Красну солнышку поклонилися:
««Ты взойди, взойди, красно солнышко,
««Надъ горой взойди надъ высокою,
««Надъ дубравушкой надъ зеленою,
««Надъ урочищемъ добра молодца,
««Что Степана свѣтъ Тимоѳеевича,
««По прозванью Стеньки Разина ***).
««Ты взойди, взойди, красно солнышко,
««Обогрѣй ты насъ, людей бѣдныхъ,
««Добрыхъ молодцевъ, людей бѣглыхъ:
««Мы не воры, не разбойнички,
««Стеньки Разина мы работнички,
««Есауловы все помощнички.
««Мы весломъ махнемъ—корабль возьмемъ,
««Кистенемъ махнемъ—коровань собьемъ,
««Мы рукой ****) махнемъ—дѣвицу возмемъ.»»

*

Покойный М. А. Стаховичъ записалъ эту пѣсню не мудрствуя; она отличается необычайно широкимъ, характеристическимъ напѣвомъ; вотъ она:

---

*) Послѣдніе три стиха не считаемъ мы принадлежностью сей пѣсни: потому, что 1) они черезъ чуръ элегичны; 2) подлаживаются къ сочиненной пѣснѣ „Ужь какъ палъ туманъ;“ 3) послѣдніе два стиха не согласуются ни со складомъ, ни съ извѣстнымъ напѣвомъ пѣсни; 4) вносятъ необычное удареніе „отъ ретива“ и т. п. —**) Эти сосѣдніе два стиха не ладятся и усильно сопоставлены.—***) Отсюда-то и начинается за симъ собственно пѣсня, на сколько мы знаемъ ея подлинность. — ****) Вымышлено и прозаично.

2.

(Орловск. губ.).

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Надъ горою да надъ высокою *),
надъ высокою;
Надъ дубравою надъ зеленою,
Надъ долиною надъ широкою,
надъ широкою!
Освѣти ты насъ, добрыхъ мо́лодцевъ:
Мы не воры да не разбойнички,
не разбойнички,
Мы не воры да не разбойнички,
Стеньки Разина мы помощнички,
мы помощнички.
Какъ мы строили церковь славную,
Церковь славную, седмиглавную,
седмиглавную...

(Записано М. А. Стаховичемъ, потомъ напечатано имъ съ варіантами и съ музыкою въ „Собр. Р. нар. пѣсень," 1854 г.).

Та же самая пѣсня помѣщена въ Новиковскомъ пѣсенникѣ, Ч. Ш, а покойнымъ А. В. Кольцовымъ записана въ Воронежѣ и отдана для изданія Бѣлинскому. Но въ обоихъ сихъ образцахъ, послѣ того же, и прекрасно развитаго, начала, изображается атаманова любовница, то въ кручинѣ по родныхъ, то какъ убійца ихъ, особенно брата. Это, повторяемъ, хотя и безъ имени Разина, весьма подходитъ къ образу его любовницы Персіанки (она была невольною виною убійства брата): однако, по принятому правилу, мы помѣстимъ ее, съ другими сродными образцами, ниже, въ Козацкихъ, Безъимянныхъ, Молодецкихъ.

* *

*) Послѣднее слово въ каждомъ изъ двухъ стиховъ сперва надламывается напѣвомъ по поламъ, а потомъ выпѣвается цѣликомъ уже въ припѣвѣ.

Г. Костомаровъ приводитъ пѣсню, которую, говоритъ, по преданію, Стенька сложилъ сидя въ темницѣ: «Схороните меня, братцы, между трехъ дорогъ» и т. д. Но это только отрывокъ, и въ семъ видѣ онъ извѣстенъ изстари до новѣйшаго времени въ устахъ всѣхъ Козаковъ и Безъимянныхъ Молодцевъ. Ежели здѣсь и стоитъ въ концѣ имя Разина, то это *прибавлено* къ общей пѣснѣ, или же Разинъ примѣнилъ къ себѣ опять эту *общую* пѣсню. По образцамъ болѣе достовѣрнымъ, изъ губерній Пермской, Симбирской, Калужской, и другихъ, ближайшихъ къ поприщу дѣйствій Разина, пѣснею его собственно нужно счесть ту, которая напечатана у насъ выше на стр. 40, 41, подъ № 5-мъ, и начинается словами «Вы лѣса ль мои, лѣсочки.» Въ ней, напротивъ, и естественно, Разинъ выставляется еще «не поймашнымъ,» на волѣ, и оплакиваетъ гибель своихъ товарищей, своего всего дѣла. Тогда-то конечно онъ и сложилъ ее, при отчаянномъ исходѣ подвиговъ, но во всякомъ случаѣ до тюрьмы и заключенія, ибо иначе кто же въ тюрьмѣ, за грозными сторожами, подслушалъ бы, запомнилъ и распространилъ пѣсню? Изображая конецъ всего дѣла, Разинъ могъ пѣть о себѣ и въ третьемъ лицѣ. Вотъ еще разнорѣчія сей пѣсни:

Пѣсня Разина.

Гибель его товарищей и его самого.

1.

(Симбирск. губ.).

Не рябинушка со березенькой совивается,
А не травенька съ травенькой соплетается:
Какъ не мы ли, добрые молодцы, совыкалися.
Какъ лѣса ли мои, лѣсочки, лѣса темные,
Вы куста ли мои, кусточки, кустики таловые *),

*) Изъ таволги.

Вы станы ли мои, станочки, вы станы мои Теплые!
И еще ли вы, мои лѣсочки, всѣ порубленые,
Всѣ куста мои, кусточки, всѣ поломаные,
Всѣ дружья мои, братцы-товарищи, переловленые,
По разпымъ тюрьмамъ всѣ посажёные:
Оставался одинъ товарищъ, Стенька Разинъ сынъ.

*

2.

(Оттуда же).

Вы лѣса наши, лѣсочки, лѣса наши темные,
Вы кусты ли наши, кусточки, кусты наши великіе *),
Вы станы ли наши, станочки, станы наши Теплые,
Вы дружья ли наши, братцы-товарищи!
Лѣса наши всѣ порублены,
А куста наши всѣ поломаны,
Всѣ станы наши разорены,
Всѣ дружья наши товарищи переловлены,
Во крѣпкія тюрьмы наши товарищи посажены,
Рѣзвы ихъ ноженьки въ кандалахъ заклепаны,
У воротъ-то стоятъ грозные сторожи,
Грозные сторожи, бравые солдатушки:
Ни куды-то намъ **), добрымъ молодцамъ, ни ходу, ны выпуску,
Ни ходу, ни выпуску изъ крѣпкой тюрьмы.

(Запис. П. В. Шейномъ; ср. „Чтенія“ 1859 г.).

*

Такимъ образомъ необходимо раздѣлить слѣдующее: 1) Пѣсню самого Разина; 2) ту же пѣсню, гдѣ говоритъ онъ о себѣ въ третьемъ лицѣ; 3) ту же пѣсню, когда она пѣлась уже его, оставшимися, товарищами и послѣдователями, и конечно уже

*) Тутъ, вѣроятно, опечатка.

**) Здѣсь уже очевидно пѣсня *Разина* пѣта оставшимися въ живыхъ *его товарищами и послѣдователями.*

отъ *лица ихъ*, а объ Разинѣ въ третьемъ лицѣ; наконецъ 4), когда уже казнь и смерть совершилась, а дѣло стало прошлымъ, наступила возможность сложить изъ пѣсни и разсказа, или лучше изъ всего теченія событій, цѣлую Былину, подобно какъ, мы видѣли, Плачь *самой* Ксеніи, сложенный и пѣтый сначала ею самою, обращенъ послѣ нея въ Былину, съ разсказомъ о судьбѣ героини. Въ этомъ отношеніи крайне замѣчательна Былина, напечатанная нами во II-й части собранія П. Н. Рыбникова, стр. 239, 240, № 41, записанная въ Пермской губерніи. Она только одна, изъ сего разряда, и заслуживаетъ имя *Былины* въ собственномъ смыслѣ, а не простой Пѣсни, ибо послѣдовательно передаетъ теченіе *событій*, а вмѣстѣ вскрываетъ передъ нами способъ, какъ слагаются въ народѣ произведенія сего рода. Нужды нѣтъ, что тутъ, какъ и въ собраніи Кирѣевскаго, въ напечатанномъ выше образцѣ, черты нѣсколько разукрашены, вставленъ *Дунай* и т. п.: дѣло само очень ясно.

Былина начинается именно 1) Пѣснею Разина; 2) потомъ разсказывается о подвигахъ Разина, отъ лица его самого; 3) далѣе его Завѣщаніе, приведенное, какъ говорили мы выше, г. Костомаровымъ; 4) за тѣмъ Плачь товарищей надъ могилой и погребеніе; наконецъ 5) ихъ распрощанье между собою и рѣшеніе разойтиться. Впрочемъ мы обязаны цѣликомъ привести здѣсь этотъ замѣчательный образецъ:

3.

(Пермск. губ., Екатеринб. уѣзда).

Вы лѣса ль мои, лѣсочки, лѣса темные,
Вы станы ль мои, станочки, станы Теплые!
Ужь какъ вы ль, мои станочки, поразломлены,
Всѣ товарищи, всѣ пріятели поразловлены,
По злодѣйкамъ по тюрьмамъ поразсожены.
Только я то ли, добрый молодецъ, не пойманъ былъ,
По прозванью меня звали Стенька Разинъ сынъ.

Я не годъ гулялъ, я не два года,
Я гулялъ-то ровно тридцать лѣтъ.
Какъ пошелъ-то я ко синю морю,
Ко синю морю, ко Дунай-рѣкѣ;
У Дунай-рѣки перевозъ кричалъ:
«Перевезите-ка меня, добра молодца,
«На ту сторону, на бѣлый камешекъ!»

На бѣломъ камешкѣ сталъ скончатися,
При кончишушкѣ сталъ наказывать,
Сталъ наказывать и выговаривать:
«Ахъ вы милые сотоварищи!
«Похороните меня, добра молодца,
«Промежду трехъ дорогъ, первой [Питерской],
«Другой Владимірской, третьей Кіевской.
«Вовъ правую ручку дайте саблю вострую,
«Вовъ лѣвую ручку калену стрѣлу,
«Въ головахъ поставьте чуденъ-дивенъ крестъ,
«Вовъ ногахъ поставьте ворона́ коня.
«Кто ни йдетъ, кто ни ѣдетъ мимо молодца,
«Мимо молодца, всякъ помолится:
«—Что не воръ ли лежитъ тутъ, не разбойничекъ,
«—Тутъ лежитъ-то Стенька Разинъ сынъ!—

Приходили тутъ сотоварищи,
Помолилися на чуденъ-дивенъ крестъ,
Тому-то братцы сдивовалися,
Стенькѣ Разину покланялися:
—Ужь ты выстынь-ка, сотоварищь нашь,
—Ты возьми-ка въ руки саблю вострую,
—Вовъ лѣву руку калену стрѣлу,
—Ты ударь-ка буйной палицей
—По бедрамъ нашимъ широкімъ *)!
—Кабы знали мы ужь вѣдали,
—Выручили бы съ бѣла́ камня́,

*) За то, что не спохватились и не выручили Стеньки Разина.

—Съ бѣла камня, со Дунай-рѣки,
—Со Дунай-рѣки, со широконькой.
—Покажи-ка намъ златы латы тутъ,
—Златы латы тутъ серпентинныя!—

Погрузили во Дунай-рѣку
Сотоварищи Стеньку Разина.
Со Дунай-рѣки сотоварищи
На Амуръ пошли думу думати;
У Амуръ-рѣки крута гора,
Крута гора высокая;
На той горѣ распрощалися,
Другъ другу поклонялися:
—Ужь мы, братцы, разодеймтесь-ка,
—Разойдемтесь-ка по дикимъ мѣстамъ!—

(Отъ крестьянина; ср. II ч. собр. П. Н. Рыбникова).

* *

Что касается до *пѣсни*, которую г. Костомаровъ ставитъ при разсказѣ о заключеніи Разинова брата *Флора*, какъ будто ему принадлежащей, то она, еще болѣе Разинскаго *завѣщанія*, принадлежитъ одинаково любому Флору и Лавру, рѣшительно всѣмъ Безъимяннымъ Молодцамъ и Козакамъ, а поется вообще какъ олицетвореніе тюремнаго заключенія и пѣсня о подвигахъ заключеннаго, въ сотнѣ видовъ и редакцій

Теперь идетъ уже *воспоминаніе* о Разинѣ, въ видѣ столь знакомаго намъ *Плача*, какъ поютъ его, на примѣръ, о смерти всѣхъ замѣчательныхъ лицъ, съ Ивана Грознаго до Александра I-го, и какъ могутъ видѣть читатели всюду у насъ, начиная съ 6-го выпуска. Въ настоящемъ 7-мъ выше напечатанъ у насъ образецъ (стр 41, № 6) изъ Новиковскаго пѣсенника, съ замѣтною книжною придѣлкою на концѣ: «И на славной Красной площади Отрубили буйну голову.» То же, короче, изъ другихъ пѣсенниковъ напечатано и у г. Костомарова, съ началомъ:

Помутился славный-тихій Донъ
Отъ Черкаска до Чернаго моря,
Помѣшался весь козачій кругъ, и т. д.

* *

Какъ взятіе Казани, какъ Астрахань при Михаилѣ (ср. выше), такъ конечно не могло миновать народнаго вниманія послѣдовавшее взятіе и очищеніе Астрахани послѣ Разина. Вѣроятно событіе это отозвалось въ слѣдующей Былинѣ, хотя не скрываемъ, что она можетъ относиться и къ другимъ завоеваніямъ, и не только Астрахани, а даже и другихъ городовъ, какъ, на примѣръ, весьма сходно поется о взятіи Азова (ср. похожій пріемъ обмана при взятіи его выше, о Скопинѣ). Мы считаемъ не лишнимъ привести эту Былину здѣсь, въ старшемъ для нея по времени мѣстѣ; имя *Никиты Ѳедоровича* согласовалось съ тѣмъ, что послѣ Милославскаго прибылъ въ Астрахань Яковъ Никитичь *Одоевскій*, а въ исторіи Одоевскихъ народу особенно памятно имя *Никиты*.

Взятіе Астрахани.

1.

(Задонскій уѣздъ).

Собирался князь Никита
Сынъ Ѳеодоровичь,
Онъ во путь во дороженьку,
Въ Астрахань городъ.
Вотъ онъ дѣлалъ телѣжки
Астраханскія.
А не мало и не много—
Сорокъ восемь тысячь.
Обивалъ онъ телѣжки
Дорогимъ сукномъ,
Дорогимъ такимъ *) сукномъ,
Чернымъ бархатомъ.

*) Тонкимъ?

Онъ сажалъ на тѣ телѣжки
По семи человѣкъ,
По восьмому онъ сажалъ,
По кучеру,
По девятому онъ сажалъ
Кашеварому,
По десятому онъ сажалъ
Провожатому.
Напередъ онъ послалъ
Своего гонца:
«Ты гоши, гони, гонецъ,
Въ Астрахань-городъ!
«Ты воскликни, ты возгаркни
Громкимъ голосомъ:
«—Ужь вы гой-еси, купцы
Астраханскіе!
«—Отворяйте-ка ворота
Вы широкіе,
«—Мы пріѣхали къ вамъ, купцы
Черноморскіе,
«—Привезли мы вамъ товары,
Все заморскіе:
«—Черныхъ соболей
Со куницами,
«—Съ чернобурыми
Со лисицами.—»

Отворяли имъ купцы
Свои ворота,
Становили купцы гонца
Во гостинницу.
Но тамъ гонецъ
Не уставился;
Очищали для гонца
Три площади,
Просили со гонца
Три пошлины:

—Заплачу́ я вамъ, братцы,
Всѣ три пошлины.—
Какъ съ перваго часу,
Со полуночи, -
Выходилъ нашь гонецъ
На высокъ балконъ,
Онъ воскликнулъ-возгаркнулъ
Громкимъ голосомъ:
—Ты вставай, вставай,
Живой товаръ!
—Ты съ перваго конца
Жги-пали,
—А съ другаго конца
Сѣки-руби,
—А съ третьяго конца
Во полонъ бери,
—На каждаго молодца
Цѣпь тяжелую клади!—
Закричали купцы, купцы
Астраханскіе:
««Какъ ни честь, ни хвала
Царю Бѣлому,—
««Какъ не взяли Астрахань
Городъ въ тридцать лѣтъ,
««А теперь взяли его
Ровно въ три часа!»»

(Ср. Воронежск. Бесѣду 1861 г.).

Кстати, говоря о Былинахъ, оплакивающихъ смерть народныхъ героевъ, благодѣтелей или враговъ, укажемъ на Былину у Кирши Данилова о смерти *Михайлы Черкашенина.* Не ручаемся, чтобы она была сложена именно для этого лица: она похожа на весьма многія такія же Безъимянныя. Но по крайности мы имѣемъ здѣсь *имя* и образецъ того, какъ и съ какого времени Московское пѣснотворчество обратилось съ учас-

тіемъ къ представителямъ и событіямъ козачества. «Можетъ быть» даже и сложена она современно, въ одну эпоху съ Ермакомъ. Тогда мы для XVI и XVII вѣка Московскихъ Былинъ получаемъ *Ермака*, *Михайлу*, *Стеньку*, и *Флора Минаева*, съ ними Донъ, Волгу и Сибирь, Казань, Астрахань и Азовъ, однимъ словомъ главныя лица, поприща дѣйствія, черты и событія тогдашняго, «не-Малорусскаго» козачества.

Смерть Михайлы Черкашенина.

1.

(Кирша Даниловъ).

За Заранскомъ городомъ, за Рязанью за Старою,
Изъ далеча изъ чиста поля, изъ раздолья широкаго,
Какъ бы гнѣдаго тура привезли убитаго,
Привезли убитаго атамана Польскаго,
Атамана Польскаго, а по имени Михайла Черкашенина.
А птицы ластицы кругъ гнѣзда убиваются:
Еще плачутъ малы его дѣти надъ бѣлымъ тѣломъ;
Съ высокаго терема зазрѣла молодая жена,
А плачетъ-убивается надъ его бѣлымъ тѣломъ,
Скрозь слезы свои она едва слово промолвила,
Жалобно причитаючи ко его бѣлу тѣлу:
«Козачья вольная *) по здорову пріѣхали,
«Тебя, свѣта моего, привезли убитаго,
«Привезли убитаго атамана Польскаго,
«А по имени Михайла Черкашенина!»

*) Вольница, козаки вольные, отчего и согласовано во множественномъ числѣ.

За Козачествомъ Московскаго періода Былинъ ближайше важное мѣсто принадлежитъ Былинѣ объ осадѣ Соловецкаго монастыря: по тремъ образцамъ она напечатана нами въ изданіи «Калѣкъ Перехожихъ,» вып. 3, стр. 675—680, № 157 и далѣе.

Съ симъ связаны: судьба стрѣльцовъ, переживавшихъ при Алексѣѣ Михайловичѣ послѣднюю годину, и первыя волненія въ средѣ ихъ; но у насъ выше, на стр. 43, 44, напечатана Былина о смерти Стрѣлецкаго Воеводы, *одна*, ибо одна съ именемъ Алексія. Другія же, собственно о возстаніяхъ и гибели, хотя несомнѣнно по многимъ частямъ своимъ истекаютъ изъ эпохи того же царствованія, но, или именемъ вѣщеносца, или общимъ характеромъ прямѣе принадлежатъ времени Петра I-го, гдѣ читатели и найдутъ ихъ, даже съ развѣтвленіемъ Безъимянныхъ.

Былина «подъ Ригою,» помѣщенная у насъ выше на стр. 44, представляетъ собою уже начало простыхъ Пѣсней, такъ называемыхъ Военныхъ или Служилыхъ: такого же рода, хотя безъ всякихъ именъ, помянутая пѣсня о зимовой и весновой службѣ, № 5 въ тетради Ричарда Джемса. Это даже начало, хотя и отдаленное, послѣдующихъ пѣсень *Солдатскихъ*, Руси Новой.—Она же перепечатана въ сборникѣ г.г. Костомарова и Мордовцевой, стр. 27, 28, подъ буквою *В*, съ нѣсколькими, не совсѣмъ удачными, перемѣнами словъ. Другой тамошній варіантъ, на стр. 27, подъ буквою *А*, по своимъ *солдатскимъ* оборотамъ и *фельдмаршалу*, какъ пѣсня Безъимянная, находитъ непремѣнное мѣсто въ Новой Россіи, гдѣ и можетъ свободно воспѣвать о любыхъ сборахъ подъ Ригу,—много, много, если въ эпоху Петра. Почтеннымъ собирателямъ *показалась* эта пѣсня *началомъ* той, которая напечатана подъ буквою *В*, и вотъ почему конечно сочли они нужнымъ замѣтить, что «нѣкоторыя (женщины?) поютъ, послѣ «православный царь,»— «бывшій царь Алексѣй Михайловичь.»»

За симъ, на стр. 45—47; помѣщены у насъ послѣднія Былины Древней Россіи, о смерти Алексѣя Михайловича, въ 4-хъ нумерахъ, изъ коихъ 1-й съ именемъ, три съ подходящими чертами: собственно повтореніе, съ малымъ разнообразіемъ, того же, что́ начинается въ Московскихъ Былинахъ съ Грознаго и нѣсколько разъ еще повторится предъ читателями въ дальнѣйшихъ выпускахъ, о послѣдующихъ государяхъ и госу́дарыняхъ.

Остается намъ сказать о тѣхъ, уже не столько Былинахъ, сколько простыхъ Пѣсняхъ, кои напечатаны въ первыхъ «Прибавленіяхъ» сего выпуска, на стр. 54—62, въ 5-ти образцахъ, и названы *Татарскими*. Ихъ нельзя обойти при заключеніи *Древней* Руси, и мы можемъ здѣсь еще прибавить къ нимъ нѣсколько любопытныхъ образцовъ или разнорѣчій.

Но прежде считаемъ нужнымъ напомнить то, что́ говорили уже не разъ въ «Замѣткахъ» къ разнымъ выпускамъ, при разныхъ собраніяхъ Пѣсень и Стиховъ нашего изданія. — Съ самыхъ первыхъ годовъ Русской исторіи, а потому и съ первыхъ Былинъ, огласившихъ начало и развитіе Руси въ ея государствѣ и земствѣ, Восточные выходцы, вторгаясь въ наши предѣлы, жизнь и исторію, на промежуточномъ пути между Азіей и Западной Европой, конечно должны были, хотя подъ разными именами и въ разной обстановкѣ, войти эпизодически въ народное пѣснотворчество, какъ лица, обстоятельства и единичныя части *въ содержаніи* Былинъ. Послѣдующее, сравнительно сильнѣйшее, преобладаніе полчищъ Татарскихъ сообщило и всѣмъ старшимъ Восточникамъ, и позднѣйшимъ развѣтвленіямъ ихъ, по преимуществу окликъ, характеръ и колоритъ *Татарскій*. Съ этой только стороны можно и пѣсни, гдѣ они встрѣчаются, именовать, въ узкомъ смыслѣ, *Татарскими*: и только. На само творчество наше, на складъ, стихъ, напѣвъ, пріемъ, языкъ и т. п., Татарскаго

вліянія нѣтъ и смѣшно его предположить. Да и въ содержаніи, нужно помнить, что это только вставныя части,, эпизоды, при главномъ содержаніи—Русскихъ лицъ, событій и положеній: а потому съ этой общей, широкой стороны, называть пѣсни такія Татарскими, — значило бы по праву называть другія пѣсни Литовскими, третьи Шведскими, четвертыя Французскими, смотря потому, съ какой *стороны* были *на насъ* частныя нашествія или вторженія, какія лица и черты выведены въ *Русскихъ*, Русскихъ самихъ по себѣ, Былинахъ. Не имѣя возможности не видать вліянія на Русь съ Востока, изъ Азіи, между прочимъ и отъ Татарщины, всѣ наши историки, отъ Карамзина до послѣдняго, старались пояснить это *вліяніе*, дать ему настоящее по принадлежности мѣсто и — всегда отдѣлить отъ самóй *Русской* жизни и исторіи, какъ отдѣляется всякое внѣшнее наслоеніе, всякая чуждая сторона и все постороннее, какъ отличается полчище отъ строя, кочевое племя отъ земства и народа, орда отъ государства, безграмотность и дикость отъ образованія, просвѣщенія и цивилизаціи, нагроможденіе случаевъ и толчковъ отъ исторіи, сѣверные и восточные слитные языки отъ индо-европейскаго и съ тѣмъ вмѣстѣ отъ славянскаго, стадовое накопленіе и безслѣдное исчезаніе среди груды грубыхъ развалинъ отъ органическаго развитія, отъ лѣтописей исторіи, отъ литературы, созданій творчества и вѣковѣчныхъ его памятниковъ. Идя тѣмъ же, общимъ путемъ, путемъ общей науки, еще покойный П. В. Кирѣевскій положительно заявилъ касательно нашего пѣснотворчества: «Особенно замѣчательно совершенное почти отсутствіе пѣсенъ объ эпохѣ такъ называемаго Татарскаго ига. По крайней мѣрѣ въ моемъ Собраніи Пѣсенъ (а оно, безъ преувеличенія, должно быть названо очень многочисленнымъ), нѣтъ ни одной, которую бы можно было несомнѣнно отнести къ этому времени. Такое отсутствіе воспоминаній объ этой эпохѣ можетъ служить сильнымъ свидѣтельствомъ противъ лицъ, называющихъ это несчастное время эпохою Татарскаго влады-

чества, или ига, а не эпохою Татарскихъ опустошеній, какъ было бы справедливѣе. Иноземное владычество, особенно долговременное, необходимо проникаетъ во всѣ отношенія внутренняго быта, глубоко уничтожаетъ и искажаетъ народный духъ и не можетъ не оставить воспоминаній неизгладимыхъ. Могло бы оно вовсе истребить пѣсни въ Русскомъ народѣ; но, при существованіи такого огромнаго богатства народныхъ пѣсенъ и преданій, не могло бы стереть подобныя воспоминанія (1-й выпускъ нашего изданія).» И мы держимся того же воззрѣнія, а, на основаніи очевидныхъ данныхъ пѣснотворчества, отчасти успѣли развить далѣе ту же положительную истину, о долѣ участія, какую занимаетъ Татарщина въ содержаніи нашихъ Былинъ, отчасти приведемъ ниже еще съ пятокъ пѣсень того же значенія.—Послѣ сего, честь внести въ Русь Татарщину, и не только внести, но и поставить *на мѣсто* Руси, честь внести въ нашу исторію и пѣснотворчество Татарскій смыслъ и Татарское воззрѣніе, принадлежитъ единственно, впервые и навсегда, знаменитымъ статьямъ «о происхожденіи Русскихъ Былинъ» г. Стасова въ «Вѣстникѣ Европы.» Мы не писали возраженій и, говоря о семъ теперь, никоимъ образомъ не пускаемся въ разборъ и критику: достоинство такихъ изслѣдованій, какъ г. Стасова, состоитъ именно въ томъ, что они высказываются, дабы собственнымъ изложеніемъ до конца исчерпать себя и на всегда уничтожить. Остается спокойно выжидать, пока договорятся, что все это говорили ради препровожденія времени. До того дошла, нѣкогда господствовавшая у насъ, Скандинавоманія или потомъ привычка черпать объясненія изъ Нибелунговъ и Эдды, выводить Русскія формы языка изъ Западныхъ грамматикъ. Лучшіе, искреннѣйшіе корифеи сего, весьма впрочемъ естественнаго и понятнаго, увлеченія, открыто нынѣ признались въ немъ и отступили отъ него: поворотъ къ народности довершилъ дѣло, навсегда отучивъ насъ отъ корней, цвѣтовъ и плодовъ Запада въ ихъ исключительности Западной и обративъ къ своему родному. Здѣсь же,

въ семъ родномъ, признано нынѣ наукой за правило, искать и черпать объясненія всѣмъ самобытнымъ нашимъ явленіямъ, изучать законы, выводить практическія указанія, и, лишь только порою, прибѣгать къ сравненію, которое не перестаетъ быть сравненіемъ и притомъ на первой периферіи обязано ограничиваться областью *Славянской*. Совсѣмъ напротивъ, помянутыя статьи, зачиная новую эру, съ такою же ревностію устремились отъ Запада на Востокъ, и поставили сей послѣдній, даже еще у́же,—Татарщину на мѣсто Руси: конечно предстоитъ имъ та же судьба,—потянуться въ двухъ-трехъ слабыхъ подражаніяхъ и умереть, подняться ut lapsu graviori ruant, чтобы исчезнуть съ тѣмъ вящимъ самоотреченіемъ, ибо Западъ имѣетъ еще сравнительно съ нами все торжество и обаяніе Западной цивилизаціи, а нынѣшній Востокъ остается однимъ лишь поприщемъ для занятія Западными и собственными нашими шагами цивилизаціи, Татарщина же давно или стерта, или поглощена Русью безслѣдно для прошлаго, безнадежно для Татарскаго будущаго. Слѣдовательно, въ такомъ безспорномъ дѣлѣ не остается мѣста критикѣ, а затрогивается лишь справедливое любопытство: какъ можно выйти на такой мудреный путь, какъ пройтись по немъ, куда подготовить себѣ выходъ и какъ добровольно создать изъ литературы и науки невиданный монстръ? Мы вкратцѣ постараемся промѣрить эту курьёзную бездорожицу. — Статьи, для сравненія съ нашими Былинами, берутъ сначала памятники поэтическаго Индо-персидскаго творчества, созданные на Санскритѣ, Зендѣ, языкѣ Персидскомъ или разныхъ, оттуда же возникшихъ, подрѣчіяхъ: берутъ по тому поводу, что для сихъ памятниковъ явились нынѣ *нѣмецкіе переводы*. Сравниваютъ по симъ переводамъ, и открываютъ удивительныя открытія: даже не предполагая, что изслѣдователи прежніе, обличаемые ими въ легкомысліи, давно читали сіи памятники *въ подлинникѣ*, и однако не открыли Восточныхъ открытій. Прародина наша общая, уберегшая слѣды глубокаго, давняго по корню, племеннаго, язы-

коваго и бытоваго родства со всѣми нами, Индо-европейцами, была и всегда остается образцемъ для сравненія, матеріаломъ для сравнительнаго языковѣдѣнія и сравнительной этнографіи, для всей Западной, Славянской, Русской Европы. Не эти однако, общія и сродныя, основы привлекаютъ собою любопытство и изслѣдованіе неологическихъ статей. Сравненіе предполагало бы различіе сравниваемыхъ сторонъ: а этого-то различія неологи тщательно и избѣгаютъ. Въ насъ впдятъ они не дальнѣйшее развитіе корня и плода, содержанія и формы, въ новую органическую жизнь, не самостоятельное продолженіе и поступательное историческое видоизмѣненіе, однимъ словомъ не Европейскую зрѣлость послѣ общей колыбели Востока: напротивъ, слабѣющее, безсознательное, лепетомъ младенца или передразниваньемъ фигляра повтореніе Индо-персидскаго Востока. Сей послѣдній пустѣетъ на собственномъ своемъ, оригинальномъ урочищѣ и мѣстопребываніи: мы переносимъ его на себя, въ насъ своего ничего нѣтъ, мы есмы искаженіе сего Востока, въ насъ онъ исказился, и, вскрывая сіе искаженіе, мы изучаемъ, говорятъ, дѣйствительную исторію. Замѣчая носъ и губы, шапку, одежду и палку, мужской и женской полъ, именованіе лицъ и предметовъ, существованіе жилищъ и отправленія физической жизни, замѣчая подобныя рѣдкія вещи въ Индо-персидскомъ Востокѣ, неологія съ торжествомъ открываетъ тѣ же характерные признаки у насъ. А такъ какъ и эти отличія все-таки въ насъ видимо поизмѣнились или въ мелочахъ розпятся, то это значитъ,—мы исказили ихъ. Мы тѣ же Индо-Персы, только попорченые. Весь міръ Индо-европейскій, а особенно Славянскій и Русскій, занимается тѣмъ, что беретъ чужое, чужое присвоиваетъ, чужимъ живетъ и во всей своей исторіи судорожными кривляньями передразниваетъ, передразнивая повторяетъ, повторяя искажаетъ Востокъ. Не имѣя своего, живетъ чужимъ: но это не чужое, ибо мы себя ничѣмъ производительнымъ не отличаемъ; стало быть это намъ свое: но это свое однако намъ не свое, не нами порожденное и возрожденное, а

украденное и перенятое. Замѣчая и выводя такія данныя въ помянутыхъ нисшихъ сферахъ, въ основахъ племенныхъ, язычныхъ, бытовыхъ, неологія *предполагаетъ*, что то же самое *конечно* повторилось и въ высшихъ: въ сферѣ мысли и интеллектуальнаго развитія, во всякой жизни исторической, въ высшемъ проявленіи исторической жизни – въ творчествѣ, въ высшихъ созданіяхъ творчества, въ творчествѣ словесномъ, въ пѣснотворчествѣ, въ созданіи Былинъ, въ мірѣ Эпическихъ образовъ. По коренному сродству конечно и эти высшія проявленія у Индо-европейскихъ народовъ, а тѣмъ паче, по срединному мѣсту, у насъ, Славянъ и Русскихъ, должны имѣть съ Индо-персидскимъ Востокомъ много сроднаго въ пріемахъ, чертахъ, даже цѣлыхъ образахъ: но не то опять, не это сравненіе занимаетъ неологію, ибо при сравненіи опять открылись бы отличія. Напротивъ: и здѣсь мы переняли чужое, усвоили себѣ какъ свое, своимъ самобытнымъ ничѣмъ не замѣнили, изъ себя раздѣлись и передѣлись въ чужака, который и есть никто иной, какъ мы сами. Стóитъ замѣтить, что въ томъ и другомъ творчествѣ, у тѣхъ и у насъ, попадаются люди, имена, руки, ноги, обувь, оружіе, собака, дерево, и т. п.: сейчасъ выходитъ, что все содержаніе нашего творчества занято и есть ничто иное, какъ перефразировка, притомъ портящая, искажающая первообразъ; полнота, существенная мысль, правильность образа возстановляется и вскрывается лишь тогда, если мы обратимся къ подлиннику, то есть къ Индо-персидскому Востоку, то есть къ нѣмецкимъ переводамъ съ Индо-персидскихъ памятниковъ. А какъ же всё-таки замѣтно несходство, откуда оно? Мы исказили. А если въ искаженіи не доберемся подлинныхъ чертъ Индо-персидскихъ? Тогда ищите ихъ у другихъ Восточныхъ народовъ, Монголовъ, Калмыковъ, Киргизовъ, Татаръ, Минусинскихъ Татаръ, Байкальскихъ старожиловъ. Неологи ведутъ насъ туда и водятъ, водятъ, всё ищутъ тамъ подлинника. Какъ съискать? Опять недавно вышли *изданія* тамошнихъ памятниковъ, *переводы*. А если и тамъ нѣтъ? Для объясненія Ильи Муромца, Доб-

рыни, Буслаева, Садки, и т. д., ведутъ насъ къ дикарямъ Америки, къ туземнымъ жителямъ Борнео (не шутя, à la lettre). Какъ будто всѣ эти господа, совсѣмъ другихъ уже расъ или племенъ, языковъ, бытовъ и исторій, чѣмъ Индо-персидскій Востокъ, имѣютъ болѣе правъ вѣрно сберечь его, сохранить или воспроизвести въ себѣ его первообразъ и подробности, уяснить намъ типъ и подлинникъ,—гораздо болѣе, чѣмъ мы, по всѣмъ корнямъ ближайше сродные! Тѣ сливаются съ Востокомъ, они тотъ же Востокъ, что Индо-Персы, они возстановляютъ въ себѣ его типы: а мы потеряли нити для сличенія, связь наша возстановляется только черезъ это посредство; тѣ не жили исторической жизнью или извержены изъ нея, какъ племена, не дошедшія до исторіи и въ нее не поступающія, и однако они унесли съ собою и развили послѣдовательно основы, весьма ярко отпечатлѣвшіяся въ ихъ образахъ, въ созданіяхъ ихняго творчества, мы же, непрерывной исторіей наслѣдовавшіе сродный намъ по всему Востокъ, тотъ Востокъ, который былъ отдаленнымъ зачаломъ Индо-европейской жизни, — мы не создали ничего самостоятельнаго, а первообразъ свой лишь повторяемъ, повторяя искажаемъ и для уясненія искаженій нуждаемся въ свѣтѣ со стороны Алтая, Ореноко и Борнео. А что, когда у сихъ благодатвыхъ краевъ и племенъ даже нѣтъ литературы, да нѣтъ и изданій, нѣтъ и переводовъ? Нужды нѣтъ: клочки ихъ памятниковъ дороже для возстановленія первообраза; клочками сими, отрывочнымъ лепетомъ или гугнивымъ шамшаньемъ дикаря, сколько лишь можно уловить его, разъясняется величавое зданіе нашего пѣснотворчества, разъясняется и даетъ понять, что мы переняли Востокъ и исказили, тѣ же, благодатные дикари, первообразомъ своимъ уличаютъ наше искаженіе. Засовомъ и долотомъ разъясняется происхожденіе и устройство паровой машины, механизма часовъ, движенія телеграфа; посконью и дерюгой—узоры атласа и кружевъ; воемъ волка и ревомъ медвѣдя—потрясающая рѣчь народнаго витіи, жаркая діатриба публи-

циста, блестящая мысль философа. Но мы еще къ сему воротимся.—Очевидно, для такого всеблудящаго воззрѣнія не существуетъ постепенности исторической, идеи поступательнаго прогресса, интерваловъ времени и пространства, наполняемыхъ историческою жизнію, преемства, въ коемъ народы слѣдуютъ одинъ за другимъ. Мы, за неимѣніемъ своего, похищаемъ у Индо-Персовъ: завистливыя очи, долгорукая кража, при томъ огромномъ пространствѣ мѣста и промежуткѣ времени, которые насъ отдѣлили въ исторіи. Мы черезъ всѣ эти пропасти тянемся за чужимъ и не хотимъ создавать своего: близорукій разсчетъ, при томъ глубокомъ сродствѣ, которое лежитъ внутри насъ самихъ на днѣ сердца, въ основахъ племени, языка и быта, при томъ родникѣ, изъ коего только черпайте, и создадите свое, и это свое будетъ непремѣнно сродно съ роднымъ намъ Индо-персидскимъ Востокомъ. Мы сродны: какъ будто чужими, а не своими собственными силами, кои развиваемъ по своему; мы отличны: какъ будто тѣмъ, что искажаемъ, а не тѣмъ, что идемъ далѣе въ развитіи. Неологія забываетъ, даже по видимому не предполагаетъ, что еще во время нашей жизни во Ѳракіи, при Черномъ морѣ и на Дунаѣ, въ цвѣтущій періодъ Греціи, мы уже отдалились отъ сроднаго намъ Индо-персидскаго Востока тысячами стадій, годовъ, развитій: было довольно досуга и повода забыть подробности Былинъ, Сказокъ и Пѣсней, если ихъ и унесли мы съ отческаго Востока. Если же все это нами помнилось, то лишь на основахъ глубокаго сродства; а если эти основы были сродны, были одинаковы, то мы сами могли отъ себя и для себя создать и возсоздать ничѣмъ не хуже. Нѣтъ, говорятъ, мы только твердили старое, переиначивали да искажали до безсмыслицы: положимъ, по недостатку производительности самобытной. А сосѣдняя, тѣсно-связаная исторія, а эта, широко раскинувшаяся въ мысли, образѣ, словѣ и творчествѣ, Грецiя? Она на насъ не повѣяла, при тысячѣ бытовыхъ, торговыхъ, военныхъ, промышленныхъ связей? Къ ней-то мы остались глухи, не захотѣли перенять и замѣнить

перенятымъ старую проказу Востока, бродившую въ нашей крови и въ нашихъ сокахъ. А между тѣмъ мы имѣемъ цѣлый міръ Черноморскаго или Придунайскаго Эпоса, ближайше сходный съ Греческимъ; а между тѣмъ Грецiя оставила намъ тысячи созданій, братски родныхъ со Славянскими, и по складу, и по стиху, и по напѣву: это что? То же, перефразировка, искаженіе Востока, и Грецiя за одно съ нами ничего не произвела, лишь проглотила и отрыгнула? Мѣстная исторія тѣхъ краевъ, кипучее развитіе той эпохи не наложили своеобразной печати, года прошли безслѣдно, Эпосъ Греческій и нашъ, нашъ тогдашній и тамошній по сосѣдству, все это пересказка Востока? Но Грецію опаслась затронуть неологія: мы одни пострадали. Мы одни оттуда ничего не вынесли, ни самобытнаго, ни даже перенятаго у Грековъ, мы одни пробавлялись по старому, пережевывая Востокъ: мы, у которыхъ доселѣ ходитъ въ устахъ народа, и даже записано изъ сей области древнѣйшаго, Придунайскаго и Черноморскаго Эпоса, во сто разъ болѣе, чѣмъ у всѣхъ дикарей отъ Борнео до Байкала, отъ Минусинскихъ Татаръ до Московскихъ ходебщиковъ съ халатами. Весь этотъ интервалъ между древней нашей прародиной и нынѣшнимъ поприщемъ нашей исторіи, между періодомъ за тысячу лѣтъ до Рождества и періодомъ тысячи лѣтъ по Рождествѣ Христа: интервалъ игнорируется, не наполняется ничѣмъ, мы всё жуёмъ Индію и Персію. Допустимъ и это.—Двинулись мы отъ Чернаго моря, съ Дуная, передвинулись на нынѣшнюю территорію: хоть по крайности въ передвиженіяхъ и переходахъ не было ли причинъ перезабыть Восточную старину? Да, говорятъ перезабыли, то есть исказили въ устахъ своихъ. Хорошо: но въ новыхъ обстоятельствахъ, въ явленіяхъ небывалой дотолѣ жизни, среди иной, чѣмъ прежде, природы, въ средѣ новыхъ сосѣдей, лицемъ къ лицу съ новыми врагами, при этомъ сложеніи государства, при паденіи родовыхъ началъ, организаціи земства, и такъ далѣе, при всемъ этомъ и во всемъ этомъ не было ли хоть искры для возбужденія

дѣятельности самобытной, для созданій собственныхъ, для творчества новаго? И дѣйствительно, сей часъ же видимъ наступившій въ творчествѣ новый эпическій періодъ: величавые образы Старшихъ Богатырей; обильные образы, многочисленныя Былины круга Владимірова, Руси, бывшей главною и общею на тогдашнемъ Югозападѣ, въ округѣ Кіевской; рядомъ въ области Новгородской и Ростовской, Псковской и Полоцкой, Муромской, Рязанской, Суздальской; тогда же былевые творческіе образы Руси Карпатской, Галицкой, Волынской, или же Заморскихъ гостей. Увы, это оказывается опять повтореніемъ и искаженіемъ Востока. Но уже въ неологическую голову замѣтно прокрадывается сомнѣніе: не слишкомъ ли далеконько, по времени и мѣсту, отъ старой Индіи и Персіи? Точно ли все это унесено нами оттуда изстари? Является догадка, что это въ новыхъ нашихъ жилищахъ *перенято чрезъ сношенія съ Востокомъ*. Носъ, руки, подошвы, воротъ, луки, стрѣлы, двери, дома, божницы, драка со врагами, и т. п., все вѣдь это въ творчествѣ у насъ одинаково, какъ въ старой Индіи и Персіи: значитъ, перенято оттуда черезъ сношенія, перешло къ намъ, и даже понятно, почему нами искажено въ подробностяхъ,—слишкомъ далекъ путь. Прежде, чѣмъ поймемъ, *какъ* это перенято и перешло, вспомнимъ маленькое обстоятельство, ускользнувшее отъ вниманія неологовъ: поэтическія произведенія Индіи, а тѣмъ паче Персіи, въ той редакціи, въ какой они утвердились по рукописямъ, въ томъ видѣ, какъ записаны документально и переведены нынѣ Нѣмцами, *на нѣсколько сотъ лѣтъ* позднѣе нашего Черноморскаго и Придунайскаго Эпоса, даже позднѣе тѣхъ началъ Былеваго творчества Кіевскаго-Владимірова, кои развиты у насъ на новомъ, доселѣ пребывающемъ, поприщѣ исторіи (даже наше Слово о П. И., изложенное по Былинамъ, если смотрѣть на его *рукописную документальность*, поспоритъ еще съ этимъ «древнѣйшимъ,» на примѣръ Персидскимъ, Востокомъ). Стало быть; если сродство непремѣнно объяснять заёмомъ и пе-

реймомъ, то столько же означенный Востокъ могъ занять *отъ насъ*. Если же мы, забывъ или утративъ старое, перенятое нѣкогда у Востока, на новыхъ жилищахъ своихъ перенимали вновь, то конечно не чрезъ чтеніе Санскритскихъ и тому подобныхъ рукописей, не чрезъ изданія, коихъ еще не было и коихъ мы не умѣли читать, не чрезъ переводы, коихъ еще не дѣлали Нѣмцы, не чрезъ статьи, коихъ еще не писали въ «Вѣстникѣ Европы:» перенимали *черезъ живыя сношенія*. Какія же это были сношенія наши, примѣрно съ V-го по XIII-й вѣкъ? Торговыя, караванныя, шедшія черезъ нашь край между Востокомъ и Западомъ, а отчасти, гораздо меньше, военныя, въ сшибкахъ на Восточной границѣ. Симъ путемъ кое-что перешло отъ насъ, отрывочными извѣстіями, въ лѣтописи Востока: *отъ насъ и объ насъ, но не отъ Востока* къ намъ, ибо наши древнія лѣтописи и прочіе памятники умолчали о дальнемъ Востокѣ и границахъ его, считая все сіе не слишкомъ важнымъ въ исторіи самобытной Русской жизни. Это исторія, лѣтописи, событія и случаи *дѣйствительности*: а неологія предполагаетъ еще перенесеніе цѣликомъ Восточнаго *творчества*. Здѣсь конечно посредниками могли быть всего болѣе Арабы, дѣйствительно воспринявшіе и отчасти возсоздавшіе творчество остальнаго Востока: неологи готовы, хотя по правдѣ менѣе, чѣмъ бы слѣдовало, искать первообразовъ нашего творчества и у Арабовъ. Но Арабы дѣйствительно въ другихъ краяхъ, даже въ Европѣ, жили и дѣйствовали, писали и сочиняли, оставили груду памятняковъ: къ намъ они (или подъ ихъ фирмою) только заходили и черезъ край проходили, были гостями «по дорогѣ.» Были купцы, торговцы, людъ не ученый, не грамотный, ничѣмъ кромѣ торговли не занятый; были у насъ, когда мы сами еще не умѣли писать, записывать, переводить: и никакихъ *памятниковъ* обмѣна творчества не осталось письменныхъ. Тѣмъ лучше, думаютъ: общеніе происходило народное, въ устномъ творчествѣ, въ употребленіи живаго слова. Но, чтобы состоялось это общеніе, нужно было, дабы Арабы, или какіе ни есть Восточники подъ ихъ фирмою, ихъ поры и характера, объятые тогдаш-

нимъ движеніемъ торговли, способные при томъ носить съ собою лучшее творчество Востока, пришедши къ намъ присѣли у насъ, выучились не десятку словъ для мѣновой торговли, а всему нашему народному языку, передали намъ по Арабски (положимъ еще по Персидски, и т. п.) свои Сказанія или напѣли Былины, потомъ перевели намъ, обучили насъ, распространили между народомъ; или, на оборотъ, мы бы выучились языку ихъ, до такой тонкости, что переняли бы все лучшее творчество, усвоили его, распространили у себя. Не смѣшно ли это? Но, положимъ, это случилось: однако все содержаніе нашихъ старшихъ Былинъ, Владиміровыхъ-Кіевскихъ, Новгородскихъ и т. п., не имѣетъ въ себѣ ни одного событія подъ собственными именами или красками Востока; все окрашено своимъ цвѣтомъ, своими именами, обстоятельствами и подробностями своей, Русской жизни, всѣмъ тѣмъ, что́ бы долго и пересчитывать. Что́ за дѣло, говорятъ неологи: тутъ только Кіевъ, Черниговъ, Новгородъ, Владиміръ, Илья, Добрыня, Христіанство, церкви, города, улицы, рѣки, и т. д., и т. д., а остальное *всё не-русское, всё цѣликомъ взято съ Востока* (не шутимъ: прочитайте статьи) Какъ будто все это именно не составляетъ особенности, не условливаетъ самобытности, не формируетъ содержанія? Пусть такъ говорятъ, это все обстановка, мелочи, а *содержаніе-то* чужое: народъ беретъ цѣликомъ содержаніе отъ другаго народа, и даже не народа извѣстнаго, съ коимъ сносится, а коллективно и отвлеченно отъ всѣхъ народовъ Востока! Возможно ли такое воззрѣніе въ наукѣ второй половины XIX вѣка? Увы, оказывается возможно. Оказывается въ нашемъ всѣмъ творчествѣ миражъ или даже сознательная насмѣшка надъ собою: «все это», говорятъ, у насъ «не оригинальное произведеніе, а копія или передѣлка чужаго оригинала.» Кажется, что Добрыня, а собственно это Индійскій Кришна; Потыкъ, Иванъ Гостиный сынъ, Ставръ бояринъ, Соловей Будиміровичь,—только такъ названы и поставлены, а въ сущности это герои Магабъараты и Рамаяны; Илья Муромецъ плутуетъ своимъ именемъ и образомъ:

онъ просто герой разсказовъ Магаванзи и поэмы Шахъ-намэ; Садко Новгородскій имѣетъ настоящее свое мѣсто въ Гариванзѣ, въ сборникѣ Сомадевы, въ Буддійскихъ сказкахъ, это Индійскій Яду, брахманъ Видушака, Тибетскій Джинпа-Ченпо и Гедонъ, монахъ Самгха-Ракшита, купецъ Пурна; «Никола Можайскій русской былины—кормчій Дзанглуна, брахманъ легенды о Самгхѣ-Ракшитѣ; церкви наши—это храмы Востока;» Новгородъ, Волховъ, Ильмень, и т. п.,—«совершенно внѣшнія подробности обстановки;» тутъ, въ Новгородскихъ на примѣръ Былинахъ, «нѣтъ ничего не только Новгородскаго, но даже вообще Русскаго, *по коренному происхожденію и по деталямъ*. Тутъ нечего искать ни Новгорода, ни Волхова, ни Русскаго моря, ни русскихъ купцовъ, ни русскихъ вообще людей (на Руси!). Все чужое, все пришло въ нашу пѣсню съ Востока (см. подлинныя статьи и выше наши извлеченія).» Договорились: дальше, кажется, нельзя уже итти. Нѣтъ, еще можно. Арабскіе, Персидскіе и прочіе купцы, ремесленники и солдаты, новой эры, плохонько насъ обучили Магабъаратѣ, Рамаянѣ, Шахъ-намэ, и тому подобнымъ созданіямъ лучшаго Восточнаго творчества: многое, бо́льшая часть, масса образовъ у насъ несходны. Позднѣе же и эти гости перестали къ намъ жаловать: вѣка спустя послѣ новаго нашего эпоса, христіанской поры и слагавшагося государства, общества и земства, проникло на Индійскій, Персидскій и прочій старшій Востокъ, хранившій яркое творчество, нѣсколько человѣкъ нашихъ гостей или купцовъ, оставившихъ даже, какъ извѣстно, и описаніе путешествій. Вѣроятно они-то тамъ всему и выучились, а выучившись сами, по возвратѣ обучили тому же нашь народъ, передавъ ему и распространивъ тѣ Былины, кои у него сложены были четырьмя, пятью вѣками раньше? Какъ это ни естественно, какъ ни вѣроятно, но, замѣчая у насъ въ творчествѣ отличія или, лучше, искаженія слишкомъ рѣзкія, неологи приходятъ далѣе къ тому, что представителями сихъ сношеній нашихъ съ древнимъ Востокомъ, посредниками въ заимствованіи творчества, передатчи-

ками, переводчиками и учителями, явились позднѣйшіе народцы съ Востока: то есть, чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе дикіе. Хазары, порѣчные Болгары, Печенѣги, Половцы, Татары, Монголы. А пуще Татары, сильнѣе на насъ напиравшіе; они-то, они насъ научили, они намъ передали творчество Востока, они создали намъ эпосъ: то есть съ XIII вѣка, когда большинство старшихъ Былинъ въ нашемъ народѣ уже было создано и распространено. Нужды нѣтъ, что мы не знали ихъ языка, а они плохо разумѣли нашъ; нужды нѣтъ, что дикіе ратники полчищъ, грабители или наѣздники, по большей мѣрѣ позднѣйшіе торговцы, не имѣли задачею пересаживать къ намъ народное творчество, ни учиться нашему; нужды нѣтъ, что обратно, кое-чему, и ужь никакъ не поэзіи, обучаясь у насъ, поглощались они совершенно въ нашей жизни, не давши однако примѣра, чтобы Русскій сдѣлался Печенѣгомъ, Половцемъ и Татариномъ; нужды нѣтъ до этихъ, «совершенно внѣшнихъ подробностей обстановки:» дѣло сдѣлано, мы обучились и еще болѣе исказили въ своемъ творчествѣ скопированный Востокъ. Гдѣ же памятники тому? Конечно въ Былинахъ, и, если мы брали въ нихъ содержаніе съ Востока чрезъ сихъ дикихъ выходцевъ, то конечно ближе всего воспѣли ихъ самихъ. Гдѣ же въ нашихъ Былинахъ исторія хановъ, картины ордынской жизни, событія ея и драматизмъ, удальство, подвиги, образы героевъ, имена? Нѣсколько историческихъ именъ, въ родѣ Мамая и Батыя, большинство искаженныхъ названій, коллективные образы дикарей, да наѣзды ихъ, да стычки, и все это *со стороны*, какъ части, какъ эпизоды, занесенные въ Былины на второмъ, третьемъ, десятомъ, сотомъ планѣ, съ ролью служебной, въ положеніи большею частію осмѣянномъ или комическомъ, подъ снисходительной ироніей, какъ и подобаетъ высшему, старшему, болѣе цивилизованному, историческому народу передъ дикаремъ. Не ближе ли предположить, если у сихъ дикарей, оторванныхъ отъ древняго Востока съ его первичной цивилизаціей и гран-

діознымъ творчествомъ, сохранилось кое-что порядочное въ сказаніяхъ и легендахъ, не ближе ли допустить, что они переняли у насъ нѣкоторыя черты и къ себѣ занесли ихъ? Дѣйствительно, отдаленное или мелкое сходство съ нашими образами, основанное на единствѣ человѣческой натуры и истекающаго изъ нея творчества, попадается въ уцѣлѣвшихъ, записанныхъ легендахъ и пѣсняхъ сихъ народцевъ. Но, замѣчательно, какъ мало было у насъ съ ними сближеній въ этомъ отношеніи: не перенято отъ насъ ничего крупнаго и послѣдовательнаго, не попадается у нихъ образовъ и именъ нашихъ, хотя бы искаженныхъ, за исключеніемъ событій мелкихъ и именъ новѣйшихъ. Какъ же поступаютъ неологи? Замѣчая мелочи, сходныя съ нашими и такъ сказать натуральныя, физическія, они не трудятся показать у сихъ народцевъ или даже племенъ, еще не выросшихъ до народа и изверженныхъ изъ прогрессивной исторіи, не трудятся разъяснить отношеніе ихъ творчества, конечно весьма отдаленное, къ *древнему* Востоку, чуждому для нихъ по племени, языку, быту, цивилизаціи и исторіи. Напротивъ, пропуская безъ вниманія сей пробѣлъ, они и продолженіе Магабъараты съ Рамаяною, и Гариванзы съ Шахъ-намэ, открываютъ въ *нынѣшнихъ* сказаніяхъ и пѣсняхъ сихъ ордъ, а вмѣстѣ открываютъ здѣсь первообразы нашего Русскаго творчества, у дикарей уцѣлѣвшіе во всей свѣжести, у насъ искаженные. Такъ, слѣды Индо-персидскаго творчества, а вмѣстѣ наши Былины о Владимірѣ, Ильѣ Муромцѣ, Добрынѣ, Потыкѣ, Садкѣ и т. п. находитъ г. Стасовъ съ первообразной цѣлостію, прототипомъ, въ пѣсни Минусинскихъ Татаръ и Сибирскихъ Киргизовъ, въ одной пѣсни «чернолѣсныхъ Татаръ у Телецкаго озера,» въ одной легендѣ Телеутской, въ отрывкахъ Монголо-Калмыцкой поэмы «Джангаріада,» въ пѣсняхъ Томскихъ Шоровъ, въ сказаніяхъ Алтайскихъ Татаръ, и т. д. (см. подлинныя статьи). Это даже не тѣ ужь господа, которые были и жили у насъ: съ ними мы познакомились спустя сотни лѣтъ послѣ нашествій и еще болѣе послѣ нашихъ старшихъ Бы-

линъ, познакомились со стороны Москвы, чтобы покорить ихъ, наложить ясакъ, и, доселѣ хорошенько не зная ихъ, дивиться по нынѣ въ Музеяхъ, на выставкахъ и рисункахъ, дикимъ или одичалымъ ихъ образамъ. Ужь и Московскія Былины наши не объяснить ли передѣлкою творчества сихъ господъ? Грозный Царь и Ксенія не изъ Минусинскихъ ли Татаръ и Томскихъ Шоровъ? Или не подождать ли лѣтъ двѣсти, какъ мы наложимъ на нихъ свою цивилизацію, они переймутъ кое-что изъ нашего новѣйшаго творчества, и сими произведеніями, на примѣръ «тройкой» и «сарафаномъ,» объяснить Илью Муромца и Василья Буслаева? Это было бы лучшее; а на дѣлѣ явилось худшее: г. Стасовъ находитъ первообразы нашимъ Былинамъ у дикарей Америки и обитателей острова Борнео. Вся бѣда въ томъ, что ребяческій лепетъ или одичалый говоръ сихъ дикарей изучается Западными учеными, обломки или зачатки творчества переводятся по Нѣмецки и издаются, книжекъ можно купить рублей за пятнадцать на всю эту богатую литературу, а тысячи своихъ собственныхъ народныхъ твореній мы не видимъ и не слышимъ, даже не знаемъ, изданнаго не изучаемъ, изучить не хотимъ и не умѣемъ, много, если читаемъ ради «процесса чтенія,» какъ извѣстный герой у Гоголя. И вотъ, снисходительно перебирая прежнія легкомысленныя изслѣдованія, какія есть, неологъ кладетъ руку на книжку переводовъ, добытую въ магазинѣ, и съ торжествомъ восклицаетъ о нашихъ Былинахъ: «имѣю въ рукахъ доказательство ихъ чужеземнаго, и вовсе не мѣстнаго происхожденія.» Нужно полагать, что новыя, уступленныя, нами, владѣнія Американцевъ поведутъ еще къ новымъ книжкамъ въ семъ родѣ, а слѣдовательно къ новымъ открытіямъ, кои имѣютъ пролить Алеутскій свѣтъ на Русское пѣснотворчество. Если же позволено провидѣть, то конечно та же судьба наступитъ для нашихъ народныхъ напѣвовъ, а кто знаетъ, и для Глинки: шаманы съ бубнами, тазы дикарей, а тѣмъ болѣе историческая, организованная музыка Китайскаго оркестра, сообщатъ обильный матеріалъ для объ-

ясненія нашей музыки изъ Восточныхъ первообразовъ. Вѣдь сказка объ Еруслапѣ Лазаревичѣ, зашедшая въ наши рукописи, а черезъ рукописи въ народъ съ Востока, вѣроятно Кавказскаго или сопредѣльнаго Кавказу, сказка, давно объизслѣдованная и разъясненная въ семъ значеніи нашими изслѣдователями, была же главнымъ, какъ кажется, поводомъ, по крайности послужила первымъ вступленіемъ къ знаменитымъ статьямъ «о происхожденіи Русскихъ Былинъ?»—Читатели не посѣтуютъ, что мы, набросавъ вкратцѣ и на-скоро яркія черты новой науки, не были иногда строго послѣдовательны въ ея изложеніи, а излагая ее, наблюдали совершенно особенную логическую послѣдовательность. Если кто пишетъ *мыслете* (*м*), то трудно разъяснить его движенія теоріей прямыхъ линій: нужна кривая. Мы желали только въ рядъ Русскихъ памятниковъ, печатающихся въ нашемъ изданіи, занести еще новый Россійско-Петербургскій памятникъ *на вѣчную память*.

Возвращаясь къ такъ называемымъ пѣснямъ «Татарскимъ,» мы должны замѣтить, что г. Рыбниковъ въ III-й части собранія, имъ самимъ изданной, отдѣлилъ и отнесъ въ сію особую рубрику во первыхъ тѣ, не многія, Былины, въ коихъ болѣе говорится о вторженіи къ намъ Восточниковъ, именно Калина и Батыги (Батыя), отчасти Тугарина и т. п. (стр. 205—206); во вторыхъ тамъ же напечаталъ вновь найденную, пока въ единственномъ образцѣ, объ *Авдотьи Рязаночкѣ*, попавшейся къ Бахмету Турецкому (вѣроятно одному изъ хановъ, нападавшихъ на Рязань). Былину эту, столь рѣдкую, мы находимъ умѣстнымъ перепечатать здѣсь:

Авдотья Рязаночка.

1.

(Кенозеро, Пудожскаго уѣзда).

Подступалъ тута царь Бахметъ турецкій,
И раззорялъ онъ старую Казань-городъ *) подлѣсную,

*) Дѣло идетъ, вѣроятно, о Рязани, потому что женка называется Рязаночкой.—*Примѣч. г. Рыбникова.*

И полонилъ онъ народу во полонъ сорокъ тысячей,
Увелъ весь полонъ во свою землю.
Оставаласи во Казанѣ одна женка Рязаночка.
Стосковаласи женка, сгореваласи:
У ней полонилъ три головушки,
Милаго-то братца родимаго,
Мужа вѣнчальнаго, свекра любезнаго.
И думаетъ женка умомъ-разумомъ:
«Пойду я во землю турецкую,
«Выкупать хотя единыя головушки
«На дороги хорошіе на выкупы.»
Царь Бахметъ турецкій,
Идучи отъ Казани отъ города,
Напустилъ все рѣки-озера глубокія,
По дорогамъ поставилъ онъ все разбойниковъ,
Во темныхъ лѣсахъ напустилъ лютыхъ звѣрей,
Чтобы никому ни пройти, ни проѣхати.
Пошла женка путемъ да дорогою:
Мелкіе-то ручейки бродомъ брела,
Глубокія рѣки плывомъ плыла,
Широкія озера кругомъ обошла,
Чистыя поля разбойниковъ о полночь прошла
(О полночь разбойники опочинъ держатъ),
Темные лѣса лютыхъ звѣрей о полденъ прошла
(О полденъ люты звѣри да опочинъ держатъ).
Она такъ прошла да путемъ да и дорогою,
Пришла, де, во землю турецкую,
Къ царю Бахмы турецкому,
По низешеньку ему поклонилася:
«Ты батюшка, царь Бахметъ турецкій!
«Когда ты раззорялъ старую Казань-городъ подлѣсную,
«Полонилъ ты народа сорокъ тысячей,
«У меня полонилъ три головушки:
«Милаго-то братца родимаго,
«И мужа вѣнчальнаго, свекра любезнаго.
«И пришла я къ тебѣ выкупати хоть единыя головушки
«На дороги ли хоть на хорошіе на выкупы.»

Отвѣчалъ ей царь, отвѣтъ держалъ:
—Ты Авдотья женка Рязаночка!
—Какъ ты прошла путемъ да и дорогою?
—У меня напущены были все рѣки-озера глубокія,
—И по дорогамъ были поставлены разбойники,
—А во темныхъ лѣсахъ были напущены люты звѣри,
—Чтобы никому ни пройти, да ни проѣхати.—
Отвѣтъ держитъ ему Авдотья женка Рязаночка:
«Батюшка, царь Бахметъ турецкій!
«Я такъ прошла путемъ да и дорогою:
«Мелкія-то рѣчушки бродомъ брела,
«А глубокія рѣчушки плывомъ плыла,
«Чистыя поля разбойниковъ о полночь прошла
«(О полночь разбойники опочинъ держатъ),
«Темные лѣса лютыхъ звѣрей о полденъ прошла
«(О полденъ люты звѣри опочинъ держатъ).
«Я такъ прошла путемъ да и дорогою.»
Говоритъ ей царь Бахметъ турецкій:
—Ты Авдотья женка Рязаночка!
—Когда ты умѣла пройти путемъ да и дорогою,
—Такъ умѣй-ка попросить и головушки
—Изъ трехъ единыя;
—А не умѣешь ты попросить головушки,
—Такъ я срублю тебѣ по плечь буйну голову.—
Стоючись женка пораздумалась,
Пораздумалась женка—порасплакалась:
«Ужь ты батюшка, царь Бахметъ турецкій!
«Я въ Казани-то была женка не послѣдняя,
«Не послѣдняя я была женка, первая.
«Я за мужь пойду, такъ у меня и мужь будетъ,
«Свекра стану звать батюшкомъ;
«Приживу я себѣ сына любезнаго,
«Такъ у меня и сынъ будетъ;
«Приживу я себѣ дочку любезную,
«Воспою-скормлю, за мужь отдамъ,
«Такъ у меня и зять будетъ.
«Не видать мнѣ буде единыя головушки,—

«Мнѣ милаго братца родимаго,
«Да не видать вѣкъ да и по вѣку.»
Сжкучись, де, царь пораздумался,
Пораздумался царь, порасплакался;
—Ты Авдотья женка Рязаночка!
—Когда я разорялъ вашу сторону *) Казань-городъ подлѣсную,
—Тогда у меня убили милаго-то братца родимаго:
—Не видать буде вѣкъ да и по вѣку.
—За твои-то рѣчи разумныя,
—За твои-то слова за хорошія,
—Ты бери полону, сколько надобно:
—Кто въ родствѣ, въ кумовствѣ, въ крестномъ братовствѣ.—
Начала женка ходить въ землѣ турецкія,
Выбирати полонъ во свою землю.
Она выбрала весь полонъ земли турецкія,
Привела, де, полонъ во свою Казань-городъ подлѣсную,
Разселила Казань-городъ по старому,
По старому да по прежнему.

(Отъ Поромскаго старика; ср. Рыбник. ч. III, стр. 227—229, № 38).

*

Былина это конечно относится еще къ разряду старшихъ, кои мы ставимъ передъ Московскими. Татары, смѣнившіе болѣе раннихъ, а въ творчествѣ нашемъ заслонившіе своимъ именемъ и прочихъ Восточниковъ, попадаясь въ Былинахъ старшихъ, Кіевскихъ или Юго-западныхъ, за исключеніемъ однако Новгородскихъ, отчасти и Княжескихъ (см. 5-й выпускъ о Тверскихъ Князьяхъ), переходятъ, согласно съ исторіей, и въ Московскія. Но здѣсь, при описаніи вторженій, постепенно начинаютъ уже замѣняться разными Сибирскими народцами (съ Ермака), даже Персіянами (при Стенькѣ), съ кѣмъ

*) Старую?

голько изъ нихъ мы сталкивались, а всего болѣе, позднѣе, Турками, начиная съ Крыму вообще до Азова, съ Азова до нашихъ временъ. Это не особыя, это тѣ же Московскія Былины, въ коихъ Восточники выступаютъ по тому или другому поводу, событію или случаю изъ исторіи Московскаго государства, Московской жизни. Такого рода Былины мы имѣемъ въ семъ 7-мъ выпускѣ и будемъ еще встрѣчать во всѣхъ послѣдующихъ, до нашихъ дней.

Совсѣмъ инаго характера другіе *два разряда* Былинъ, сюда же по мѣсту изданія примыкающихъ: именно, безъ отношенія къ событіямъ Московской и новѣйшей нашей положительной исторіи. Въ первомъ изъ сихъ разрядовъ, весьма впрочемъ отрывочномъ и относящемся къ Молодецкимъ или Безъименнымъ, Былина изображаетъ бѣгство Молодца изъ Татарскаго, Турецкаго, вообще Восточнаго плѣна. Здѣсь довольно варіантовъ, и нѣкоторыхъ весьма позднихъ: но мы начинаемъ печатать ихъ довольно рано и—по мѣсту—высоко, потому, что первообразъ ихъ освѣщенъ еще именемъ *Ильи Муромца*. Образецъ тому напечатанъ нами въ 1-мъ выпускѣ, стр. 91, 92, № 3, гдѣ Илья бѣжитъ отъ Турецкаго хана: такой же анахронизмъ, и по тому же поводу, какъ, въ напечатанныхъ у насъ тамъ же образцахъ, стр. 90, 91, № 1 и отчасти 2, Илья въ качествѣ козака (богатырь старый былъ отчасти прототипомъ послѣдующихъ козаковъ) переведенъ на Донъ въ атаманы и есаулы.—Другой образецъ того же рода помѣщенъ у насъ выше, въ первыхъ «Прибавленіяхъ,» стр. 56, № 3, гдѣ уже Безъименный Молодецъ бѣжитъ изъ Крыму, изъ Нагаю, черезъ Дунай.—Къ сему же образцу, по крайности началомъ своимъ, примыкаетъ пѣсня изъ Кирши, гдѣ изъ Крыму изъ Нагаю бѣгутъ уже два брата и несчастьемъ одного даютъ поводъ къ лирическому развитію пѣсни. Подобныхъ мы послѣ увидимъ довольно, а пока помѣстимъ эту ближайшую:

Бѣгство изъ Крыму изъ Нагаю

1.

(Кирша Данилов).

А изъ Крыму ли, братцы, изъ Нагаю
(И стояли Орды бусурманскія)
А ѣхали два братца родимые.
Подъ большимъ-то братомъ конь уставаетъ,
А меньшой за большаго умираетъ:
«А и гой еси, мой братецъ родимой!
«А я тебя, братецъ, посверстнѣе,
«А пѣша ту дороженьку повыду *).»

Когда было добру молодцу время,
Народъ-господа его почитали;
А стало доброму молодцу безвремянье,—
Никто, де, молодца не почитаетъ,
А самъ се **) молодецъ размышляетъ:
«Соколъ ли то на семъ свѣтѣ не птица,—
«На его-то ***) безвременье бываетъ:
«Онъ пѣшь да по чисту полю гуляетъ;
«Худая-то птичка куличонко,—
«И та надъ соколомъ насмѣялась,
«Напередъ-то его залетѣла.»

*

Другой рязрядъ, имѣющій характеръ Былины въ собственномъ мыслѣ, изображаетъ полонъ Русской женщины или дѣвушки у Татаръ или Турокъ, при чемъ во вражьемъ стану сходятся Русскіе родные, отыскиваютъ, узнаютъ другъ друга.

---

*) Отселѣ начинается лирическое развитіе, совпадающее съ другими пѣснями.
**) Де?
***) Даже и на него.

Онъ также начинается Муромцемъ (вып. 1, стр. 92—94, №№ 4, 5, и другіе подобные выше, а равно въ выпускѣ 4-мъ), который творчествомъ, какъ извѣстно, заносится въ Царьградъ, а потому (предупрежденіемъ) къ Туркамъ или, еще чаще, въ битву съ другими Восточниками, между коими узнаетъ то сына своего, то сестру, то просто Русскую полонянку или бѣглянку, которую и спасаетъ.—Помянутая Авдотья Рязаночка того же, въ сущности, происхожденія.—Далѣе, въ первыхъ «Прибавленіяхъ» къ сему выпуску, стр. 54—56, 61 и 62, развивается основное содержаніе такъ, что въ № 2-мъ и 5-мъ (гдѣ изъ Турецкаго царя сдѣланъ Король, а пѣсня со скоморошьимъ припѣвомъ) изображается самый полонъ, потомъ грусть Русской дѣвушки, утѣшенія со стороны полонившаго ее Татарина, но не смотря на то просьбы ея, отпустить домой.—Тамъ же въ № 1-мъ опредѣляется уже мѣстность, Черниговъ, и имя полоненной дѣвушки, Шамельфа Никитична (одна изъ типическихъ, любимыхъ, Мамелфа или Амелфа Никитична, Тимофеевна), а съ тѣмъ вмѣстѣ Былина возвращается снова къ старшимъ, Кіевскимъ, и точно, Татаринъ издѣвается надъ дѣвушкой, а ее освобождаетъ Молодецъ, въ родѣ Ильи Муромца. — Всѣ эти образцы имѣютъ при себѣ и разныя позднѣйшія разнорѣчія, кои увидимъ въ своемъ мѣстѣ; здѣсь же къ означенному № 5-му приведемъ лучшее и старшее:

Татарскій полонъ.

1.

(Орловск. губ.).

Во высокомъ терему
Убрана кровать стоитъ.
Подвилья,
Подвиль яблонь,
Направи́ли, противи́ли на филя́,

Стра́филь, на́филь,
По́дфиль, Филимонъ,
Лебаданале́,
Приклонь яблонь, прилегла *).
Какъ на той ли на кровати
Самъ Татарской князь лежитъ,
Передъ этимъ передъ княземъ
Полоняночка стоитъ,
Изъ Московской стороны,
Обливалася слезьми́.
«Ты не плачь, не плачь, дѣвица,
«Не плачь, душенька моя:
«Ужь я самъ тебя, дѣвица,
«Возьму за мужь за себя.»

(Записана тѣмъ же, какъ № 5, М. А. Стаховичемъ, но образецъ лучше, и напечатанъ въ его „Собр. Р. нар. пѣсенъ“ тетр. 3).

*

То же самое содержаніе далѣе развивается въ цѣльную Былину, гораздо полнѣе, и мотивируется слѣдующими главными чертами: Татаринъ полонилъ сперва Русскую дѣвушку, женился на ней, прижилъ дитя; потомъ досталась ему и мать жены, тёща, но ея не знали сначала ни зять, ни дочь; пропѣтая новою плѣнницей колыбельная пѣсня ребенку раскрыла все дѣло. Сей прекрасной, яркой и весьма распространенной Былины множество есть также разнорѣчій. Одно изъ нихъ напечатано уже въ первыхъ Прибавленіяхъ къ сему выпуску, стр. 56—60, № 4, и повторено г. Якушкинымъ въ изданіи его (безъ указанія, откуда), со слѣдующими перемѣнами: ст. 9 «Вотъ повезъ;» 19—24: «Первóе дѣло—Куделю прясть, Другое дѣло—Лебедей стеречь, А и третье дѣло—Дитю качать;» потомъ, вмѣсто 1-го, въ 3-мъ лицѣ, 25—35: «Поло-

*) Припѣвъ послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

няночка, Съ Руси Русская, Она глазками Лебедей стережетъ, А ручками Кудель прядетъ, А ножками Колыбель колыша́тъ (колыши́тъ?), Охъ качаетъ дитя, Прибаюкиваетъ;» послѣ 46-го: «И моихъ теревъ Ты урывочекъ;» 111: «Отмыкай ларцы;» 117, 118: «Ты ступай-ко, мать, Во конюшенку;» 131: «Я съ тобой, дитя, Не разстануся;» кромѣ того, при 119 и 120 ст. варіантъ: «Ты бери-ко, мать, Укрючныхъ коней.»—Эта отличная Былина, обладающая и живымъ драматическимъ движеніемъ, и вмѣстѣ теплымъ лиризмомъ, дошла до насъ, по разнорѣчіямъ, въ замѣчательной цѣльности склада, именно *двойнаго*, съ двумя легко дѣлимыми половинами стиха, кои можно писать и сплошь, и порознь; это лучшій образецъ нашей «женской Старины:» и очень естественно, ибо по содержанію своему конечно служила она лучшимъ достояніемъ и занятіемъ семейныхъ кружковъ, любимою пѣснею матерей, бабушекъ, нянекъ.—Приведемъ разнорѣчія еще, печатая то въ двѣ половины, то въ сплошной стихъ:

2.

(Арханг. губ., Шенкурск. у.).

Не шумъ шумитъ, не громъ гремитъ,
Молодой Турчанъ свой плѣнъ дѣли́тъ:
Досталася зятю тёща.

Еще зять тещѣ три дѣла далъ:
Перво́ дѣло́—гусей пасти,
Другое дѣло—постелька стлать *),
Третье дѣло—дитя качать.

«Баю́, баю, бай, молодой Турчанъ!
«Мнѣ бить тебя—мнѣ грѣхъ будётъ,
«Бранить тебя—мнѣ жаль будётъ
«Дитёй назвать—той вѣры нѣтъ **):

*) Извѣстный намъ падежъ при неокончательномъ.
**) Не могу назвать своимъ дитей, я другой вѣры.

«Твоя-то мать мнѣ дочь была,
«Семи годовъ во плѣнъ взята,
«Тридцатой годъ въ плѣну живетъ.»

Услышала Турчапочка,
Услышала молодая:
—Ахъ ты матушка, мать родимая!
—Не твое дѣло гусей пасти,
—Не твое дѣло постелька стлать,
—Не твое дѣло дитя качать:
—Твое дѣло по саду гулять.
—Скидывай шубу сыромятную,
—Надѣвай шубу соболиную,
—Поди по двору княгинею.—
«Не сниму я шубы сыромятныя,
«Не пойду по двору княгинею:
«Отпустите меня на волюшку,
«Что на волюшку—на Бѣлую Русь,
«На Бѣлую Русь, къ Царю Бѣлому,
«Къ Царю Бѣлому, Петру Первому.»

(Записано г. Борисовымъ).

Этотъ образецъ замѣчателенъ тѣмъ, что, судя по концу, пѣтъ былъ уже во время Петра 1-го.

*

3.

(Симбирск. губ.).

Не шумъ шумитъ,
Не громъ гремитъ,
Молодой Турчанъ
Полонъ дѣлитъ:
Теща зятю досталася.

Беретъ ее за ручёночки,
Ведетъ ее къ Турчаночкѣ,
Къ полоняночкѣ:
««Жена ли моя, сударыня!
««Привелъ къ тебѣ служаночку,
««Служаночку, полоняночку:
««Ты заставь ее
««Три дѣла дѣлати,
««Первое дѣло—
««Дитя качать,
««Второе дѣло—
««Гусей пасти,
««Третіе дѣло—
««Постелю стлать.»»

«Ты бай, бай, бай,
«Молодой Турчанъ!
«Бранить тебя—
«Мнѣ грѣхъ будетъ,
«А родней назвать—
«Той вѣры нѣтъ.
«По Турчанину
«Турчанъ будешь,
«А по матери
«Мнѣ внукъ будешь:
«Твоя мать—
«Моя дочька́,
«Семи годковъ
«Въ плѣнъ взята,
«А семнадцатый годъ
«Во плѣну живетъ.»

Услышала Турчаночка:
—Родимая моя
—Матушка!
—Не твое дѣло
—Дитя качать,

—Не твое дѣло
—Гусей пасти,
—Не твое дѣло
—Постелю стлать:
—Ты снимай шубу
—Кожурйную,
—Надѣвай шубу
—Соболиную,
—Мы пойдемъ съ тобой
—Во зеленый садъ,
—Во зеленый садъ
—Виноградъ щипать.—

(Доставлено П. М. Языковымъ).

*

4.

(Орловск. губ.).

Не шумъ шумитъ, не громъ гремитъ,
Молодой Турчинъ полóнъ дѣлúтъ:
Да и кто кому достанется?
Досталася сестра брату *),
Сестра брату, тёща зятю:
А братъ сестру на Русь пустилъ,
А зять тещу въ полонъ узялъ,
Заставилъ ее три дѣла дѣлать:
Первое дѣло—кудели прясть,
Второе дѣло—лебедей стеречь,
А третье дѣло—дитю качать.

«Я ручками кудели пряду,
«Я глазками лебедей стерегу,

*) Это указываетъ на другія, помянутыя выше. Былины того же отдѣла, гдѣ братъ узналъ въ полону сестру.

«А ножками дитю качаю:
««Баю, баю, боярской сынъ,
««По-батюшки злой Татарченокъ!
««Дитёй назвать—мнѣ вѣра не та,
««А бить тебя—мнѣ грѣхъ будетъ:
««Твоя ли мать мнѣ дочь была,
««По матери ты внукъ и *) мнѣ.»»

—Ахъ мать моя родимая!
—Ты снимай шубу сыромятную,
—Надѣвай шубу соболиную.—
«Не хочу я шубу соболиную:
«Отпусти меня въ свою сторону.»

(Записано М. А. Стаховичемъ и помѣщено, съ напѣвомъ, въ 4-й тетр. его „Собранія Р. нар. пѣсень").

Съ такимъ же началомъ помѣщена эта Былина у Вильбоа («Русск. нар. пѣсни,» тетр. 2), а продолженіе близко сходно съ приведеннымъ выше разнорѣчіемъ у г. Якушкина, съ новыми отмѣнами:

. . . . . .

Молодой Турчинъ полонъ дѣлитъ.
Ну да кто жь кому достанется?
Доставалася теща зятю.
Какъ повезъ тещу зять во дикую степь,
Во дикую степь къ молодой женѣ.....
А ножками колыбель колышетъ,
Ахъ, качаетъ дитю—прибаюкиваетъ...
Что стучитъ-грючитъ, по сѣнямъ бѣжитъ,
По сѣнямъ бѣжитъ и дрожмя дрожитъ....

*

*) Вѣроятно: «ты внучекъ.»

5.

(Тульск. губ.).

У колодиза у холоднаго,
Какъ у ключика у гремучаго,
Красная дѣвушка воду черпала.
Какъ наѣхали злы Татаревы *),
Полонили они красную дѣвушку,
Полоня её за мужь выдали,
За младого за Татарченка **).

Какъ прошло тому ровно три́ года,
Полонили они старую женщину,
Полоня ее стали дѣлить ***),
Кому она достанется:
Какъ досталася тёща да зятю.

Онъ заставилъ ее три дѣла дѣлать:
Бѣлыми руками тонкой кужель прясть,
Ясными очами лебедей стеречь,
Рѣзвыми ногами дитя качать.

Качать дитя—прибаюкавать:
«Ты, баю, баю, моё дитетко,
«Ты, баю, баю, моё милое!
«Ты по-батюшки младъ Татарченокъ,
«А по-матушки родной внучекъ мнѣ.»

Какъ услышалъ зять тещины слова,
Онъ бѣжить къ молодой женѣ:
—Ты послушай-ка, молода жена,
—Какъ работница дитя качать,
—Качать дитя—прибаюкивать:
—«Ты, баю, баю, моё дитетко,

*) Разнорѣчія, тамъ же записанныя: «злые Татары.» — **) «Татарина.» — ***) «стали дѣлъ дѣлить.»

—«Ты, баю, баю, моё милое!
—«Ты по-батюшки младъ Татарченокъ,
—«А по-матушки родной внукъ мнѣ *).»—

Бѣжить, бѣжить молода жена,
Въ одной сорочкѣ безъ пояса:
««Государыня моя матушка!
««Для чего жь ты мнѣ давно не сказалася?
««Ты бъ пила-ѣла съ одного стола,
««Носила бъ платье съ одного плеча **)!»»

(Записано К. Дм. Кавелинымъ).

*

Какъ этотъ образецъ особенно отличается началомъ съ обстоятельными подробностями, такъ слѣдующій при немъ любопытенъ особымъ запѣвомъ, весьма картиннымъ (и весьма сходнымъ съ Былинами Сербскими о послѣдствіяхъ Косовскаго побоища, ср. Караджича т. II):

6.

Тутъ летѣлъ-летѣлъ сизóй орёлъ,
У когтяхъ несётъ руку бѣлую,
Руку бѣлую молодецкую;
У погонь гонитъ младъ-ясмёнъ соколъ:
«Ты постой, постой, ты сизóй орёлъ,
«Гдѣ жь ты былъ, гдѣ побывалъ?»
—Я былъ-побылъ на побоищу,
—На побоищу, на кровавищу:
—Тамъ бьютъ-рубютъ, въ полонъ берутъ.—
Какъ братъ сестру—онъ на Русь пустилъ,
А зять тёщу у полонъ взялъ.

---

*) «унучекъ.»
**) «Мы бъ пили-ѣли—Носили бъ»...

Онъ привёзъ тёщу къ молодой женѣ.
«На жь тебѣ, молода́ жена,
«На жь тебѣ полоняночку!
«Ты заставь её трёхъ дѣлъ дѣлать:
«Пе́рво дѣло—да кожелу *) прясть,
«А друго́ дѣло—да гусей стеречь,
«Третье дѣло—дитё качать.»

««Да баю́-баю́, моё дитятко,
««Да люлю жь, люлю, моё милое,
««По батюшкѣ злой Татарина,
««А по матушкѣ мой вну́чена.»»

Какъ услышала дочь изъ терема:
—Ты кинь, кинь, мать, дитё качать,
—Ты подц жь ко мнѣ на высо́къ терёмъ!—

(Запис. П. В. Кир.; ср. „Девицу"; пѣсня *тягольная*).

*

Слѣдующій прекрасный образецъ, весьма обстоятельный, во всѣхъ подробностяхъ возстановляетъ опять мѣстность совершившаго полона, «за Дарьей рѣкой,» какъ у насъ въ первыхъ Прибавленіяхъ и въ помянутомъ разнорѣчіи у г. Якушкина:

7.

(Тульск. губ.).

Какъ за той-то, за той за Дарьёй рѣкой,
Татары-то полонъ дѣлятъ.
Кому злато, кому се́ребро досталося:
Доставалася тещея́ зятюшкѣ.

Онъ привезъ ее на дику́ю степь,
На дику́ю степь къ молодой женѣ:

*) Кужелю, кудель.

«Еще вотъ тебѣ, молода жена,
«Вѣковѣчная работница,
«А вамъ, дѣтушки, пянька-мамушка.
«Ты заставь ее, жена, три дѣла дѣлать:
«Перво дѣло—дитю качать,
«Друго дѣло—бумагу *) прясть,
«Третье дѣло—гусей пасти.»

Полоняночка ногами-то дитю качать,
Руками бумагу прядетъ,
Глазами-то гусей пасетъ.
Дитю качать да прибаукивать:
««Ты, баю, баю, мое дитятко,
««Ты, баю, баю, мое милое!
««Ты по батюшкѣ Татарчёночекъ,
««А по матушкѣ Русёночекъ,
««Моихъ черевъ урывочекъ:
««Твоя-то матушка мнѣ родна доченька,
««У нее на правой груди родимо пятношко.»»

Услыхали пянькы-мамушки,
Доложили онѣ своей барынѣ:
—Охъ барыня, сударыня!
—Полоняночка дитю качать,
—Дитю качать, прибаюкивать:
—««Ты, бау, бау, мило дитятко,
—««Ты по батюшкѣ Татарчёночекъ,
—««А по матушкѣ Русёночекъ,
—««Моихъ черевъ урывочекъ.»»—

Стучитъ-бренчитъ, по сѣнямъ бѣжитъ,
По сѣнямъ бѣжитъ дочь родная,
Упала она ей во рѣзвы ноги:
«Охъ матушка, сударыня!
«Что ты мнѣ давно не скажешься?

*) Уже вставка позднѣйшая.

«Не заставила бы я тебя три дѣла дѣлать,
«Ни дитю качать, ни гусей пасти,
«Ни гусей пасти и ни бумагу прясть.
«Вотъ тебѣ золоты ключи,
«Отмыкай-ко ты дубовы ларцы,
«Бери себѣ золотой казны,
«Золотой казны сколько надобно.
«Ступай-ко ты на конюшною,
«Бери себѣ копя добраго,
«Поѣзжай на святую Русь,
«На святую Русь къ малымъ дѣтушкамъ.»
««Дитя ли мое, дитя милое!
««Не надо мнѣ золотой казны,
««Не ѣду я на святую Русь:
««Съ тобой, мой другъ, не растануся!»»

(Запис. Г-жею Улыбышевой).

Ср. при этомъ образецъ, запис. въ Оренб. губ. В. П. Далемъ („За Дарьей"), и три образца, одинъ съ именемъ Петра 1-го (Тул. и Сарат. губ.), въ собр. П. В. Шейна, въ только что вышедшей 1-й кн. „Чтеній" 1868 г.

* *

За симъ слѣдуютъ разнорѣчія, не имѣющія имени «Дарьи рѣки,» какъ въ указанныхъ нами трехъ образцахъ (въ Прибавленіяхъ первыхъ, у Якушкина и сейчасъ изъ Тульской губерніи); не отличаются они и тѣмъ своеобразнымъ началомъ, какъ другія предъидущія; вмѣсто «не шумъ шумитъ,» они отличаются въ началѣ своемъ словами—«Не огни горятъ,» «Огни горятъ» и т. п.

8.

(Самарскій край).

За горами-то
За высокими,
За лѣсами-то
За дремучими,

Тамъ горятъ огни
Негасимые:
Злы Татары тамъ
Свой полонъ дѣлятъ.
Еще кто къ кому
Во полонъ пошелъ?
Доставалася
Теща зятюшкѣ.

Онъ привелъ ее
Къ молодой женѣ:
«Еще вотъ тебѣ,
«Жена, нянюшка!
«Ты заставь ее
«Дѣлать три дѣла:
«Дѣло первое—
«Шелковъ *) кужель прясть,
«А друго дѣло—
«Гусенятъ пасти,
«Дѣло третіе—
«Что дитю качать.»

Она качатъ дитю,
Прибаюкиватъ:
««Баюшки, баю,
««Баю, дитятко **)!
««Ты по батюшкѣ
««Злой Татарченокъ.
««А по матушкѣ
««Милъ внученочекъ:

---

*) Новое видоизмѣненіе.

**) При этомъ началѣ разнорѣчіе:

По горамъ-горамъ по высокімъ:
Тутъ огни горятъ негасимые,
Злы Татаровы тутъ полонъ дѣлятъ.
Доставалася теща зятю въ плѣнъ,
Онъ отвезъ ее къ молодой женѣ.....

««Твоя матушка
««Моя дочь была,
««Какъ семи-то лѣтъ
««Во полонъ взята;
««И у ней-то есть
««Двѣ примѣточки:
««На бѣло́й груди́ *)
««У ней ро́динка,
««На правóй рукѣ
««Нѣтъ мизинчика.»»

Услыхали то
Мамки-пянюшки,
Побѣжали онѣ
Къ молодой панькѣ **)
—Еще что́ это
—За стару́шенька,
—Что качать дитю—
—Прибаюкивать:
—««Ты, баю, баю,
—««Дитя милое!
—««Ты по батюшкѣ
—««Злой Татарченокъ,
—««А по матушкѣ
—««Милъ внученочекъ?»»—

Побѣжала панья
На фабричный **) дворъ,

«Ты заставь ее три дѣла́ дѣлать:
«Дитя качать, тонкій кужель прясть,
«А и третье дѣло—цыплятъ пасти»....
««Ты, баю, баю, мое дитятко....»»

Это разнорѣчіе, приведенное г. Варенцовымъ, взято имъ изъ "Сказаній" Сахарова, о чемъ см. ниже.

*) Весьма неупотребительная форма.

**) Черты искаженія.

Она бросилась
К своей матери:
«Государыня
«Моя матушка!
«Что же прежде ты
«Не сказалася?
«Если хочешь ты,
«У меня живи;
«А не хочешь жить,
«Не могу держать:
«Ты бери казны,
«Сколько надобно,
«И поди домой
«На святую Русь.
«А какъ мнѣ младой
«Ужь такъ Богъ велѣлъ:
«Что связали меня
«Дѣти малыя,
«Не видать-то мнѣ
«Милой родины,
«Оставаться вѣкъ
«Во неволюшкѣ *)!»

(Ср. Сборникъ г. Варенцова 1862 г.).

*

Уже здѣсь довольно порчи: панья, фабричный, сладковатый лиризмъ. Еще больше въ слѣдующемъ разнорѣчіи, разукрашенномъ и такъ сказать «кудрявомъ:»

---

*) Это все, со словъ «А какъ мнѣ младой,» какъ-то слишкомъ сладко для народнаго творчества: въ другихъ варіантахъ нигдѣ этого нѣтъ; тамъ вездѣ героизмъ или самопожертвованіе не дочери, а матери; и проще, естественнѣе, ибо народъ не заставитъ героическую мать говорить, что ее «связали дѣти;» вся Былина основана на томъ, что дѣти и внучата дороги, что для нихъ и жертвуетъ собой бабушка.

9.

(Саратовск. губ.).

Какъ за рѣченькой за быстрою,
Не огонь горитъ, а полымья:
Злы Татарченки города берутъ,
Города берутъ, по себѣ дѣлятъ [1]),
Да кому что достанется,
Кому золото, кому серебро,
Кому добрый конь, кому платье цвѣтное,
Кому платье цвѣтное, кому Русска нянюшка [2]).
Доставалася теща зятюшкѣ.

Зять беретъ тещу за бѣлы руки,
Посадилъ ее во колясочку [3]),
Подвозилъ тещу къ широку двору,
Вскрикнулъ-возгаркнулъ громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ молодецкимъ [4]):
«Ты встрѣчай меня, молода жена!
«Я привезъ тебѣ Русску няпошку [5]),
«Русску нянюшку, полоняночку.
«Ты заставь ее дѣлать три дѣла:
«Первое дѣльце—ковры вышивать [6]),

---

[1]) Нигдѣ въ образцахъ сей Былины не говорится, что Татары берутъ города: «огни горятъ, котлы кипятъ»,—картина кочевниковъ въ полѣ, а сочинитель сего варіанта создалъ погромы и пожары городовъ.—[2]) Словомъ «серебро» кончаются другіе варіанты, а эти послѣдніе два стиха, возникшіе изъ желанія сдѣлать подробный перечень, къ сожалѣнію не подходятъ подъ размѣръ Старины и нарушаютъ ея складъ; *Русская* же *нянюшка* положительно никому не доставалась: Татарамъ была она ненужна, какъ Русская, и только случаемъ особымъ, въ чемъ и завязка драмы, Русская полоняика попала въ эту роль.—[3]) Порча: у кочевниковъ едва ли и были коляски.—[4]) Этотъ стихъ напрасенъ: это не старшая Былина, а Старина, въ разрядѣ «женскихъ.»—[5]) Вотъ ужь этого-то Татаринъ не придумалъ бы сказать.—[6]) Хотя это конечно характерно для Восточнаго народа, но въ другихъ варіантахъ сего нѣтъ.

«Другое дѣльце—гусей стеречи,
«А третіе—дѣтей качати.»

—Я руками ковры вышила,
—Я глазами гусей стерегла,
—Я ногами дитю качала:
—«Ты, качу-баю, мое дитятко!
—«Ты по батюшкѣ злой Татарченокъ,
—«Ты не крещеной, не молитвенный [1]),
—«А по матушкѣ мой боярченокъ,
—«Мой боярченокъ, Русска косточка [2]).»—

Услыхала молода княжна:
««Почему знаешь, моя нянюшка,
««Что по батюшкѣ злой Татарченокъ,
««А по матушкѣ боярченокъ?»»
—Какъ мнѣ не знать, моя доченька:
—Ты семи лѣтъ во полонъ взята.—

(Ср. сборн. гг. Костомар. и Мордовц. въ „Лѣтоп. р. литер. и др.“).

*

Есть еще образецъ, крайне уже испорченный, гдѣ Былина или даже Старина разложилась въ Побывальщину, нарушивши весь складъ; вошла и другая порча, по совершенно уже народная и потому отличная отъ помянутыхъ прикрасъ:

10.

(Симбирск. губ., с. Головино).

Не огни горятъ, не котлы кипятъ,
Во чистомъ полѣ все Татары,
Все Татары полонъ дѣлятъ:
Доставалася дочь съ матерью.

---

[1]) Ужь конечно, если Татаринъ: сравните въ другихъ образцахъ превосходную простоту,—«вѣра не та.» — [2]) Характерно, но чрезвычайно въ этой Старинѣ, судя особенно по другимъ образцамъ.

Приводютъ ее къ молодой княгинѣ:
«Вотъ тебѣ, молодая княгиня,
«Я привелъ работницу.»
Она говоритъ ему:
—Чортъ ли это за работница!
—Ты заставь ее утятъ пасти
—И еще заставь ее дитю качать.—

Вотъ она дитю качать, прибаукивать:
««Ты, бау, бау, Татарскій сынъ!
««Ты по батюшкѣ Татарскій сынъ,
««А по матушкѣ внученочекъ:
««Твоя матушка во полонъ взята,
««На вашей матушкѣ есть примѣточка,
««На правой щекѣ бородавочка.»»

Ну посылаетъ же молодая княгиня
Нянекъ-мамушекъ:
—Вы подите же, мамки-няпошки,
—Вы послушайте, какъ дитю качаетъ,
—Какъ (дитю качаетъ) полоняночка.—
Тутъ приходятъ няньки-мамки,
Сказываютъ молодой княгинѣ:
«Хорошо дитю качаетъ полоняночка,
«(Хорошо дитю качаетъ) и прибаукиваетъ,
«Называетъ его по батюшкѣ
«Татарскій сынъ,
«А по матушкѣ, говоритъ,
«Ты мнѣ внученочекъ,
«Ваша мать во полонъ взята,
«На твоей матушкѣ есть примѣточка,
«На правой щекѣ бородавочка.»

Побѣжала же молодая княгиня
Ко своей ко матери,
Испугалась и обрадовалась:
—Сударыня ты моя матушка!
—Ужь ты что мнѣ не сказалася?
—Ужь ты брось дитю,
—Пущай онъ поплачется;

—Ты брось шелковъ кужель прясть,
—Пущай его куры путаютъ;
—Ужь ты брось утятъ пасти,
—Пусть птицы таскаютъ!—

(Отъ Языкова).

*

Въ пѣсни этой, по всѣмъ образцамъ, такъ много лирически-драматическаго, и трогательнаго, и затрогивающаго, что, понятно, она болѣе другихъ вызывала на добавки и прикрасы: такъ и казалось охотникамъ,—вотъ, вотъ бы еще хорошенькій стишокъ. И безъ того склонный къ этому, г. Сахаровъ въ «Сказаніяхъ,» разумѣется, напечаталъ ее въ «очищенномъ» и подкрашенномъ видѣ (для краткости мы означимъ такіе пріемы *курсивомъ*):

11.

По горамъ-горамъ
По высок*имъ*,
По раздольицамъ
По широк*имъ*,
Тутъ огни горятъ
Негасимые:
Злы Татарове
Тутъ полонъ дѣлятъ.
Доставалася
Теща зятю въ плѣнъ.

Онъ отвезъ ее
Къ молодой женѣ:
«*Ахъ и* вотъ тебѣ,
«Молода жена,
«Полоняночка
«Съ Руси Русская!
«Ты заставь ее
«Три дѣла дѣлать:

«*Что и* первое—
«*То* дитя качать,
«А другое-то—
«Тонкій кужель прясть,
«*Что и* третье—
«*То цыплять* пасти.»

—Ты, баю, баю,
—Мое дитятко!
—Ты по батюшкѣ
—Злой Татарченокъ,
—Ты по матушкѣ
—Милъ впученочекъ:
—*Вѣдь* твоя-то мать
—Мнѣ родная дочь,
—Семи лѣтъ она
—Во полонъ взята,
—На правой рукѣ
—Нѣтъ мизинчика.
—*Ты, баю, баю,*
—*Мое дитятко!*—

Какъ услышала
Тутъ Татарочка (?),
Она кинулась,
Она бросилась
На бѣлы руки
Къ своей матушкѣ:
««Ахъ, родимая,
««Моя матушка!
««Выбирай себѣ
««Копя лучшаго:
«««*Мы бѣжимъ съ тобой*
««На святую Русь,
««На святую Русь,
«««*Нашу родину!*»»

(„Сказан. Р. нар.“).

Всякой видитъ изъ приведенныхъ образцовъ, что въ Былинѣ, насъ занимающей, вставлена «колыбельная пѣсня,» то есть, собственно, три-четыре строчки изъ обычной, извѣстной Русской Колыбельной пѣсни; но какъ она именно *вставлена*, съ разсчетомъ творчества или, лучше, требованіемъ содержанія, дабы чрезъ нее открыть мать передъ дочерью, то къ ней пѣвшая прибавляетъ нѣсколько *загадочныхъ* словъ, «по батюшкѣ Татарченокъ, по матушкѣ боярченокъ» и т. п.; словъ, которыя именно поражаютъ прислужницъ, заставляютъ задуматься жену Татарина или вдругъ разгадываются ея дочерининымъ сердцемъ. Все это, отвѣчая можетъ быть дѣйствительному случаю, въ творчествѣ необыкновенно тонко задумано, искусно проведено, кратко и просто выражено. Нѣтъ тутъ никакой *Татарской* пѣсни, нѣтъ *Татарской колыбельной*, то есть такой, которая особенно пѣлась бы Татарамъ или у Татаръ, а тѣмъ болѣе вся пѣсня, въ цѣломъ составѣ, не есть ни сколько *Колыбельная Русская*, напротивъ Былина, не дошедшая до насъ, а статься можетъ и не существовавшая, въ строгомъ складѣ Былины, напротивъ, и особенно по лиризму, по драматизму содержанія, явившаяся *Старипою*, перешедшая къ семьямъ, къ женщинамъ, и въ семъ складѣ, съ извѣстными намъ особенностями, дожившая до нашихъ дней. Но, послѣ первыхъ покушеній на прикрасы, Сахаровъ не могъ устоять предъ завлекательностью произведенія: онъ, въ «Сказаніяхъ,» прямо заглавилъ «Русскія *Колыбельныя* пѣсни,» и, не довольствуясь *единственною*, у насъ извѣстною («баю, баюшки, баю»), помѣстилъ подъ ними Былину или Старину, передѣланную въ въ двѣ Колыбельныя Пѣсни съ припѣвами. Здѣсь онъ наскажалъ просто чудесъ: поющая поётъ про страшные погромы, про злыхъ Татаръ, и припѣваетъ «баю (какое усладительное содержаніе для успокоенія и усыпленія ребенка!);» разсказываетъ про полонъ, рисуетъ картину его на Руси, ту, въ коей она сама взята плѣнницей,—у Татаръ поетъ то, что́ совершилось раньше съ ней самой на Руси; даже, оказывается, поетъ

уже не у Татаръ, а просто на Руси, своему, Русскому ребенку, и примучиваетъ ребешка—«колп, руби, сѣки, крошп губителей!» Потомъ, разыгравшись не на шутку, какъ Сивилла и Кассандра, пророчитъ уже о низверженіп Татарскаго ига (не дожившп до того и не читавшп еще Карамзина), увѣряетъ, что у ребенка взяты уже въ плѣнъ и отецъ, и мать (значитъ, поетъ нянька какой-то сиротѣ: вѣроятно такихъ плачёй и сочинительницъ нарочно тогда нанимали осиротѣвшія по селамъ дѣти, качать ихъ и возбуждать), нудитъ ребенка спасти ихъ и вывезти изъ орды на святую Русь, въ заключеніе же доходитъ до того, что налагаетъ на ребенка обязанность, кстати вывезти себѣ оттуда же, изъ орды, молоду жену, то есть Татарку, и помѣстить ее въ изукрашенномъ теремѣ. Приведемъ эти курьёзы, какъ будто страницу изъ статей «О происхожденіи Русскихъ былинъ:»

(Безъ №).

На горѣ, горѣ, *да* крутой,
Огни горятъ, *да все свѣтлые*,
Баю, баюшки, баю!
Вокругъ огней, *да свѣтлыихъ*,
Котлы кипятъ, *да кипучіе*,
Баю, баюшки, баю!
Вокругъ огней, *да свѣтлыихъ*,
Сидятъ Татары, *да все злые* (какіе страшные!),
Баю, баюшки, баю!
Сидятъ, дѣлятъ *да все животы*
Твоего отца, да родимаго.
Баю, баюшки, баю!
Встань, *пробудись* (*вмѣсто того, чтобъ спать*), *да* тятько,
Сними (не просто „снимай“) со стѣны сабельки,
Баю, баюшки, баю!

Сонмай со стѣны *сабельки*,
И *всѣ-то* (!) *мечи булатные* (и мечи, и сабли вмѣстѣ, вопреки разграниченію Нестора);
Баю, баюшки, баю!
Ты *коли, руби* сабельками („коли—*саблями*“)
Злыхъ Татаръ *съ Татарченками*;
Баю, баюшки, баю!
Ты *сѣки, кроши* (*все это долженъ сдѣлать ребенокъ*) губителей
Все мечами *да* булатными.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!

*

(Опять безъ №).

Спи, усни, мое дитятко!
Покуль гроза пройдетъ,
Покуль бѣда минетъ.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Спи, усни, мое дитятко!
Гроза пройдетъ страшная,
Бѣда минетъ наносная (будутъ низложены Татары).
Баю, и т. д.
Спи, усни, мое дитятко (ибо—),
Твоя матушка поляночка (!),
Твой батюшка поляночикъ (!).
Злы Татарове набѣгали,
Домы, теремы сожигали,
Старыхъ стариковъ убивали,
Молодыхъ въ полонъ полонили (ужасная картина!).
Животы по себѣ дѣлили.
Разлучили тебя, дитятко,
Съ родимой *ли* матушкой,
Отогнали прочь (!), дитятко,
Твоего *ли* батюшку родимаго.

Ты рости, рости, дитятко,
Во крѣпости и во младости (!).
Ужь у тебя ли на дворѣ
Состоитъ (!) теремъ *одинехочика* (!)
Безъ батюшки и безъ матушки
(А гдѣ же лежитъ ребенокъ? Mon père est à Paris, ma mère est à Versailles...),
Безъ твоей молодой жены (она у младенца также отведена или ее отогнали *прочь*);
Ты сѣдлай коня воронаго,
Ты *скачи* въ *Орду Золотую* (какая точность!),
Вывози батюшку *родиова* (народная форма),
На святую *ли* Русь;
Вывози матушку родиму
На широкой *ли* дворъ;
Вывози молоду жену (вотъ она гдѣ: въ ордѣ; дѣйствительно была увезена у младенца)
Во теремъ изукрашенный.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!

*

Читаешь, и не вѣришь глазамъ своимъ. Однако г. Сахарову повѣрили. Г. Варенцовъ въ «Сборникѣ пѣсенъ Самарскаго края (1862 г.)» перепечаталъ эти «колыбельныя» пѣсни, даже съ нѣкоторыми варіантами, напр. вм. «сабелекъ и всѣхъ-то мечей булатныхъ» нашелъ варіантъ проще—«Сонмай со стѣны саблю вострую;» вм. «коли, руби, сѣки, крошн губителей,» приводитъ проще—«коли, руби, злыхъ Татаровей», вм. «покуль»—«поколѣва,» вм. «во крѣпости»—«въ силѣ-крѣпости,» вм. «состоитъ одинехочикъ»—«стоитъ одинешенекъ,» вм. «вывози» – «вызови» и т. п. Самарскій край такимъ образомъ очень успѣшно поправилъ слишкомъ рѣзкіе промахи Сахарова, а издатель справедливо, основываясь конечно на томъ, что́ самъ слышалъ въ народѣ, увѣряетъ, что пѣсня эта «очень распро-

странена, *особенно въ формѣ колыбельной.*» Мы, правду сказать, такой колыбельной пѣсни не слыхивали и даже не видали, кромѣ какъ на страницахъ Сахарова, не слыхивалъ и не зналъ Кирѣевскій, ни Рыбниковъ, ни Якушкинъ, ни, вѣроятно, Русскій народъ. Тѣмъ не менѣе мы признаёмъ въ ней весьма обаятельную силу, ибо послѣ Сахарова многіе, особенно наши дамы, говаривали и писали объ «ужасныхъ» колыбельныхъ древнихъ пѣсняхъ на Руси, а одной даровитой нашей писательницѣ это вдохнуло нѣсколько теплыхъ и энергическихъ строкъ: «Эта пѣсня чрезвычайно замѣчательна тѣмъ, что она *колыбельная пѣсня.* Сердце разрывается представить себѣ, что было время, когда наши русскія дѣти убаюкивались—и какою же цѣною!... Эта пѣсня имѣетъ много варіантовъ и во всѣхъ ихъ остается *колыбельною.*»

Въ «Воронежской Бесѣдѣ (1861 г.)» П. Ст. Кохановская приводитъ замѣчательный случай, какъ одна молодая дама, въ ея присутствіи, укачивая ребенка, пѣла именно ту Былину или Старину, которую мы выше напечатали, о Татарскомъ полонѣ. «На дняхъ, молодая дама, разговаривая со мною, упомянула, что она знаетъ эту пѣсню. Я попросила ее пересказать мнѣ. «Я такъ не съумѣю, ошибусь,» отвѣчала она. «А вотъ подождите, я скоро стану убаюкивать мою маленькую дочь и вы услышите.» И точно, черезъ полчаса дама взяла на руки свою малютку и начала ее убаюкивать, напѣвая.»

Вотъ эта пѣсня, одинъ изъ варіантовъ къ предыдущимъ:

12.

(Губ. Харьковской?).

Не пыль пылитъ по дорогѣ:
Татаре идутъ, огонь кладутъ,
Подъ грушею кашу варятъ,
Подъ яблонью обѣдаютъ,

Ообѣдавши полонъ дѣлятъ.
Досталася сестра брату
Сестра брату, теща зятю:
А братъ сестру на волю пустилъ,
А зять тещу домой узялъ.

Домой узялъ, женѣ отдалъ:
«На́ тебѣ, жена, полоняночку,
«Полоняночку, служаночку!
«Заставь ее три дѣла дѣлать:
«Первое дѣло—дитя качать,
«Другое дѣло—куделю прясть,
«Третье дѣло—гусей стеречь.»

—Я глазками гусей гляжу,
—Я ручками кудель пряду,
—Я ножкою дитя качу,
—Дитя качу, сама скажу:
—«Баю, баю, мое дитятко,
—«Моли, моли *), мое милое,
—«По матушкѣ ушучина,
—«По батюшкѣ Татарщина.»—

(Запис. И. Ст. Кохановской. „Ворон. Вес." 1861).

Совершенно справедливо, что пѣсень нельзя записывать съ пересказа, и нарочно безъ повода пересказывать пѣсню—трудно. А пѣть, убаюкивая дитя, можно что́ угодно, особенно кто мало знако́мъ съ народными обычаями и пріемами. Дамамъ же вообще мы имѣемъ честь предложить Колыбельныя и прочія «Дѣтскія» пѣсни въ нашемъ недавнемъ изданіи. Тамъ можно найти, что́ въ извѣстныхъ случаяхъ поётся среди народа, а также легко провѣрить, чего *никогда не поётся*.

Конецъ Пѣсень 7-го выпуска и II-й части,
Замѣтокъ къ нимъ и Приложеній.

*) Не понимаемъ, что это значитъ. Не опечатка ли вмѣсто «люли, люли?»

Вслѣдъ за симъ мы помѣщаемъ «*Погрѣшности,*» происхожденіе коихъ уже объяснено нами выше, а за тѣмъ два «*Оглавленія*»: первое въ томъ порядкѣ, какой случайно получили Былины въ 7-мъ выпускѣ, при двухъ перерывахъ, а второе въ томъ, какъ дѣйствительно должны бы онѣ размѣститься съ точностію строгой и какія сюда относятся дополненія, указанныя нами, изъ прочихъ изданій. При 7-мъ же выпускѣ помѣщено Оглавленіе и 6-му, въ заключеніе II-й Части изданія.

* *
*

ПОГРѢШНОСТИ,

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПРИ ПЕРЕСМОТРѢ ПЕРВЫХЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЛИСТОВЪ [1]).

	Слѣдуетъ исправить или дополнить:
Т., стран. 1, *ст.* 8 и 9.....	*Пр.* Въ оригиналѣ: возвывалася, возвывался.
— — *ст.* 14.....	*Пр.* На Угличѣ: по непониманію сдѣлано «углище,» гдѣ жгутъ уголья.
— — *ст.* 15: на пгрищи,.....	на пгрищи.
— — — 17: съ коршунятами.	съ коршунятами:
Т., стран. 2, *ст.* 27: прошелъ.....	прошелъ [2])
— — — 5: преставился.....	переставился
— — — 6: Россе́юшка.....	Росеюшка
— — — 8: Появилась.....	Проявилась
— — — 10: этотъ.....	этотъ-то
— — — 11: Россеюшкой....	Росеюшкой
— — — 14: Димитрія.....	Дмитрія
Пр. — *стр.* 1 снизу:.....	*Пр.* 2) пошелъ (варіантъ).
Пр., стран. 3, *стр.* 9 сверху: (Шѣла старушка, 1834 г.)	(Шѣла старушка, 1834 г., Генваря 22).
Т., — *ст.* 9: Царю Богу	Царю, Богу
— — — 14: «Поди	«Выди
— *стран.* 4, *ст.* 17: народу: Димитрій	народу, что Димитрій
— — — 23: скажи дѣтина,...	скажи, дѣтина,
— — — 24: «Отъ коей страны, пришёлъ,.....	«Отъ коей страны пришелъ.
— — — 28: грозный.....	Грозный

[1]) Произошли онѣ главнымъ образомъ отъ того, что печаталось *въ ночи* съ копій, переписанныхъ П. И. Якушкинымъ: но копіи сіи оказались *не точны* при послѣдовавшемъ сравненіи съ подлинниками. Сокращеніе *Т.* значитъ текстъ страницы, а *Пр.* примѣчанія; *Стр.* строка, *Стран.* страница, *Ст.* стихъ.

— *стран.* 5, *ст.* 1: Боже Спасъ.....	Боже. Спасъ
— — — 4; Отрепьева;.....	Отрепьева?
— — — 7: Димитріемь.....	Димитріемъ
— — — 13: Юрьевну,.....	Юрьеву,
— — — 21: саянъ.....	соянъ
	Пр. См. прежніе выпуски и ниже въ Дополненіяхъ.
— — — 25: красный.....	красной
Т., стран. 6, *ст.* 34: Въ Боголюбовъ монастырь.....	*Пр.* Любимый въ Былинахъ, техническое имя: ср. друг. выпуски.
— — — 45: Потерянъ.....	*Пр.* Убитъ; ср. «Князь Романъ жену *терялъ*.»
— — — 48: премудрыя;.....	Премудрыя;
— — — 57: крыльцу.....	крылечку
— — — 66: Бросился.....	Бросался
— *стран.* 7, *ст.* 6: Стрижка-ярышка	Стрижка-ярыжка
	Пр. Разстригѣ Отрепьеву придано насмѣшливое прозвище ярыжекъ, подъячихъ и вообще подначальныхъ людей, которые изстари стриглись какъ хохлы, рабы, а со времени Западнаго вліянія одни изъ первыхъ, послѣ бояръ и дворянъ, начали стричься по Нѣмецки.
— — — 15: швырцовыми!...	*Пр.* Швырковыми, то же, что «сыпучими.»
— — — 29: На себѣ.....	На себе (на себя)
Т., стран. 8, *ст.* 12: латырь.....	*Пр.* См. прежніе выпуски.
— — — 46: посылочку.....	посылоцку
Пр., стран. 9, *стр.* 6 сверху: *Хитичкахъ;* Осташковскаго уѣзда).....	*Хитичахъ*, Осташковскаго уѣзда; 1834, Мая 22).
— — *стр.* 9 снизу: подкасталая.....	подокасталая.
Т. въ *Пр., стран.* 10, *стр.* 14 снизу: няньки моп-мамки!.....	няньки мон. мамки!
— — — *стр.* 11: въ новы выходы,.....	во новы выхода,
Т., стран. 11, *ст.* 32: Того ли кума..	Того ли же кума
— — *ст.* 2: году осьмой....	году, въ осьмой
— — — 5: во всѣ.....	со всѣ
— — — 6: И съ нею.....	А и съ нею
— — — 10: Чукша,.....	Чукши,
— — 12, *ст.* 21: крещопому....	крещеному
— — — 22: свѣто-Русскія,..	свѣто-Рускія.

— — — 25: Московскій.....	Московской
— 40: названый	названой
— — — 52: Русскіе»	Русскіе.»
Т., стран. 13, *ст.* 59: Карлосу;.....	Карлусу;
— — — 61: Скочилъ	Сскочилъ
— — — 64: ни замѣшкался,	не замѣшкался,
— — — 67: круглый	круглой
— — — 78: Отправилъ.....	Отправляетъ
— — — 81: Школьскія	*Пр.* Стекольскія, Штокгольмскія.
— — — 83: не мало—	ни мало –
Т., стран. 14, *ст.* 101: Прекрошили ..	Прекротили
	Пр. Укротили; пользуясь словопроизводствомъ и образами въ словѣ того же корня, творчество выводитъ и враговъ «долгополыхъ,» которыхъ наши «укорачиваютъ.»
— — — 102: дрались,.....	дрался,
— — — 103: А еще нонѣ ..	Еще нонѣ
— — — 106: въ ночь	*Пр.* На сѣверъ.
— — — 108: божья помочь—	Божья помочь?
— — — 111: великое государство Россійское	велико государство Россійское.
— — — 120: православный	православной
— — — 126: княжевича,....	князевича,
Т., стран. 15, *ст.* 131: почестный....	почестной
— — — 133: пьяненьки.....	пьяниньки
— — — 150: Отъ малаго...	«Отъ малаго
— *стран.* 16, *ст.* 166: «А знаючи мнѣ стаканъ со зельемъ.....	«А зазнаючи мнѣ со зельемъ стаканъ
— — — 167: меня змѣя....	меня, змѣя
— — — 172: А только успѣлъ съ нею скоро.....	*Пр. Только—скоро*: какъ скоро, какъ только успѣлъ.
— — — 188: веселымъ молодцамъ.....	*Пр.* Гуслярамъ, пѣвцамъ Былинъ по занятію (профессіи); позднѣе— скоморохамъ и гудочникамъ, удержавшимся у насъ долѣе гусляровъ и замѣнившимъ не рѣдко сихъ послѣднихъ.
Т., стран. 17, *ст.* 14: во дворцѣ его	его во дворцѣ
— — — 20: басурмана,...	басурманина,
— — — 6, *стр.* 1-я снизу: Гужмундъ;.....	*Пр.* Жигмундъ, Сигизмундъ.
Т., стран. 18, *ст.* 21: воеводъ	воеводовъ

Пр., стран. 19, *стр.* 2-я сверху: (Орловск. губ. Малоарх. у.).....	(Симбирскъ).
— — послѣ 10-го стиха:.	*Пр.* (Запис. П. В. Кир. 1838 г.).
Т., — ст. 2: талу	талую
— — — 12: ступай, тетка, въ клѣти!	ступайте-ка въ клѣти!
— — 15: не клепите».....	не клепите.»
Т., стран. 20, послѣ стиха 18-го....	Въ третьихъ-то саняхъ Урядники сами; Ой, съ Дону, съ Дону!
	Пр. За симъ исправить счетъ стиховъ.
— — *ст.* 26 (29): Дёрники..	Да ёрники
— *стран.* 21, *ст.* 37 (40): благословляетъ, ...	благословляетъ,
— — — 50 (53): не зна(ва)йте!».....	не знайте!»
— — *ст.* 1, *стр.* 4 снизу: въ старомъ-то.....	во старомъ-то
— *стран.* 22, *ст.* 20: «Разобьемъ ихъ,	«Разобьемъ мы ихъ,
— — 23, *ст.* 48: Самого-то Сузмунда	Самого-то короля Сузмунда
— — — 65: изъ богатаго дому	изъ богатаго роду
Т., стран. 24, *ст.* 8: Какъ взговоритъ	Какъ и взговоритъ
— — — 13: бояры воеводы	бояры-воеводы
Послѣ стиха 15-го:	*Пр.* (Отъ старухи).
— — *ст.* 1, *стр.* 12 снизу: Снаряжался.....	Снарядился
— — *ст.* 6: малыхъ.....	малыихъ
— — — 8: Всплакавши,....	Восплакавши,
— — — 10: малымъ.....	малымъ
— *стран.* 23, *ст.* 17: Михайло-силарать	Михайло, сила-рать
— — — 28 и 29: буйныхъ..	буйныихъ
— — *ст.* 1, *стр.* 11 снизу: Подъ Конотоповымъ.....	Подъ Контоповымъ
— — *ст.* 2: было Переправою, ...	было—Переправою,
	Пр. Было за рѣкою-переправою. Ср. стр. 27, № 3.
— — *ст.* 5: боярина.....	боярина князя
— — 6: прозванію.....	прозванью
— — 11: царю Крымскому	царю, Крымскому,

Т., стран. 26, *ст.* 12: бѣлому.....	ко бѣлому.
— — — 13: взговоритъ.....	возговоритъ
— — — : шишимора:.....	шимора:
	Пр. Вѣроятно «шишимора» въ 24-мъ стихѣ «шимора.»
— — — 14: бояринъ.....	боляринъ
— — — 17: Взговоритъ....	Возговоритъ
— — — 27: *моренма́*.....	*Пр.* Клочьями, отрепьями, по мелкимъ частямъ, обрывкамъ: старое, общеславянское *морхъ, морха, мрха*, у насъ еще съ перестановкой *мохръ, мохры*. Образовано какъ *плашмя, весьма* и т. п.
— — ст. 1: во чистомъ....	въ чистомъ
— — — 3: Татары-Улавины;.....	*Пр.* Улановья.
— — — 9 и 11: Васпльевичу	Васпльичу
— *стран.* 27, *ст.* 14: мержавецкое,...	*Пр.* Мурзамецкое, мурзинское
— — *ст.* 1, *стр.* 9 снизу: за Сосновкою,.....	Сосновкою,
— — — 3: Въ лугахъ,....	На лугахъ,
Т., стран. 28, *ст.* 11: Напущались....	Напущался
— — — 16: Пожарскій.....	Пожарской
	Пр. И ниже исправить то же.
— — — 22: славный.....	славной
	Пр. И ниже исправить: «доброй, липовой.»
— — — 28: Своей.....	Своею
— — — 29 и 31: что́.....	что
— — — 30: А злы-ли злы Татарове.....	А завыли злы Татарове
— *стран.* 29: 46.....	45.
— — *ст.* 47: «Заочью непзмѣнною;.....	«Заочью не измѣною;
	Пр. Въ глазахъ вѣрой-правдою, а заглазно не измѣною (параллелизмъ, въ родѣ древняго Еврейскаго).
— — *ст.* 56: чембуры.....	*Пр.* См. прежніе выпуски.
— — — 59: «Я (бъ) срубилъ	«Я срубилъ
— — — 65: чорные.....	черные
— — — 78: молодцы-то....	молодцы то

	Пр. Здѣсь *то* относится къ слову «тѣло.»
— — — 79: по себѣ.....	*Пр.* Особенно, отдѣльно.
Т., стран. 30, *ст.* 96: въ мѣсто.....	*Пр.* Вмѣстѣ: цѣликомъ, цѣлымъ.
— — *ст.* 6 и 7: вѣрная.....	вѣрна
Пр. (варіанты), *стран.* 31, *стр.* 10 снизу: Загорѣлась	Загоралась
— — *стр.* 9 и 8: отъ большіихъ господъ,.....	отъ большіихъ отъ господъ,
— — *стр.* 8: Загоралась.....	Загоралася
— — *стр.* 1: Во новые выходы	Во новые выхода (Во новы́е выхода́).
Т., стран. 32, *ст.* 11: огню искорку;.	огня искору;.
— — — 6: На этомъ.....	На этимъ
— — — 7: бунчукъ.....	*Пр.* Извѣстный пукъ, служившій у Восточныхъ народовъ знаменемъ и знакомъ отличія, потомъ перешедшій къ козакамъ въ видѣ булавы или жезла у гетмана или атамана; здѣсь ставка, стойка со знаменами.
— — — 7: У этихъ у знамечковъ.....	У этихъ знамечковъ
— — — 10: молодцемъ.....	молодцомъ.
Пр. — *стр.* 1 снизу: разорилися.....	разорялися.
Т., стран. 33, *ст.* 3: удалый добрый.	удалой доброй.
— — — 8: голудбою.....	*Пр.* Голыдьба, иначе по нашимъ пѣснямъ «голь кабацкая,» голыши, гулаки.
— — *ст.* 10, *стр.* 5 снизу: ребята,...	робята,
— *стран.* 34, ст. 15: По прозванью	Возговоритъ
— — — 16 и 20: ребята,...	робята,
— — — 22: не (у)видѣлъ,...	не видѣлъ,
— — 35.....	25.
— — *ст.* 4: щепетко.....	*Пр.* Щегольски (Болгарск. «напетъ»).
Пр. — *стр.* 5 снизу: Баско....	*Пр.* Красиво.
— *стран.* 35, *ст.* 15 и 16 сверху: Касандревска.....	*Пр.* Александрійская, изъ Александрійки (по народному Касандрійка).
— — *стр.* 22: сафьяные.....	сафьяны
— *стран.* 36, *стр.* 8 и 9 снизу: Ужь и сталъ его воевода,.....	Ужь и сталъ его тутъ воевода,
Т., стран. 37, *ст.* 14: «Съ Дону.....	«Со Дону
— — — 14 и 16: казакъ, казачій	козакъ, козачій

— — — 15: разу́далый	разу́далый
— — — 16 и 17: не	ни
Пр. — *стр.* 13 сверху: дѣтинушка	дѣтинка
— — — 27 — : Чей такой, дѣтинушка, ...	Чей такой, дѣтинушка ты,
Т., стран. 38, *ст.* 20: по Камѣ по рѣкѣ,	по Камѣ по рѣкѣ *),
	Пр. Съ этого стиха начинается другая половина, по иным образцам отдѣленная какъ особая Былина.
Пр., — *стр.* 10 сверху: Да частенько	Да частешенько
— — — 11: Я не съ Дону..	Я не со Дону
— — — 16: Алканки	съ Алканки
— — — 19: по кирпичку ...	по кирпичику
— — — 26: Тимофеевъ.....	Тимоѳеевъ.
— — — : Я съ матушки Волги.....	Я съ матушки съ Волги
Т., стран. 39, *ст.* 27: не сѣрые (гуси?) привозгакнули.....	не сѣрые гуси возгакнули,
— — — 33: казачій.....	козачій
Пр., — *стр.* 5 снизу: веселому быть?..	веселому больно быть?
Т., стран. 40, *ст.* 7, 8: пойманный, пойманъ	поимапный, поиманъ
— — — 8 и далѣе: Стенька	Сенька
Пр., — *стр.* 4 снизу: Приколочки.....	*Пр.* Колъ съ крюкомъ: къ нему причаливаютъ лодку и привязываютъ.
Т., стран. 41, *ст.* 5: насадику;	*Пр.* Судно, съ набоями для сидѣнья сѣдоковъ, кромѣ гребцовъ.
— — — 7: молодцевъ	молодцовъ
— — — 17: «По прозванью	«По прозванію
Т., стран. 42, *ст.* 8: «А на что	«Ахъ на что
— — — 29: разбойничка....	разбойника
Т., стран. 44, *ст.* 30: На часовеньку	30. На часовеньку
— — — 2 и ниже: Что́....	Что
— — — 5: Наряжается....	5. Наряжается
	Пр. И ниже, во всей Былинѣ, цифры 10, 15, 20, 25.
Т., стран. 45, *ст.* 5: что.....	что
— — *ст.* 8: платье цвѣтное	платьи цвѣтныя
Пр. стран. 18, *стр.* 4 сверху: (Прибавленія къ выпуску 5-му,.....	(Прибавленіе къ выпуску 5-му,

— — *стр.* 1 снизу: званіе Терентья.....	званіе Терентья.— *О.*
Т., стран. 50, *ст.* 45: трясетъ.....	грясётъ.—
Ир., — *стр.* 1 снизу: мѣшокъ..	мѣшокъ.— *О.*
Стран. 54: III. (а).....	*Ир.* Пѣсня, помѣщенная на стр. 54-й подъ Отдѣломъ III-мъ, должна слѣдовать за Отд. I-мъ, послѣ 51-й страницы, съ такимъ заголовкомъ: II (а). (Прибавленіе къ тому же 5-му выпуску. Былинамъ Новгородскимъ).
Стран. 54, *Ир.*, *строка* 1-я снизу: (а) Ср. выше кругъ пѣсень новгородскихъ.....	(а) Ср. выше кругъ пѣсень Новгородскихъ: II-й отдѣлъ Былинъ о Васильѣ Буслаевѣ.
— *Т.*, *ст.* 7: «Поразольется....	«Поразо́льется
Стран. 52: II. (а).....	*Ир.* Пѣсня, помѣщенная на стр. 52-й подъ отдѣл. II-мъ, должна слѣдовать за означенною, тою, которая поставлена нами подъ отд. II-мъ (о Васильѣ Буслаевѣ или Купеческомъ сынѣ), съ заголовкомъ: III (а). (Прибавленіе къ тому же, 5-му выпуску, къ Былинамъ Княжескимъ).
Стран. 52, *Ир.*, стр. 1-я сверху: (а) Ср. выше кругъ пѣсень Владиміра.	(а) Ср. выше кругъ пѣсень Княжескихъ: *Князь Романъ жену теряль*, отд. II, стр. 100 и дал., а потомъ отд. IV, *Добрый молодецъ (жену теряль)*, стр. 123 и дал.
Стран. 52, *Т.*, *ст.* 1: Владиміра,....	Владимера,
— — *ст.* 2: У солнышка у числа-время, ...	*Ир.* У перекатнаго солнышка, того, что ходя и играя указываетъ *число-время*, откуда похаживанье Владиміра по гридиѣ и угощеніе гостей сравнивается по другимъ Былинамъ такъ: «Не красное солнце *числовалося*.» Ср. у насъ вып. III, стр. 28.

— *Пр., стр.* 5 снизу: похваляется	похвалялся
Стран. 53, *Пр., стр.* 7 снизу: одину голову,.....	буйну голову,
Стран. 54, *Т., стр.* 8 снизу, *ст.* 2: бузовали.....	*Пр.* Полонили, грабили, обирали.
— — *ст.* 5 (и далѣе 12): чечью жемчуга;.....	чечью-жемчуга;
	Пр. Чечуй-жемчугъ, чечь-жемчугъ: зернистый, крупный, что идетъ въ подвязи, низаныя ожерелья, цѣпочки и нитки. Ср. стихъ 12.
— — *ст.* 7: Шамельфу.....	*Пр.* Амелфу, любимое женское имя въ старшихъ нашихъ Былинахъ.
Стран. 55, *Т., ст.* 22: надъ ней.....	надъ нею
— — — 2, *стр.* 8 снизу: Съ палатъ.....	Сы палатъ
— — *ст.* 7: И не такъ дѣвка стопть:.....	И не такъ дѣвка стопть,—
Стран. 56, *Т., ст.* 12: бѣлополынянка!	*Пр.* Бѣлая полонянка.
— — *ст.* 13: конью шубу..	*Пр.* Кунью?
Стран. 61, *Т., ст.* 5: Направили....	5. Направили.
	Пр. И ниже цифры 10, 15, 20.

* *
*

ОГЛАВЛЕНІЕ 1-е,

ВЪ ПОРЯДКѢ ПРЕДЛЕЖАЩАГО РАЗМѢЩЕНІЯ БЫЛИНЪ.

—

ВЫПУСКА 6-го.

ВЫПИСКА ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ ОБЩЕСТВА.

Пѣсни Былевыя, Историческія:

Москва.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ.

	Стран.
Взята Казань.	1 — 22
Помочь царю подъ Казанью.	23 — 35
Ермакъ. Сибирь покорена..	36 — 54
Царь хочетъ убить сына.	55 — 109
Царь еще женится.	109 — 186
Осада Пскова.	187 — 190
Царь въ Серпуховѣ.	190 — 191
Гнѣвъ на Вологду.	192 — 194
Правежъ.	194 — 201
Царь сослалъ царицу въ монастырь.	202 — 204
Смерть Грознаго царя Ивана Васильевича.	205 — 207
Плачь по умершемъ царѣ.	207 — 210
Плачь войска.	210 — 212

—

ВЫПУСКА 7-го.

ВЫПИСКА ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ ОБЩЕСТВА.

Пѣсни Былевыя, Историческія:

Москва.

Отъ Грознаго Царя до Петра I-го.

Убіеніе царевича Димитрія, Борисъ Годуновъ.	1 — 3
Григорій Отрепьевъ и Марина.	3 — 6
То же и Михайло Скопинъ.	7 — 9

Стран.

Смерть Скопина. . . . . 9 — 16
Василій Шуйскій. 17
Прокопъ Ляпуновъ. . . . . 17 — 18
Смутное время . . . . . 19 — 21
Козьма Мининъ и князь Пожарскій. Освобожденіе Москвы. Избраніе Михаила Ѳеодоровича. . . . . 21 — 23
Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова. . . . . 24 — 25
Князь Семенъ Романовичъ Пожарскій. . . . . 25 — 30
Московскій пожаръ. . . . . 30 — 32
Царствованіе Алексѣя Михайловича. Стенька Разинъ. . . . . 32 — 41
Сынъ Стеньки Разина. . . . . 42 — 43
Смерть стрѣлецкаго воеводы. . . . . 43 — 44
Подъ Ригою. 44
Смерть царя Алексѣя Михайловича. . . . . 45 — 47

—

Прибавленія.

Терентій гость. . . . . 48 — 51
Къ кругу пѣсень Владиміра. . . . . 52 — 53
— — — Новгородскихъ. 54
Татарскія. . . . . 54 — 62

—

ВЫПИСКА ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ ОБЩЕСТВА.

—

Приложенія

къ 7-му выпуску и

Дополненія

КЪ ПЕРВЫМЪ ДВУМЪ ЧАСТЯМЪ ПѢСЕНЪ Былевыхъ, Историческихъ. . . . 1 — 214.

—

Погрѣшности,

замѣченныя при пересмотрѣ первыхъ четырехъ листовъ 7-го выпуска. I — IX.

* *
*

ОГЛАВЛЕНІЕ 2-е *),

КАКЪ ДОЛЖНЫ РАЗМѢСТИТЬСЯ ПРИВЕДЕННЫЯ БЫЛИНЫ СООБРАЗНО ИХЪ СОДЕРЖАНІЮ И ВРЕМЕНИ ВОСПѢТАГО СОБЫТІЯ.

—

ВЫПУСКЪ 7-ій.

ВЫПИСКИ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ ОБЩЕСТВА Л. Р. СЛ.

Пѣсни Былевыя, Историческія:

Москва.

От Грознаго Царя до Петра I-го.

Ѳедоръ Ивановичъ и Борисъ Годуновъ. Неудача Крымскаго царя..... *Доп.* стр. 56, 57.

Убіеніе царевича Димитрія, смерть Ѳеодора, царство Годунова..... *Т.* стр. 1—3, №№ 1 и 2.

Плачь Ксеніи..... *Доп.* 58—61, №№ 1 и 2.

Григорій Отрепьевъ и Марина..... *Доп.* 62—72, № 1; *Т.* 5, 6, № 2; *Доп.* 75, 76, № 1; *Рыбн.* Ч. I, № 69 и III № 45; *Т.* 3, 4, № 1;

Тоже и Михайло Скопинъ..... *Т.* 7—9, № 3.

Смерть Скопина..... *Доп.* 113, 114, № 3; *Т.* 9—11, № 1; *Доп.* 107—111, №№ 1 и 2; *Т.* 11—16, № 2. *Рыбн.* Ч. I, № 70; книжная передѣлка изъ Былинъ въ прозу: «Памят. стар. Р. литер.» вып. 2.

Первыя покушенія на Азовъ (съ именемъ Скопина). *Доп.* 116, 117, № 1.

Тушинскій Воръ..... *Доп.* 118, 119, № 1.

Василій Шуйскій..... *Т.* 17.

Прокопъ Ляпуновъ..... *Т.* 17, 18.

Смутное Время. Попъ Емела..... *Т.* 19-21, №№ 1—3; *Доп.* 119—121, №№ 1 и 2.

Нападеніе на Волокъ Ламскій..... *Доп.* 121—123, №№ 1 и 2.

(Туже Былину, въ испорченномъ видѣ и въ искаженіи, см. въ драмѣ Ѳеодоръ Ивановичъ,» въ «Вѣстникѣ Европы» 1868 года).

---

*) Сокращеніе — *Т.* значитъ Текстъ первыхъ 4-хъ листовъ 7-го вып., *Пр.* первыя Прибавленія къ нимъ, *Доп.* вторичныя Приложенія и Дополненія, *Рыбн.* собраніе П. Н. Рыбникова.

Козьма Мининъ и Князь Пожарскій. Освобожденіе Москвы. Избраніе Михаила Ѳеодоровича. *Т.* 21—23.
Смерть Шуйскаго и избраніе Михаила..... *Т.* 24.
Пріѣздъ Филарета Никитича и Шеина въ Москву... *Доп.* 124, 125, № 1.
Битва подъ Астраханью..... *Т.* 24, 25.
Московскій пожаръ..... *Т.* 30—32, №№ 1 и 2; *Доп.* 126, 127, №№ 1 и 2.
Убитъ Карамышевъ..... *Доп.* 129—133, №№ 1—4.
Князь Семенъ Романовичъ Пожарскій, битва подъ Конотопомъ..... *Т.* 25—30, №№ 1—3.
Земскій Соборъ при Алексѣѣ Михайловичѣ..... *Рыбн.* Ч. II № 40, ч. III №№ 46 и 47.
Донской козакъ въ плѣну Азовскомъ..... *Доп.* 135—137, № 1.
Стенька Разинъ: породился и проявился..... *Т.* 32—33, №№ 1 и 2.
Переходъ Разина на Волгу..... *Доп.* 138, 139, № 1.
Разинъ на Соколѣ кораблѣ..... Выпускъ I, стр. 22, 23, № 7; Приложенія къ 1-му Вып. стр. 34; *Рыбн.* Ч. II стр. 317, 318, № 61; „Лѣтоп. Р. Литер. и др.," Сборн. гг. Костом. и Мордовц. № 1, стр. 9, 10; *Доп.* стр. 9 и 139.
Стоянка Разина..... *Доп.* 140, 141, № 1.
Искушеніе и опасность Разину въ Астрахани..... *Доп.* 141—143, № 1.
Сынъ Разина и его любовница..... *Т.* 42, 43.
Сынъ (соглядатай) Разина: попытка проникнуть въ Астрахань..... *Доп.* 144, 145, № 1.
То же и сборы Разина въ Астрахань..... *Т.* 34—40, № 4 (по многимъ варіантамъ); *Доп.* 143, вар. Костомарова; 144, № 1; *Т.* 33, 34, № 3.
Соколъ и Орелъ (сочиненіе И. П. Сахарова)..... *Доп.* 146, 147.
Астраханское дѣло Разина. Буйство въ Астрахани. Убитъ Прозоровскій..... *Доп.* 148, № 1.
Убитъ Астраханскій Воевода (Губернаторъ)..... *Доп.* 149, 150, № 1.
То же..... *Доп.* 151, 152, № 2.
Пѣсня Разинцевъ..... *Доп.* 153—155, №№ 1 и 2; Новиковск. пѣсенникъ Ч. III; Стѣховича „Собр. Р. нар. пѣсень" 1854 г. и друг.
Пѣсня Разина..... *Т.* 40, 41, № 5; *Доп.* 156—160, №№ 1, 2 и 3.
Смерть Разина и Плачь по немъ Разинцевъ..... *Т.* 41.
Взятіе Астрахани..... *Доп.* 161—163, № 1.
Осада Соловецкаго монастыря..... *Доп.* стр. 165, „Калѣки Перехожіе" выпускъ III, стр. 675—680, № 157 и далѣе (по тремъ образцамъ).
Смерть Михайлы Черкашенина..... *Доп.* 164, № 1.
Смерть Стрѣлецкаго Воеводы..... *Т.* 43, 44.

Подъ Ригою..... *Т.* 44.
Смерть царя Алексѣя Михайловича..... *Т.* 45—47, №№ 1—4

*

Набѣги и полоны Восточныхъ выходцевъ.

Авдотья Рязаночка..... *Доп.* 182—185; *Рыбн.* III.
Бѣгство изъ Крыму изъ Нагаю..... *Т.* 56, № 3: *Доп.* 187, № 1; ср. Вып. I, стр. 91, 92, № 3.
Татарскій полонъ..... *Т.* 54—56, №№ 1 и 2; 61, № 5; *Доп.* 188, 189, № 1; ср. Вып. I, стр. 92—94, №№ 4, 5; Вып. IV.
То же, въ особой цѣльной Былинѣ..... *Т.* 56—60, № 4, *Доп.* 190—213, №№ 2—11 и 12-й (безъ №№ двѣ сложенныя Сахаровымъ пѣсни); ср. три образца въ собр. П. В. Шейна, въ 1-й кн. „Чтеній“ 1868 г. (Тульск. и Сарат. губ.) и запис. В. И. Далемъ въ Оренбург. губ. (въ Сочинен. его т. VII, изд. 1861 г. Спб.).

* *

Приложенія къ 7-му выпуску и Дополненія къ первымъ двумъ частямъ Пѣсень Былевыхъ, Историческихъ..... 1—214.
Погрѣшности..... I—IX.
Два Оглавленія..... XI—XV.

Цѣна 7 выпуска 1 рубль.

Выпуски 5-й и 4-й по 1 р.; 6-й, 3, 2 и 1-й по 50 к.; всѣ семь Выпусковъ или двѣ первыя Части изданія *пять* рубл. сер.

2007041547